

Юлия Посашко

МОНАХИ

о выборе и о свободе

Митрополит Игнатий (Пологрудов)

Монахиня Иулиания (Денисова)

Инокия Ольга (Гобзева)

Игумения Иоанна (Егорова)

Игумен Агафангел (Белых)

Иеромонах Клеопа Петритис

Игумен Михаил (Семенов)

Игумен Нектарий (Морозов)

Иеромонах Макарий (Маркиш)

Юлия Посашко

МОНАХИ

о выборе и о свободе

Москва · «Никея» · 2014

УДК 238.2
ББК 86.372
П 61

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС 13-313-2040*

В книге использованы фотографии из личных архивов героев, а также фотографии М. Моисеева, Ю. Маковейчук, Д. Маханько, Е. Арбугаевой, инокини Елены (Страшиновой)

Посашко Ю. И.

П 61 Монахи : О выборе и о свободе / Юлия Посашко. — М. : Никея, 2014. — 304 с. : ил.

ISBN 978-5-91761-238-6

Почему наши современники бросают мир и уходят в монастыри? Отвечая на этот вопрос, герои книги говорят о своей жизни и пути к Богу, о сомнениях и решимости, о слабости человеческой и силе Божией. О том, как невозможное делается возможным, а казавшееся абсурдным — единственно правильным.

Разные люди, с непохожими судьбами, интереснейшим жизненным опытом — что поставило их в один ряд, в авангард войска Христова?

**УДК 238.2
ББК 86.372**

© Юлия Посашко, 2014

© Издательство «Никея», 2014

ISBN 978-5-91761-238-6

Содержание

Введение.....	7
Игумен Агафангел (Белых).....	9
Игумен Михаил (Семёнов).....	39
Митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий (Пологрудов).....	61
Монахиня Иулиания (Денисова)	91
Иеромонах Макарий (Маркиш).....	127
Инокия Ольга (Гобзева).....	155
Иеромонах Клеопа Петритис.....	181
Игумения Иоанна (Егорова).....	217
Игумен Нектарий (Морозов).....	239

ВВЕДЕНИЕ

«Как вы дошли до жизни такой?» — по признанию многих наших собеседников, этот вопрос задается им довольно часто.

Мы любим ездить по монастырям, особенно по старинным, таинственным своей древностью. Или даже просто — из сутолоки городской жизни любим заглянуть в невесть как оказавшуюся посреди этого шума обитель, насладиться, наполниться ее покоем. Есть в монастырях что-то утишающее душу человека, даже маловерующего, приводящее в порядок привычный хаос мыслей, что-то... не всегда понятное нам самим.

Но ведь монастырь — это не стены, а прежде всего люди. Кто из нас хоть единожды не задавался вопросом: что заставляет этих людей — совершенно разных, разного образа жизни, склада характера — уходить в монастыри (впрочем, те, кто «ушли», ставят все-таки иные акценты, говорят: «Мы не ушли, мы — пришли»)?

«Ну, да, ради Бога, ради сугубой молитвы... Но ведь уйти надо было насовсем, навсегда!

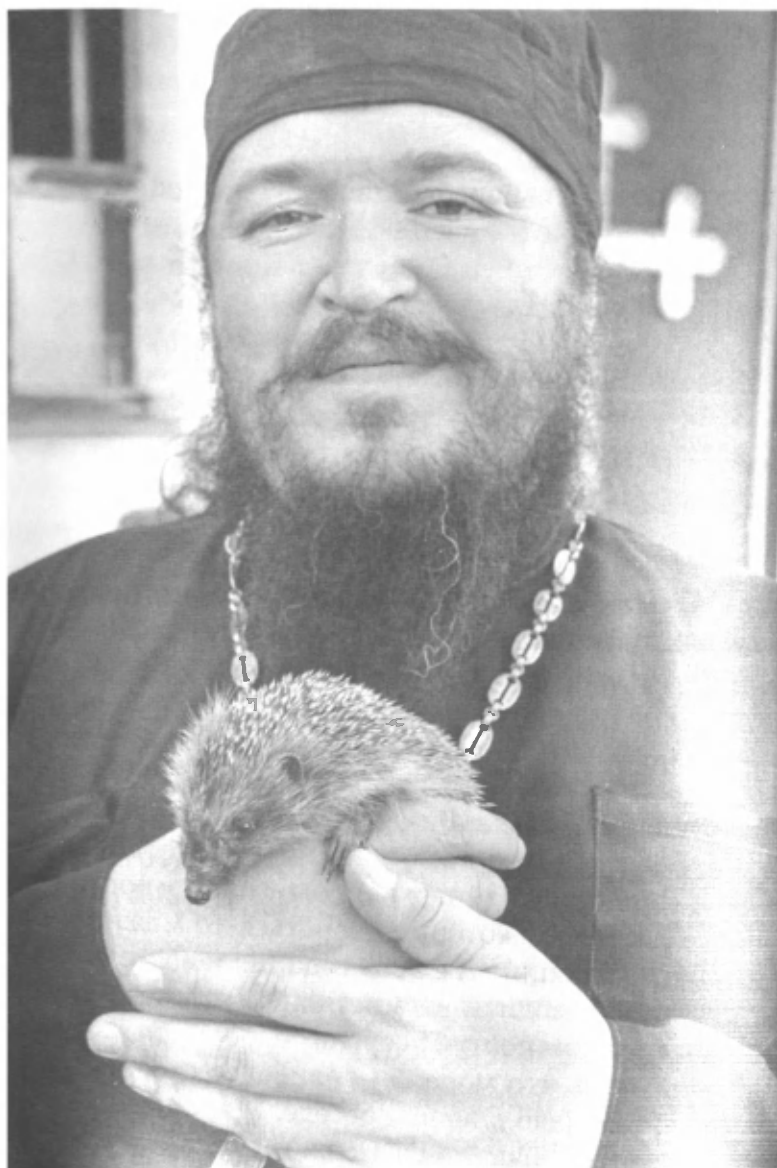
Забыть, за спиной оставить все радости жизни! Нет, все равно непонятно, все равно что-то должно быть не так! Может, несчастная любовь случилась... или человек не сумел реализоваться в жизни... или на него сильное впечатление произвела смерть близкого человека... а не вернее ли всего он — великий грешник, вот и идет грех вымаливать...

Нет, понятно еще, если решается на „скорбный иноческий путь“ человек уже поживший, повидавший виды — можно сочувственно вздохнуть вслед... Ну а когда молодые, полные сил ребята и девушки решаются „похоронить себя заживо“ — как это принять, чем объяснить? Ведь что такое монастырские будни — скука сплошная, „редька, постное масло да поклоны“ (именно так, в бытность свою молодым офицером, представлял себе иноческую жизнь будущий старец Оптиной пустыни преподобный Варсонофий Оптинский)! А могла быть — семья, детки... Бедные, бедные люди!»

Действительно, что должно случиться с человеком, чтобы ему вдруг (или все-таки — не вдруг?) сделался неинтересен целый мир, полный впечатлений, земной красоты, радости встреч и открытий? Богом созданный мир. Что должно быть на другой чаше весов?

Это главный вопрос, который мы старались ставить перед героями книги, которую вы держите в руках.

ИГУМЕН АГАФАНГЕЛ (БЕЛЫХ)

Игумен Агафангел (Белых), клирик Белгородской епархии

От бесшабашной, свободолюбивой юности, путешествий автостопом по Центральной России — к строгим монашеским одеждам, четкам, молитвам, «непринадлежанию» себе. Впрочем, путешествия отнюдь не прекратились: со времени монашеского пострига игумен Агафангел успел послужить на Чукотке, в Магаданской и Синегорской епархиях, окормлял многие отдаленные поселки, в которые добраться-то можно только с помощью авиации. А с 2009 года так и вовсе стал создателем и руководителем миссионерского стана «Спаский» в якутском порту Тикси, на берегу моря Лаптевых.

«Я думаю, что монахи — наиболее свободные люди», — прозвучало в нашей беседе. И прозвучало вовсе не диссонансом. Как это возможно? Об этом и о многом другом наш разговор с игуменом Агафангелом (Белых).

*Филипп находит Нафанаила и говорит ему:
мы нашли Того, о Котором писали Моисей
в законе и пророки,
Иисуса, сына Иосифова, из Назарета.
Но Нафанаил сказал ему:
из Назарета может ли быть что доброе?
Филипп говорит ему: пойди и посмотри.*

Ин. 1: 45–46

ДЕВЯТЫЙ ТОМ КАСТАНЕДЫ

*— Если вернуться на двадцать лет назад...
Когда вы сами пришли к такому убеждению, что
Евангелие — это истина? Не Кастанеда, не Лао-
Цзы — ведь хиппи этим тоже увлекались?*

*— У меня с Кастанедой был смешной слу-
чай. Уже будучи христианином, священником, я
с кем-то начал говорить о ложности учения Каста-
неды: «Брат, ты понимаешь, что я говорю как че-
ловек знающий, я прочитал шесть томов Каста-
неды в свое время». Он говорит: «Вот именно, вы
прочитали шесть томов, батюшка, а нужно было
девять, в девятом-то томе все правильно объ-
ясняется!»*

Да, я, конечно, очень много метался между разными религиозными движениями, но ничем серьезно не увлекался. И к кришнаитам тогда мы тоже ходили, и на бывшую Колхозную площадь. Теперь это Сухаревка. У них был большой ашрам, мы ели там прасад. Его же давали бесплатно... Там же можно было санкиртан весело потанцевать.

Потом и к пятидесятникам ходили. Но пятидесятники меня как-то сразу испугали. Когда все стали «говорить на языках», я понял, что это совершенно не мое. Я там для приличия тоже встал на коленки, но никакого участия во мне это не вызвало. Хотя у меня был хороший друг из этой среды.

В церковь-то я тоже заходил, конечно. Но это все так же было — в ряду прочего. А осознание истинности Евангелия, и именно православного, восточного его понимания, оно, наверное, выросло постепенно, когда я уже решил в семинарию поступать. Я готовился к поступлению примерно полтора года на приходе в Прибалтике, в Калининградской области. Очень много читал. У меня тогда появилась масса свободного времени. Я жил при храме, сторожил, чуточку расписывал притвор, и вот, наверное, тогда что-то стало меняться. Видимо, это было связано с тем, что я просто стал жить, по сути, в режиме церковной жизни: вечером — служба, утром — молитва, чтение Священного Писания. Я там работал

еще и сторожем — надо было территорию убирать, дрова колоть, снег чистить.

— *Нести монашеское послушание, практически?*

— Да-да. Причем до этого я никогда не был ни в одном монастыре. О монастырях я знал только из книжек или понаслышке. И я в таком «формате» прожил год с лишним. Поэтому я все-таки связываю свое осознание Православия как истины именно с практикой. Действительно, какой у нас миссионерский призыв? «Приди и виждь!» Да? Как было призвание Нафанаила. Я видел, впитывал вот такую живую веру, постоянную молитву.

— *Работать сторожем в храм вы пошли намеренно?*

— Случайно, совершенно случайно! Тогда мы развелись с женой. Можно сказать, мы спокойно разошлись, без скандала. Мы прожили вместе шесть лет, а потом поняли, что становимся совершенно чужими друг другу. Она хотела уехать жить на Запад. И в итоге уехала. Я же хотел остаться в России. Хотя это, конечно, была не главная причина. Тогда я еще и работу потерял, стал искать разные подработки, и однажды приятель познакомил меня со священником, которому нужно было сделать какую-то декоративную отделку в церкви. Священнику моя работа понравилась. Приехал другой священник, посмотрел и сказал: «А мне так можешь сделать?» — «Могу». — «Ну

поехали». И я там просто остался. Вот так потихонечку Господь меня хитро привлек. Этот храм находился в городе Светлый, в Калининградской епархии.

SMELL OF ORTHODOXY

— *Получается, все произошло естественно?*

— Да. Когда меня спрашивают, как и почему я стал монахом, то обычно добавляют: «У вас было какое-то потрясение в жизни? Произошла трагедия? Вас бросила девушка или что-то еще случилось?» — «Нет, — говорю я. — Ничего такого не было. Все было нормально!» Господь меня мягонько толкал в спину, а я упирался, налево-направо пытался отклониться. Но Господь меня, любя, «корректировал»: нет, сюда-сюда-сюда, и все. Вот так и получилось.

— *Но монашество — это другой вопрос. Можно прийти к вере и остаться мирянином.*

— Знаете, мне как-то сразу очень понравилось монашество. Вот у о. Серафима (Роуза) есть выражение „smell of Orthodoxy“. Его можно перевести как «аромат Православия». И на меня так же повеяло ароматом монастыря. Я почему-то влюбился именно в монашество, сразу. Хотя ни разу ни в одном монастыре не был в своей жизни, разве что в Оптиной, в 1991 году. Но это было так, дань моде тогдашней: все ездили в Оптину — и мы поехали на пару дней.

Я бы даже и обращением-то это не назвал, потому что я никогда не был ни упорствующим язычником, ни воинствующим атеистом и, в общем-то, к христианству, к Церкви всегда относился с симпатией — мне было интересно.

Мой приход к вере, осознанный, осмысленный, совпал с этой влюбленностью в монашескую традицию. А что можно было узнать о монастырях? Шла середина 90-х, и столько фильмов о монастырях, как сейчас, не было. Только книги какие-то. Но вот батюшка, настоятель храма в Светлом — игумен Тихон — был монахом.

В то время мне было 25–26 лет. Поступая в семинарию, я понимал, что если я был однажды женат, я не могу быть одновременно второбрачным и священником, то есть, если мне придется становиться священником, то мне, соответственно, придется вести или целибатный образ жизни, или монашеский. И вот, поступив в семинарию, на первых же каникулах я сорвался и поехал в монастырь. А так как я не знал, какие есть вокруг монастыри, то попросту спросил, где же здесь ближайший хороший монастырь. Мне ответили. Это была Курская Коренная пустынь. Туда я сразу и поехал, потому что мне было жутко интересно, как устроена монастырская жизнь.

— *А почему вы поступили именно в Белгородскую семинарию?*

— А я родился в Белгородской области. Отец Тихон посоветовал мне поступать в Смоленскую

семинарию, где ректором был митрополит Кирилл, нынешний Патриарх. Но там была нужна рекомендация. Надо было ехать в Смоленск, я туда отправился, отдал документы и решил там где-то искать возможность получить эту рекомендацию, уже архиерейскую. Но тут вдруг меня батюшка зовет и спрашивает: «Ты же сам родился в Белгородской области?» Я говорю: «Да». — «В этом году там открывается новая семинария. Пойдет первый набор, и они будут стараться наполнить классы — будут брать всех дураков сразу. Тебя-то уж точно возьмут. Так что забирай документы из Смоленска и езжай в Белгород!» А я, хотя и родился в Старом Осколе Белгородской области, довольно плохо знал сам Белгород, был там считанные разы в своей жизни — в юности, в студенчестве. Но приехал. Помню, добрался автостопом. Еще заодно умудрился потерять паспорт и украинскую границу пересекал нелегально, без документов. На экзамены я опоздал. Ситуация была смешная, конечно. Но меня в семинарию взяли.

— *А в Коренной пустыни вы долго пробыли?*

— Все зимние каникулы. Впечатлений было много. Я в первый раз увидел очень много таких моментов, которые могли бы другого человека оттолкнуть от монашества. Но я все-таки в своей жизни уже многое успел повидать, поэтому меня это не оттолкнуло — мне там понравилось. Именно на самой обычной рядовой службе

у меня пришло вот это ощущение полного, четкого осознания бытия Божия. Я уже поступил в семинарию, и уже отучился первый семестр, и, наконец, на этих рождественских каникулах я ощутил каким-то нашим органом, который верит, что да, Бог есть, и Он сейчас здесь, среди нас. Это был очень важный момент, потому что все стало на свои места.

До этой Встречи я, конечно, причащался, исповедовался, молился. Но это, наверное, была такая вот окончательная Встреча. Как будто этим мне было сказано: «Ты здесь, ты на своем месте». Я понял, что так и есть — я на своем месте. И сразу успокоился.

— *А как реагировали родные, друзья? Для них обычно такой поворот судьбы сына, родственника, друга бывает ударом.*

— Родственники? Обрадовались! Потому что я из дома уехал лет в 17–18. В 18 лет уже окончательно уехал и появлялся всего один раз в год... Поэтому мама была рада, что я хоть к чему-то прибился. Она, будучи изначально человеком нерелигиозным, сама к тому времени пришла в Церковь. Совершенно независимо от общения со мной — ведь я жил отдельно, приезжал раз в год. И сейчас она ходит в храм. Раньше она работала в школе учительницей и преподавала математику, а уже в последние годы перед пенсией стала преподавать основы Православия. Сейчас в воскресной школе с детьми работает.

— А дочка?

— Лизавета? Она жила то со мной, то с матерью. То есть, когда мы разошлись, с матерью, а лет с 12 до 16 — самые сложные, подростковые годы — со мной. Потом она опять уехала в Америку — заканчивать там школу, получать образование. Сейчас Лизавета с большой симпатией относится к Православию, хотя я бы не сказал, что она церковный человек. Но думаю, что Промысел Божий о ней еще каким-то образом исполнится. Надеюсь, по крайней мере.

Люди преимущественно добры

— *Вы в свое время много путешествовали, автостопом объехали Центральную Россию. Интересно, что вы вынесли из этих поездок, из этого времени?*

— Что люди преимущественно добры. То есть в большей своей массе люди, как правило, добры и склонны совершать добрые поступки. И я чаще встречался с проявлениями такого совершенно бескорыстного добра, чем с каким-то беспричинным злом.

— *Ради этого стоит выехать из квартиры...*

— Да, конечно. Могу вот такой случай вспомнить. Когда я готовил документы для поступления в семинарию, нужно было свидетельство о Крещении. Я был крещен в Свято-Троицком храме города Старый Оскол в 1969 году, а жил

в то время все-таки уже в Калининграде. И я поехал, чтобы взять это самое свидетельство о Крещении. Доехал до Смоленска на поезде — а это была зима, декабрь — вышел, морозно было, холодненько. Денег у меня не было, и я поехал автостопом в Москву, чтобы там у знакомых остановиться, а из Москвы добраться таким же образом уже до Старого Оскола. И вышло так, что я застрял ровно посередине трассы Смоленск — Москва. А мороз хороший был, думаю, за двадцать уже стал опускаться. Уже три часа, темнеет быстро, декабрь, солнце садится, а я в легком пальтишке. Ветер поднялся. Ни одного населенного пункта поблизости, я так понимаю, нет. Меня там просто попутная машина высадила, свернула на какую-то дорожку, и все. И я стою и понимаю, что, если сейчас какая-нибудь попутка меня отсюда не возьмет, я просто замерзну, и никто внимания не обратит. И уже когда совершенно стемнело, останавливается большой грузовик, КамАЗ. Я забираюсь в теплую кабину и вижу, что там то ли узбек, то ли таджик — в общем, человек из одной из наших восточных республик. Он меня очень радушно накормил, предложил сигареты. Довез меня до Москвы, при этом заехал на МКАД (а ему туда совсем не нужно было), чтобы довезти меня до ближайшей автобусной остановки, и вдруг спрашивает: «Как же ты из Москвы будешь добираться? Давай я тебе денег дам на билет до твоего города». Я говорю: «Но я ведь не смогу

тебе отдать эти деньги!» — «А ты их потом отдашь кому-нибудь, кому будет нужно». Денег я, конечно, не взял, потому что знал, что если уж до Москвы доехал, то со мной будет все нормально.

Я успел на последнем поезде метро доехать в Тушино к своим друзьям. Кстати, тогда очень сильно простудился — добравшись до друзей, свалился у них с температурой 40 градусов. Вот такой яркий случай мне запомнился.

— *Настоящий христианский поступок...*

— Хотя он был мусульманин, имя свое даже называл — уже не помню, забыл.

ПОСЛУШАНИЕ — МИССИЯ

— *Отец Агафангел, скажите, любовь к путешествиям у вас, наверное, сохранилась?*

— Разумеется. Но это уже вписывается в рамки моих миссионерских экспедиций.

— *То есть по послушанию, куда направят?*

— Знаете, всегда ведь можно отказаться. У нас сейчас есть священники, которых спрашивают, не желают ли они поехать в миссионерскую командировку, и они отказываются.

Нет, все очень хорошо совпало, легло как раз на привычный для меня образ жизни, на мое миропонимание. Потому что, я повторяюсь, миссионер, который выезжает в дальние миссии, должен иметь, я считаю, особый склад характера, то есть вот как Иннокентий Московский. Ему 27 лет,

жена, дети, а ему говорят ехать Бог знает куда — на Алеутские острова. И он сказал: у меня проснулась жалость и любовь к тем людям, не просвещенным светом Евангелия, и желание повидать новые земли. Поэтому два таких момента, как интерес и мотивация, важны для тех, кто уезжает в отдаленную командировку. Если у человека заранее нет этого априорного отношения, любви к тем, кого он встретит, и такого любознательного желания посмотреть на нечто новое, неведомое, то, конечно, ему тяжело в поездках. Я это знаю, потому что к нам в Тикси четыре священника приезжали, около двенадцати семинаристов. И были такие, которые приехали просто за послушание. Отбыли, очень сильно тяготились нашими устоями и уехали обратно. А были такие, которые приехали за послушание, увидели все, расцвели там, уехали, а потом назад тянутся: «А можно еще раз? А можно еще на больший срок приехать?» То есть люди все разные. Понимаете?

— *А сколько сейчас в миссионерском стане в Тикси постоянных священников?*

— Один — отец Иоасаф, тоже иеромонах. И помощник Илья Стародубцев, студент-заочник нашей семинарии. Отец Иоасаф там работает в школе, служит в двух поселках, а Илья должен был в конце января поехать в один из оленеводческих поселков, но нам сложно сейчас с вертолетами...

— Скажите, а как вы сейчас осознаёте свой путь: больше как монашеский или как миссионерский? Потому что мне чувствуется, что есть в этом (может быть, я ошибаюсь) какое-то противоречие.

— Вы знаете, миссионеры, как правило, все были именно монахами. Трифон Печенгский, Феодорит Кольский. На Аляске была первая миссия: Валаамский монастырь целый корабль монахов снарядил. То есть в истории российской, по крайней мере в истории Православной Церкви, как правило, все первопроходцы, миссионеры были монахами. Потому что монах легче на подъем. Сложно все-таки с матушкой и детками уезжать куда-то в дальние края. Так что, я бы сказал, это даже какая-то традиция наша церковная.

— С другой стороны, миссионер непрерывно общается с людьми. А как же молитва? Не страдает ли она от этого? Возможно ли непрерывно молиться и непрерывно общаться?

— А если ты общаешься с людьми, ты погружаешься во все их беды, скорби, радости, ты за них же и молишься всегда — иначе нет смысла! Если ты не пропускаешь людей через свое сердце, если ты просто отбываешь свое послушание, то толку не будет. Вот встречаешься ты с людьми, с одним, с другим пообщался, постарался войти в его положение, и, если ты его уже впустил в свое сердце, конечно, ты будешь за него молиться. Молитва в смысле исполнения какого-то жесткого

монастырского правила — этого практически не бывает. Потому что это невозможно. Но четки всегда с тобой...

— *Истинной молитве и активность в социальных сетях тоже не мешает?*

— Разумеется, нет. Я прихожу домой вечером, в девять часов включаю компьютер, и два часа у меня на Интернет. У меня сейчас в соборе, где я служу, нет ни Интернета, ни телефона. И я занят практически весь день. В семь-полвосьмого утра из дома выхожу, а в полвосьмого вечера прихожу.

— *А вы сейчас больше будете в Белгородской области?*

— Понятия не имею, потому что сейчас служу в храме, по указу митрополита, настоятелем¹, но пока не знаю, что будет дальше. В Тикси строится храм, летом нужно будет туда возвращаться.

— *А хочется вернуться?*

— Ну, конечно. Я ведь там занимаюсь по-прежнему всеми делами, стройкой храма и прочим. Так что я еще точно не знаю, что будет в ближайшие полгода.

— *Чему больше всего радуетесь, когда в Тикси возвращаетесь из Москвы, из Белгорода?*

— Я там был почти четыре года, поэтому у меня ощущение, что я домой вернулся. «Ну, наконец-то

¹ В сентябре 2012 года игумен Агафангел (Белых) назначен настоятелем Свято-Никольского собора в городе Валуйки (Белгородская область) с послушанием по воссозданию Валуйского монастыря.

вас послушаем, ладно уж. Приедут какие-нибудь неохаризматы, пятидесятники — их также послушают. Приедут баптисты, с гитарами споют что-то — и их с интересом тоже послушают.

И здесь, разумеется, нам приходится наши поездки делать продолжительными: мы приезжаем на полтора месяца, на два, чтобы пожить вместе. И большое значение имеет, что приезжает не местный, а русский человек, причем из европейской части России, и вдруг начинает говорить хотя и не вполне правильно, но на якутском языке — что, конечно, сразу немножко растапливает лед. Это понятно, ведь и мы так же рады всегда, когда приезжает иностранец и пытается с нами говорить пусть на ломаном, но на русском языке. Это нас к нему как-то располагает. Сразу понятно, что человеку небезразлична наша культура, наша история. Наверное, для всех это универсально.

— *Но в вас какие-то тюркские корни, наверное, есть?*

— Есть казахи. Довольно далекие. Но это, может, как-то и облегчает мое понимание своего места в этом мире.

СТРОГАЯ МОЛИТВА ДЕДА

— *Вы что-то знаете об истории своего рода?*

— Я знаю свой род, начиная с прадеда. Мой прадед по отцу был из терских казаков. Он жил

в Грозном. И фотографию я помню с детства — она была у нас в семье. 1911 год, город Грозный, и все семейство, прадед в бурке и с газырями сидит. Потом, в 1920-е годы, одна часть нашей семьи попала на Донбасс и через Донбасс в Липецкую область, а другая — в Казахстан, в город Уральск. Оттуда и мои казахские родственники. А по матери все, по-моему, у меня из Центральной России. Дедушка семитских кровей был. Его я живым не видел, он скончался задолго до моего рождения. Вот такие мои корни.

— А деды? Я знаю, что один из ваших дедов точно был верующим.

— Пётр Тихонович, дед по отцу, который из казачьего рода. Он воевал, ранен был, и мои первые религиозные впечатления связаны именно с ним. Как-то он меня, пяти или шестилетнего мальчика, повел в храм, в огромный собор в Ельце. Шестилетний ребенок стоит и видит огромный соборище — он очень высокий, расписанный. Это было самое первое яркое религиозное впечатление в жизни. Ну и дед молился, конечно. Он всегда вечером молился — я это тоже видел. Все-таки очень важен пример. Мы об этом в начале говорили: хочешь узнать о Православии что-то — попробуй его на вкус, приди и смотри. И вот когда я видел, как дед поклоны кладет, читает молитву свою суровую — это все и осталось тут, в сознании.

— Это, наверное, по его настоянию вас крестили? Ваши родители были церковными людьми?

— Нет, крестили тогда всех. Скорее, просто по обычаю. Хотя, думаю, и дедушка, и дядя настояли, чтобы меня крестили. Вопрос этот обычно решается семьей коллегиально, это ясно.

— 1969 год?

— Да, 69-й. Я даже видел эту запись в тетрадке: крещен, младенец трех месяцев. Как я теперь знаю, меня крестили 3 августа.

О ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЕ, или О ТОМ, ПОЧЕМУ НЕ БЫВАЕТ БЫВШИХ ХИППИ

— Отец Агафангел, я знаю, что у вас была хипповская юность... Есть ли логика в движении от хиппи к монашеству? Ведь что хочет хиппи от жизни? Хочет свободы, желательно абсолютной. А монах? Он обрекает себя на несвободу послушания, на дисциплину поста и молитвы. Получается, что это противоположные чаяния. Или все-таки нет?

— На самом деле никакого противоречия здесь нет. Миропонимание наших отечественных хиппи (а советские хиппи — это все-таки уникальное явление), действительно, было основано на желании свободы, желании какого-то противостояния тому жесткому порядку вещей, который характерен для авторитарного государства. Политический уклад здесь не так важен: мы видим, что капиталистический строй может

быть не менее жестким, чем коммунистический. Но если изнутри посмотреть на субкультуру хиппи, то мы увидим, что у них при всей этой свободе сразу четко видны отличительные знаки «свой-чужой». Твой прикид — фенечки там всякие, клёшки, хаера и прочее — сразу дает окружающим понять, что ты не панк, не металлист, а именно «волосатый». То есть мы видим, что при всей свободе какие-то моменты внутри системы все равно регламентируются. Может быть, конечно, неосознанно, но довольно четко. Те же выражения, которые используются в разговоре, тот же хипповский сленг — их не спутаешь ни с какими другими. Человек, стремясь к полной свободе, все равно воспринимает какую-то форму поведения.

Поэтому монашество — это та же внутренняя свобода, и она выражается в избрании какой-то определенной формы жизни, в определенном отношении к миру. Тут мы видим ту же самую отличную одежду, свои традиции, установки, которые характерны для монашества. Все это, разумеется, избирается человеком совершенно добровольно, по его внутреннему желанию, стремлению именно таким образом приблизиться к Богу.

— Но монах же не ищет свободы? Он ищет чего-то другого. Служения Богу.

— Я думаю, что монахи наиболее свободные люди. Само слово «монах» возникло от греческого

«монос» — «один». Скажем, человека семейного связывает ответственность за членов своей семьи. Или человека, который трудится на какой-то важной работе, связывают должностные, служебные отношения и иные вещи. Наиболее свободен из всех как раз монах, потому что он тот, кто решился не иметь ничего. Когда мы говорим о какой-то уставной стороне монашества — службы, посты, молитвенное правило — может показаться со стороны, что это ужасное закабаление. Но если это избирается человеком добровольно, то как это может быть связывающим элементом?

Потом еще, мне кажется, монашество, даже если взять исторически, всегда было бунтарским элементом. Именно из-за протеста против «бытового», «широко разлившегося» христианства и появилось монашество. Когда закончилось мученичество, появилось монашество — это исторический факт... Оно было таким экстремальным христианством. Люди, видя, что христианство распространилось повсюду, даже сделалось модным, стали уходить в пустыни, в горы, желая максимального приближения ко Христу именно в этом самоограничении.

Я всегда против того, чтобы говорить о себе как о бывшем хиппи. Да, фенечки, клёши остались в прошлом, но отношение к жизни — оно ведь не поменялось, и понимание мира — оно осталось прежним. И хотя мне сейчас пятый десяток

и вроде пора уже давно стать политически грамотным человеком, мне все равно кажется неприемлемым любое подавление другого, лишение его права выбора, лишение его внутренней свободы. Поэтому я всегда протестовал против использования административного ресурса в миссионерской деятельности.

— А как без него?

— Ну а как раньше было без него?

— Я полагаю, что раньше были отдельные харизматичные люди, которые на себе все держали. Разве сейчас это возможно?

— Конечно, возможно. Миссионер — он ведь всегда харизматичен. Человек, который идет уныло отчитывать какую-то проповедь, не сможет никого привлечь. Это ясно. Миссионер должен быть всегда воодушевлен, и воодушевлен именно осознанием правоты того, что он делает. Если он это делает, то должен в это верить и, соответственно, иметь глубокую мотивацию.

Если таких людей нет, то и Церкви не может быть в принципе. Потому что это воодушевление есть некое действие Духа Святого, это некий благодатный дар свыше, от Бога, дар на свидетельство о Нем. Его нельзя как-то искусственно вызвать, нельзя это смешивать с какой-то экзальтацией, эмоциональной возбужденностью. Человек, находящийся в Духе, наоборот, мирен, спокоен. И я думаю, что если у нас стоит еще Церковь, а она будет стоять до конца времен, то, разумеется,

такие люди тоже в ней есть и будут — иначе быть не может.

— С кем-то из той хипповской тусовки, с которой вы общались, вы потом пересекались в жизни? Многие ли в Церковь пришли?

— Очень многие. То есть, по-моему, все наиболее близкие друзья, кто не умер от наркотиков или еще от чего-то, они все в той или иной мере стали верующими людьми. Сейчас вот близкие друзья — православные, один сначала был харизматом, потом православным, теперь вот ушел в старообрядцы.

— Бунтарство сохранилось, судя по всему?

— Да-да. Двое баптистами стали. Но преимущественно все православные, конечно.

МНОГО ПУТЕЙ К БОГУ

— У вас яркое миссионерское направление деятельности. А в общении со знакомыми, друзьями, еще не воцерковленными, пытаетесь ли как-то убедить, рассказать о красоте Православия? Есть ли такое миссионерское рвение?

— Я бы сказал, это такое хорошее неофитское рвение — пытаться всех убедить. Но, как можно заставить человека верить? Это невозможно. Можно только свидетельствовать, можно отвечать на вопросы, можно говорить о своем опыте. Можно, допустим, человека победить в споре, если ты владеешь какими-то приемами ведения

дискуссии. Но ты же не заставишь его изменить свою точку зрения! Совершенно нет.

— *А что, по вашему опыту, чаще всего приводит человека к Богу?*

— Я не знаю. У человека много путей к Богу. Они не все известны. Но я думаю, что реже люди приходят от радости. Чаще от страданий.

— *Вот, например, в Тикси о чем вы пытаетесь говорить прежде всего? Просто свидетельство? Рассказывать о вере?*

— Обычно отвечаешь на вопросы. Или к тебе пришел человек, или зачем-то ты к нему пришел — возникает разговор. А если есть разговор — диалог, разумеется, а не монолог — просто рассказываешь, почему ты именно так веруешь, почему не иначе.

— *Это хорошо, если человек с вопросами приходит. Хуже, если вопросов нет.*

— Если нет вопросов, то он просто не приходит.

— *Может и прийти, по традиции, крестить ребенка например.*

— Если пришел человек — значит, уже хорошо. Если крестить ребенка, то я спрашиваю: а зачем вы пришли крестить ребенка?

— ...А он говорит: «Ну как, я русский, буду крестить!»

— Ну вот, и отлично! Уже тысяча продолжений может быть у этого разговора. Уже начало дороги положено. Если пришел человек — слава Богу. Значит, мы уже с ним общаемся.

КУДА НЕ ПРИВОДЯТ МЕЧТЫ

— Возвращаясь снова к хипповской юности... Какие были планы на жизнь, как она виделась? Понятно, о чем мечтал средний советский человек: жениться — выйти замуж, родить детей, построить карьеру, все чтобы хорошо было...

— Я однажды нашел свою тетрадку за восьмой, по-моему, класс, где на последней странице был написан план на жизнь до 1995 года. Туда входила армия, институт, женитьба, такое все... Вы знаете — ничего не совершилось из написанного. Все пошло, начиная с 1986 года, совершенно по своему какому-то оригинальному, новому пути.

— Сейчас планов не строите?

— Нет, Бог миловал, я же взрослый человек, какие планы?

— Как же жить? Плыть по течению?

— Да, конечно. Я рад, что Господь дал мне этот день жизни. Разумеется, есть какие-то намерения — я, возможно, в июле полечу в Тикси. Но это разве план? Это так, предположение. Будет нужно полететь — Бог даст, полечу, а там посмотрим.

— Если вас отправить куда-то еще дальше, поедете?

— Поеду, куда же деваться. У нас же, как на войне: дан приказ, значит надо исполнять.

— Встречали ли вы людей, которые на вас смогли повлиять в религиозном смысле во время учебы в семинарии или, может быть, до нее?

— Конечно. Отец Тихон и матушка Анна, староста прихода. Она скончалась в прошлом году, дожила до 78 лет. Прежде всего они, потому что это первые православные христиане, с которыми я тесно общался на протяжении полутора лет. Еще можно назвать моего дедушку. И потом Господь посылал много других хороших людей.

— *Чувствуете ли вы себя сейчас на своем месте?*

— Сейчас не совсем, потому что вот эти пять месяцев, которые я являюсь настоятелем огромного собора, я не совсем в своей тарелке. Я никогда не был настоятелем большого многоштатного собора. Это для меня новое дело, и я стараюсь вникать во все. Ничего, привыкаю. Хотя, конечно, все равно тянет уехать.

— *В Тикси?*

— Да, в Тикси. Мне постоянно звонят наши оленеводы и рыбаки...

Игумен Михаил (Семёнов)

Игумен Михаил (Семёнов), наместник монастыря Спаса Нерукотворного пустынь с. Клыково

Наверное, так случалось в былые времена: человек узнавал о духовной жизни, о том, что есть монастыри, где иноки всецело служат одному только Богу... не долго думая, собирал нехитрую котомку вещей и уходил в ту обитель, куда направляли его стопы и Промысел. Оказывается, вот такие же бесхитростные истории случаются и в наши дни.

О том, как связано послушание с любовью, как возможно выстроить монастырь на пустом месте, почему старцы — не волшебники и отчего монахи никогда не оправдываются, говорим с наместником монастыря Спаса Нерукотворного пустынь села Клыково игуменом Михаилом (Семёновым).

*Истинно говорю вам:
кто не примет Царствия Божия, как дитя,
тот не войдет в него*

Лк. 18: 17

МЕСТО, ГДЕ БОГ БЛИЖЕ

— Отец Михаил, это же страшное дело для мирянина — бросить «жизнь» и уйти в монастырь! Что-то должно быть такое, что выталкивает из мира?

— Все, что полноценно совершается, совершается ради любви. Как бы поступили сейчас современные жены на месте жен декабристов? Ехать куда-то в Сибирь за какими-то мужиками, которые неизвестно когда вернутся? Современная женщина развелась бы и вышла замуж за успешного человека, не связанного с тюрьмой, с криминалом, с преступлением против государства. Но жены декабристов, небедные светские дамы, поехали в ссылку, в Сибирь, не в лучшие условия, ни на что не рассчитывая, только потому, что любили своих мужей.

Так и в христианстве, в монашестве: все, что делается, делается из любви к Богу. Никакого другого смысла это не имеет. Это не угождение самолюбия, не угождение тщеславию. Просто современный человек все оценивает с точки зрения угождения себе. И о монастыре он думает: «Стоп, а зачем мне это? А в чем выгода, а что мне за интерес, а что я от этого получу?» Но причем здесь выгода?.. Если человек достигает какой-то степени любви, он хочет оказаться с любимым человеком. Такова для христианина любовь к Богу. Человек способен всего достичь в миру: и деньги он сможет заработать, и добрым семьянином стать. Но он к Богу стремится, он стремится к тому, чтобы этой любви ничто не мешало, чтобы ничего не стояло между ним и Богом. А можно ли найти для этого место лучшее, чем монастырь? Монастырь и есть такое место — здесь люди живут только этим.

— *В какой момент Вы это поняли для себя? Вы родились в семье верующих людей?*

— Да, в нашей семье атеистов не было. Но религиозная информация в стране была нулевая, и люди, естественно, не могли почерпнуть глубокого знания Православия — литературы просто не было. Дома было Евангелие — я помню, мама купила его в каком-то храме за 100 брежневских рублей² и хранила как драгоценность на самом

² Для понимания масштаба цены можно вспомнить, что средняя зарплата в те времена была 180–200 рублей,

почетном месте, заворачивая в полотенце, и читала только стоя, держа на этом полотенце. Иметь Евангелие уже было достижением! Соответственно, в таких условиях, какие мог человек понять истины? Да самые простые. Было простое понимание веры. Я никогда не был ни атеистом, ни сомневающимся, был верующим в меру вот такого своего бесхитростного понимания.

— *И ведь могли и остаться таким, «верующим в меру»?*

— Нет, я этого не хотел. Меня с самых ранних лет интересовала другая жизнь, за фасадом этой, привычной, комфортной. С детства из рассказов бабушки я твердо знал, что нас всех ждет будущая жизнь, что она такая же полноценная, как эта, только — бесконечная. Я не разуверился в этом, когда вырос. И, согласитесь, если человек не дурак и понимает, что эта земная жизнь закончится, что ему предстоит жизнь другая, бесконечная, то ему хочется узнать, как в нее попасть, правда? Как псалмопевец говорит: «Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть, да разумею, что лишаюся аз?» (Пс. 38: 5). Меня это всегда волновало. И я тогда, в юности, понимая, что повседневная жизнь человека так или иначе всегда связана с грехом, решил для себя: ладно,

обед в дорогом ресторане мог обойтись в 10 рублей, килограмм вареной колбасы стоил 2,20 рубля, за телевизор, если удавалось его достать, пришлось бы заплатить 300–400 рублей.

сейчас живу, как получается, если нет возможности не грешить и жить по-другому, а в конце жизни пойду сторожем жить при храме, служа только Богу. Чтобы спастись. Вот такие наивные мысли были! Я ведь даже не знал, что есть монастыри, что можно жить полноценной духовной жизнью. И когда узнал, то недолго думал о том, какой путь мне выбрать.

— *Во времена вашей юности действующие монастыри можно было перечесть по пальцам. Откуда вы узнали о них?*

— Из книг. Это был 1991 год, стала появляться православная литература, я начал читать, читал очень много, изучал раннее совершенно мне неведомые произведения святых отцов. Все это очень глубоко меня тронуло. Я был возмущен тем, что от нас это богатство скрывали. Быть верующим или не быть — это выбор самого человека. А у нас отнимали саму возможность этого выбора.

— *Уверовали и сразу ушли в монастырь?*

— Ну да. Воцерковился, скорее, потому что верующим был всегда.

— *А как Ваши родители отнеслись к уходу в монастырь? Они не хотели вас женить?*

— Хотели.

— *Значит, Вы их не послушали?*

— Нет, почему же. Прежде чем что-то сделать, я объявил им свое решение. Это был период осмысления: они попытались проверить

надежность моих желаний, а потом с этим согласились, благословили. Так что в монастырь я ушел не самовольно.

— *А если бы не благословили?*

— Если бы не благословили, наверное, не стал бы перечить. У меня с родителями были очень хорошие отношения, и я рассчитывал на то, что меня поймут. И меня поняли. Впоследствии и отец, и мать приняли монашеский постриг: моя мама сейчас монахиня в Шамордино, а папа, монах Ефрем, закончил свои дни здесь, в Клыковском монастыре.

БИЛЕТ В ОДНУ СТОРОНУ

— *Первый ваш монастырь — Оптиная пустынь?*

— Это интересно получилось. Я про Оптину ничего не знал, в миру был Сергием, и мой святой — Сергий Радонежский. Я прочел его житие, меня оно потрясло, и я уехал в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы там остаться. Но, по наивности своей, не взял с собой паспорта, подумал: а зачем монаху паспорт? Тогда были времена, когда можно было по всей стране ездить без документов, при покупке билета они были не нужны, никто у тебя их не требовал. И я поехал без паспорта. Приезжаю в Лавру, а меня спрашивают: «А паспорт? Мы без паспорта не берем!» Я сказал, что назад уже не вернусь. Решил ведь уже для себя,

что только в одну сторону еду, при любых условиях. Я тогда был с одним священником, и он мне и говорит: «Езжай в Оптину пустынь». В Оптиной отнеслись более снисходительно, и я там остался. Я приехал в туда в 1992-м, как раз на праздник преподобного Амвросия Оптинского, 23 октября, а через год, 15 августа 1993-го, я уже был в Клыково.

— *А почему так быстро уехали из Оптиной?*

— Мы пошли сюда по благословению, строить клыковский монастырь. Исторически на этом месте никогда не было обители, только сельский храм. Здесь тогда вообще ничего не было, только разрушенный храм и один домик — бывший дом священника. Но его нет сейчас — сгорел.

— *Сложно было, наверное? Сколько вас было?*

— Конечно, на пустом месте было непросто, но по молодости мы не думали об этом. Из Оптиной нас пришло семеро трудников, без подрясников еще. Было огромное желание жить, молиться отдельно от мира. Два года мы просто выживали. Денег не было, ничего не было, жили в полной скудости, только милостью Божией. Бывало, не знали, что завтра есть будем. А еще ведь надо было и храм восстанавливать, притом что средств на ремонт не было никаких, ни копейки. И мы поехали просить молитв схимонахини Сепфоры³...

³ Схимонахиня Сепфора, в миру Дарья Николаевна Шнякина (уроженная Сенякина) — православная

КАК БРАТЬ БЛАГОСЛОВЕНИЕ У ЖЕНЩИНЫ?

— Схимонахиня Сепфора ждала нас. Оказалось, что в 1993 году, когда матушка молилась о том, чтобы Божия Матерь указала ей, где окончить дни жизни, Царица Небесная ей явилась и сказала: «Жди, за тобой приедут из Клыково священники». И она ждала два года. Сначала забрать ее было просто некуда. Мы сами в очень плохих условиях здесь жили, строили домик, и, когда встретились с ней в 1995 году, он был наполовину готов. Матушка начала торопить: «Давайте быстрее стройте, я буду с вами жить». Мы как могли этот дом доделали и перед Рождеством 1996 года ее сюда привезли...

— *А как Вы познакомились со схимонахиней Сепфорой?*

подвижница, старица. Родилась будущая матушка Сепфора в 1896 году, с юности горела желанием посвятить себя Богу в монашеском чине, но из-за ранней смерти отца ради содержания семьи была вынуждена по настоянию матери выйти замуж. Родительского благословения Дарья послушаться не хотела. Прошла через многие испытания многострадального XX века — раскулачивание, голод, войну, гонения на верующих. В 1967 году приняла постриг в Троице-Сергиевой Лавре, но продолжала жить в миру. Переезд в Клыково ей был предсказан в 1993 году, когда монастырь только строился и был еще никому не известен. Скончалась схимонахиня Сепфора на 102 году жизни в клыковской обители. Многие люди обрели в ней духовную мать, утешительницу, свидетельницу истины Христовой веры.

— Познакомился я с ней в Оптиной пустыни. Прожил я там месяц и вот однажды слышу, что приехала какая-то старица и все о ней высокого мнения — и духовная, и прозорливая, и великая молитвенница... Естественно, все ринулись к ней: многие из нас только начинали религиозную жизнь, у всех была масса вопросов. Ну и я пошел. Мне говорят: «Да ты что, забудь, там игумены в очереди стоят, а тебе-то куда?» В первый вечер я к ней не попал и как-то успокоился — нет так нет. А на следующий день выхожу из Введенского храма, и мне какой-то трудник говорит: «Смотри, матушку ведут. Пойдем, благословение возьмем!» Я думаю: как у женщины брать благословение, что это еще такое? Но потом смотрю, она троеперстием четким крестит всех. Подхожу — она меня крестит и спрашивает: «Ты кто?» Я говорю: «Сергий». Она, удивленно так: «А что ты здесь делаешь?» Говорю: «Тружусь в экономском отделе⁴, отцам помогаю». Она замолчала, а потом говорит: «А ведь нам вместе с тобой жить». А келейница мне шепчет: «Слушай, слушай, что матушка тебе говорит, она старица!»

⁴ Эконом — в православных монастырях должность лица, заведующего и надзирающего за хозяйственной деятельностью монастыря. Полномочия эконома в каждом конкретном монастыре определяются уставом. Эконому могут подчиняться следующие монастырские должностные лица: келарь, заведующие монастырскими мастерскими, гостиник, больничный, трапезный, повар, привратники.

Мы постояли, помолчали, потом матушка Сепфора меня по плечу хлопает: «Ну, бегай, бегай пока!» Я, конечно, ушел в недоумении: где это мы будем с ней жить? Потом просто выбросил это из головы. Вспомнил я этот разговор, только когда мы матушку сюда привезли, в Клыково. В нашем монастыре она и прожила до самой своей смерти.

Мы сами ничего не делаем, чтобы как-то «рекламировать» схимонахиню Сепфору. Все происходит само собой. Ее знают, и она реально помогает людям. Мне рассказывали, что она, например, во время операции стояла рядом с одной женщиной...

— А нет ли некоторой духовной опасности в том, что люди едут в монастырь, к мощам, помолиться у могилки старца не потому, что ищут Бога, а ради разрешения каких-то своих житейских проблем?

— Да, часто люди плохо понимают Бога, но столкновение с явным проявлением чуда отдельно взятого святого укрепляет веру человека. Дальше Бог ждет от человека дел. Но чтобы разжечь в нем огонек, нужно иногда какое-то чудо — и вот человеку хватает ума обратиться к какому-то святому, помолиться, и оно происходит. Появляется толчок, от которого человек начинает духовные шаги. Второй и третий раз можно и не получить такого «аванса» — Бога не обманешь.

— А у Вас такой точки отсчета не было?

— Я не искал чуда, и цели что-то вымолить не стояло. Просто жил с мыслью о том, чтобы Господь сформировал то, что мне надо. Единственное желание было — пообщаться с людьми святой жизни. И в этом Господь мне помог: я знал многих старцев.

ПОЧЕМУ СТАРЦЫ — НЕ ВОЛШЕБНИКИ

— Мирские люди, увы, видят в старцах волшебников, потому что всегда хотят быстрого разрешения своих проблем и, когда приходят к ним, часто вообще не знают, чего хотят. Просто идут и идут — на общей волне шума. «А ты был у старца? А он тебе что-нибудь сказал?» Понимаете? Господь дает старцам дар — как правило, это дар прозорливости, откровения. И важно понимать, что это откровение старец не от себя говорит: он говорит то, что Господь ему открывает для каждого конкретного человека.

Когда я стал общаться со схимонахиней Сепфорой, она мне сразу напрямик открыла свой дар, чтобы я уже не сомневался и не думал, что она просто бабулька в апостольнике. Сказала: «Я тебе не кукла говорящая. Если ты от меня что-то хочешь услышать, ты накануне помолись Господу, Божьей Матери, попроси, чтоб Господь открыл. И когда приедешь, то я тебе скажу что надо». После этих слов я никогда не задавал ей вопросов.

То есть накануне приезда молился, просил откровения, приезжал, садился перед ней — и она мне говорила то, что я хотел услышать, ничего не спрашивая. Это есть тот дар, которым Господь через старцев дает нам откровения, вразумления.

Но если Господь знает, что человеку это откровение не нужно, то Он это старцу не откроет. И старец будет говорить с тобой, как обычный человек, рассуждая и давая советы. К отцу Илию приезжают: «Батюшка! А каким металлом крышу покрыть — таким-то или таким-то?» Что это? Должно быть откровение Божие, каким металлом покрыть крышу? И батюшка говорит: «Возьми такой вот или такой». Просто советует. «А у тебя сколько денег? Тебе на медь хватит?» — «Нет, не хватит». — «Ну и покрывай оцинковкой!» Это и дураку понятно. Любой опытный прораб тебе в сто раз лучше посоветует, как специалист.

Есть ситуации, когда человек действительно остро нуждается в каком-то откровении жизненного пути. Он просто не может принять самостоятельного решения, не понимает, как ему поступить, для него многое неочевидно. Тогда нужен старец. И, конечно, не факт, что человеку понравится совет старца и он ему последует. Сейчас очень часто пытаются убедить старца, чтобы он благословил так, как «надо». Поэтому люди по нескольку раз приходят, берут благословение, уговаривают старца. И если убедили и он

дал согласие, то люди считают это волей Божией. Ничего подобного. Воля Бога — это когда ты услышал то, о чем не подразумевал. А если ты просто старца уговариваешь: «Батюшка, да нет, вы не понимаете... У меня такие обстоятельства... Мне очень надо...», и старец говорит: «Ну, Бог благословит!» Это что, благословение Божие? Конечно, нет!

— Отец Михаил, а способен ли человек слышать свое призвание, в частности о монашеском или семейном пути? Христианин это слышит сам или ему кто-то подсказывает?

— А вот вы, Юля, кто по профессии?

— Журналист, редактор.

— И вы сразу стали заниматься обработкой статей? Или кто-то подсказывал?

— Конечно, подсказывали.

— А в духовной жизни разве не нужны советчики? Когда человек духовно возрастает и обретает какой-то опыт, ему нужен духовный наставник — его обычно называют духовником.

Но надо понимать, что духовник — это не просто первый попавшийся священник, который носит крест и епитрахиль с поручами. Духовник — это человек, достигший духовного возраста. Есть как бы три духовных возраста: младенческий, юношеский и старческий. Если человек находится в младенческом духовном возрасте, даже если он священник, он не имеет права быть духовником. Он может исповедовать, но духовные

советы давать он не имеет права. Он в таком же духовном возрасте, как и вы.

Соответственно, если вы найдете себе наставника духовно неопытного, то введете друг друга в заблуждение. Вы будете растить в нем его тщеславие, а он будет вещать вам от себя вымышленные истины. Если духовник прошел духовный путь, он еще не является старцем, у него нет духовных даров, но у него уже есть свой ценный духовный опыт и он может делиться с вами советами, исходя из него.

— *У вас был такой наставник?*

— Я общался с отцом Илием, матушкой Сепфорой. Я старался делать все безукоризненно, старался жить по послушанию.

— *Послушание — страшное для мирян слово. Это полный отказ от своих мыслей?*

— А выполнение обязанности перед родителями — это разве не послушание?

— *Но одно дело, когда речь идет о ребенке, а когда человек уже взрослый... можно и своей головой подумать, разве нет?*

— А как же почитание родителей? Вот тебе 40 лет, а маме 60, и она говорит: «Сделай так!» Что ты будешь делать? Послушание и воспитывается для того, чтобы человек научился поступать по любви к кому-то. Не потому, что тебе так хочется, а по любви. Вот если тебе не хочется делать, что придумал твой муж, но ты его так любишь, что не можешь не сделать. В монастырской

жизни мы стараемся выстраивать такие же отношения — это основное, на этом все держится. Люди почему-то забыли о любви. А ведь ты маму из любви будешь слушаться и в 40 лет, и в 60. Никакого другого логического объяснения здесь нет.

ЖИЗНЬ С ОГРАНИЧИТЕЛЕМ СКОРОСТИ

— *Греческое слово «монах», „monos“, переводится как «один». И человек, вступая на этот путь, должен привыкнуть к мысли, что все люди для него на самом деле исчезают?*

— Нет. Здесь речь идет не об исчезновении, а об осознании единства с Богом. В одном из псалмов сказано: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения». Речь идет о том, что монах выстраивает личные отношения с Богом и старается приближаться к Нему, несмотря на то что он живет в общинной среде, в монастыре, где есть внешнее управление и послушания. Внутреннюю жизнь он выстраивает только с Богом, потому и идет речь об одиночестве. Ты один с Богом.

— *Неужели нельзя устроить внутреннюю жизнь с Богом, живя в миру?*

— Можно. Но почему создавались и создаются монастыри? Чтобы можно было уйти от соблазнов. Такое ощущение, что людям в миру кто-то сломал самоограничитель. Раньше на машинах стоял ограничитель скорости, чтобы машина

раньше времени не поломалась. В миру такого нравственного ограничителя не существует: мы как будто можем все себе позволить, нас никто не приковывает цепями... Но ведь должен работать ограничитель совести, дозволенности. И в монастыре он срабатывает.

— *А разве он не срабатывает у верующего, церковного человека?*

— Должен срабатывать, но у нас есть органы — слух, зрение... — через которые вольно-невольно приходят искушения. Мы их принимаем и начинаем в себе культивировать.

Человек, живущий в миру, так или иначе соприкасается с бесполезными для него действиями или информацией. Это не проходит бесследно, это все равно оседает в нем, накапливается. И человек не может жить в полной внутренней чистоте.

— *Монастырь ограждает от этого?*

— Монастырь создает условия, где какие-то вещи неприемлемы. Монахи пользуются компьютерами, могут и новости смотреть, и фильмы, но это в рамках дозволенного.

МОНАХ НЕ ОПРАВДЫВАЕТСЯ

— *Допустим, человек хочет быть трудником, послушником. Можно ли сказать сразу, что в нем такого должно быть, чтобы он остался в монастыре?*

— Да по глазам можно определить! Это зеркало души, там все написано. Раньше я не разбирался в этом, а сейчас с первого взгляда могу определить психически нездорового человека.

— *То есть вы не всех проходящих принимаете?*

— Сейчас есть некоторые жесткие критерии, потому что от бывших заключенных, например, никакого результата нет... Наркоманы — с ними тоже сложно, они очень часто просто ничего не хотят.

— *Зачем же приходят?*

— Бывает, что жить негде, кушать нечего или кто-то думает, что в монастыре с ним чудо произойдет. С кем-то оно в самом деле происходит, но чаще всего через какое-то время человек возвращается на свою стезю. Очень мало таких людей, кто полноценно восстанавливается после наркомании. Монастырь не ограждает человека от этой болезни. Плюс здесь начинается духовная борьба: враг ведь тоже работает...

— *Говорят, в монастыре духовная борьба тяжелее, чем в миру. Почему так происходит? Монах ведь, казалось бы, от всех соблазнов мира убежал.*

— Если бы у нас не было органов чувств, у врага было бы меньше возможности человека искушать. Наши органы чувств — наши слабые места, через которые он может действовать.

Братия исповедается достаточно часто (не каждый день — раз в два дня или раз в неделю), чтобы очиститься, освободиться от грехов,

происшедших накануне. Таким образом человек стремится сохранить себя во внешней чистоте.

Но страсти-то остаются, и враг прекрасно знает, у кого какие слабости. Для того чтобы человека сбить с пути, враг усиливает эти внутренние страсти. Человеку приходится крайне воздержанно себя вести, чтобы не поддаться на такие соблазны. Мысли-то не выразишь — это не радио. В монастыре настоящая борьба происходит на уровне мысли. Воображение тоже не выразишь, воспоминание о старых грехах остается. Человек в монастыре начинает видеть себя более тонко и более реально себя оценивать.

В миру так: есть грехи — ну и ладно, есть слабости — и есть слабости. «Я же хороший человек при этом. Деньги даю? Даю! В храм хожу? Хожу!» Мини-фарисейская жизнь. А монах старается не оправдываться, а сконцентрироваться, собраться, чтобы уберечь себя от искушений. Это не так просто.

ДЕРЗНУТЬ НА БОЛЬШЕЕ

— Разве Господь «мечтает» о том, чтобы как-то ограничить человека? Вовсе нет. Бог из любви хотел бы каждому дать то, о чем тот и мечтать не смеет. Есть Промысел Божий лично о каждом. Но ты должен его искать, понять, чего Господь ждет лично от тебя.

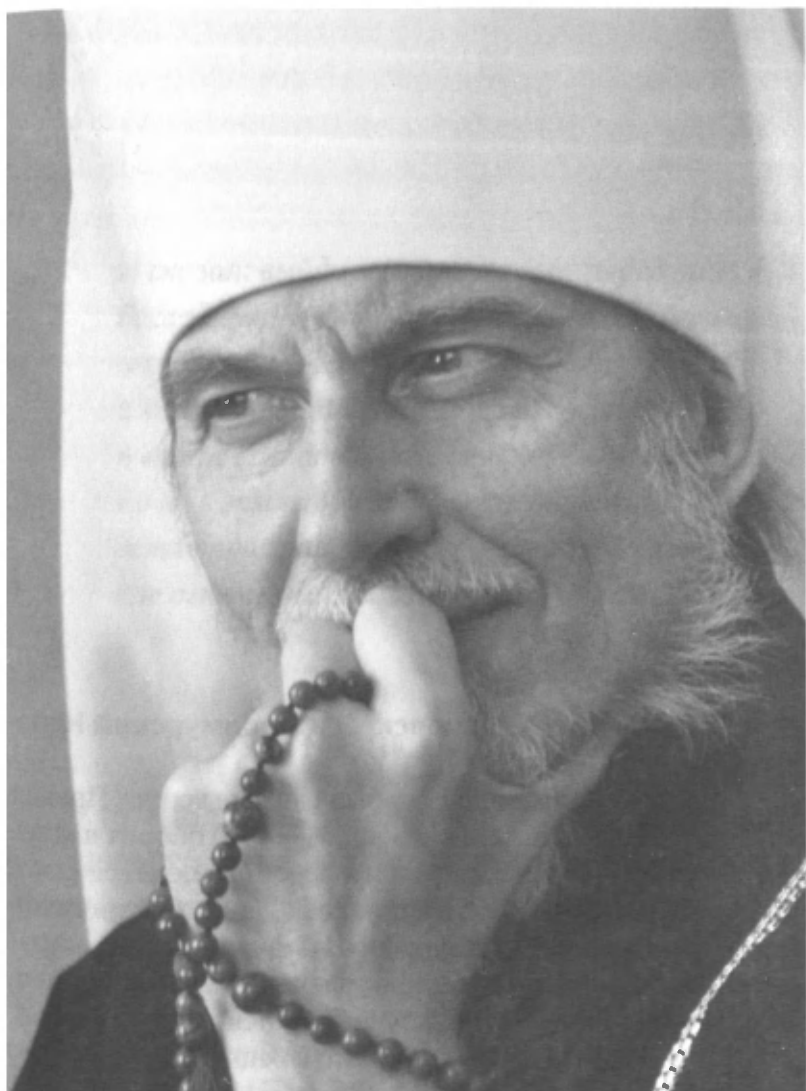
Ты можешь этого не делать и поступать, как тебе захочется — ты свободен, и Господь на твою свободу не претендует. Верно говорят, что Бог не спасает нас, если мы сами этого не хотим.

Но в таком случае ты рискуешь так никогда не понять и не осознать, что ты живешь лишь в меру удовлетворения своих желаний. А ведь у тебя здесь, на земле, есть возможность, которую никто не отнимает — ты можешь возжелать большего, дерзнуть на большее.

— *Всегда ли человека в монастырь приводит желание угодить Богу?*

— Крайнее желание угодить Богу. Человек всего может достичь в миру: и деньги сможет заработать, и семью содержать. Но он к Богу стремится. Иначе в монастырь и не приходят.

**МИТРОПОЛИТ ХАБАРОВСКИЙ
и ПРИАМУРСКИЙ ИГНАТИЙ
(ПОЛОГРУДОВ)**

Митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий (Пологрудов)

«Внутренняя жажда Бога была во мне всегда. Правда, до 30 лет я не осознавал, чего ищу», — так говорит владыка Игнатий о своем обращении к вере. Это неистребимое «стремление... к чему-то» привело будущего митрополита Хабаровского и Приамурского на физический факультет, спровоцировало серьезное увлечение музыкой, живописью, заставило заняться изучением психологии и философии... и, в конце концов, подвело к решению полностью посвятить себя Богу.

*И сказал: выйди и стань на горе перед лицом
Господним, и вот, Господь пройдет, и большой
и сильный ветер, раздирающий горы
и сокрушающий скалы перед Господом, но не
в ветре Господь; после ветра землетрясение,
но не в землетрясении Господь; после
землетрясения огонь, но не в огне Господь; по-
сле огня веяние тихого ветра, и там [Господь].
3 Цар. 19: 11–12*

ПАРУС И ТОНКАЯ ПЕРЧАТКА

У преподобного Симеона Нового Богослова в третьем гимне есть такие, на мой взгляд, очень яркие и точные слова (перевод митрополита Илариона (Алфеева)):

*Монах есть тот, кто миру непричастен,
Кто говорит всегда с одним лишь Богом,
Кто, видя Бога, сам бывает видим,*

*Любя Его, он Им любим бывает
И, светом становясь, всегда сияет.*

Монах должен быть независимым от мира, окружающих его людей и обстоятельств, от прошлой жизни своей. Как известно, само это слово — монах — восходит к греческому «монос», то есть живущий уединенно, в одиночестве. Но правильно ли такое одиночество, естественно ли? Ведь сказано же в Библии: «...не хорошо быть человеку одному...» (Быт. 2: 18). Монашеская независимость вовсе не означает эгоистичной самодостаточности, горделивой изолированности. Это путь к совершенному и всецелому «внутри пребыванию» с Другим, но не человеком, а Богом, и у него есть свои степени восхождения. Святитель Игнатий (Брянчанинов)⁵ указывал самый правильный путь иноческого делания. Первое: человек остав-

⁵ Святитель Игнатий (в миру — Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807-1867), епископ Кавказский и Черноморский — один из самых почитаемых в Русской Церкви отцов и учителей духовной жизни XIX века. Будущий святитель принадлежал старинному дворянскому роду, получил блестящее образование, став первым учеником Военноинженерного училища Санкт-Петербурга. Происхождение и связи, эрудиция и незаурядные способности прочили молодому Брянчанинову блестящую карьеру. Но вопреки всем уговорам будущий святитель принял решение о монашестве.

Прежде всего почитается учителем монашеской жизни. Среди его произведений наиболее известны «Аскетические опыты», «Отечник», «Приношения современному монашеству».

ляет мирскую жизнь, приходит в общежительный монастырь. Долгое время здесь он учится главному иноческому качеству — послушанию через полное отсечение от своей воли, учится самопознанию и покаянию и, наконец, «искусству из искусств, науке из наук — внимательной молитве». Если первый этап пройден и есть на то Господня воля, он переходит на скитское жительство. Дальше может быть уединение, затвор, а может быть до конца жизни пребывание в братии на разных послушаниях или, увы, деятельность в миру, в том числе и архиерейство. Все определяют труд самого монаха над своим внутренним человеком и Господь, Которому ведомо, где, как и в каком качестве нести монаху свое церковное послушание.

Внимательная молитва, «внутри пребывание», умное делание, внутреннее безмолвие — это синонимы, каждый из которых раскрывает цель монашеских трудов и подвига. С какой-то стороны, в какой-то степени. Понятно: чтобы этой цели достичь, нужно удалиться от суеты, повседневной погруженности в огромное количество малых и больших дел. Важных, но все же внешних. Зачастую мирских. И вот здесь часто возникает вопрос: как сочетать это внутреннее безмолвие, к которому призван монах, с активной внешней деятельностью, к которой призван архиерей (все архиереи, как известно, принадлежат монашескому чину), «внутри пребывание»

со строительством епархии или митрополии, попечением об огромном количестве других людей, административными обязанностями, постоянными встречами, беседами, контактами?

По-человечески, человеческими силами это невозможно. А вот Божьими — вполне. «...все могу, — пишет апостол Павел, — в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4: 13). Если Господь благословил архиерея трудиться в миру, Он даст для этого и возможности, и мудрость. Здесь также требуются внутренние усилия, но уже другого рода — стараться любое дело посвящать Богу, во всем следовать Его воле, учиться ходить пред Его очами. Иначе говоря, полностью посвящать себя своему послушанию, совершая его как бы в присутствии Божиим, в Боге пребывая. «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего...» (Ин. 15: 4–5). Если стремиться так поступать, то Господь даст, еще раз повторю, и силы, и мудрость делать то, что угодно для исполнения Его послушания.

Очень точный пример я встретил у владыки Антония, митрополита Сурожского. Будучи по первому образованию врачом, он говорил, что христианин, и тем более монах, должен быть подобен тонкой хирургической перчатке.

Перчатка — это человек, рука хирурга — Господь. Чем грубее материал этой перчатки, тем менее тонкие операции может выполнить хирург, тем хуже будет больному. А чем материал тоньше, тем правильнее и точнее выполнит хирург свои врачебные действия. Вот и мы должны быть такими «тонкими перчатками», полностью предавшими себя воле Божией и лишь ее имеющими в виду.

Еще один интересный пример. Человек — парус на корабле: чем тоньше материал паруса, тем быстрее корабль будет реагировать на попутный ветер. Паруса — это образ нашей восприимчивости к Богу, способности слышать Его повеления и исполнять их. Если стараться жить так, чтобы сердце было послушно Господу, то Он с помощью этого твоего «паруса», тебя самого, будет направлять корабль, епархию твою туда, куда Ему нужно. «...Кто пребывает во Мне... тот приносит много плода...» (Ин. 15: 5).

ВЕЯНИЕ ТИХОГО ВЕТРА

Человек живет миром своего детства. То, что в детстве в него заложено — на уровне образов, воспоминаний, впечатлений, на уровне навыков, — то и станет основой его последующего развития. Мои воспоминания о детстве связаны прежде всего с ощущением глубокой тишины, мира, какого-то внутреннего безмолвия. Помню часто, когда

мама была на работе, я закрывался дома и просто сидел в этой тишине. А когда уезжали на дачу или в детские лагеря, мне нравилось оставаться одному в лесу или на речке. В юности, в студенчестве занимался горным туризмом, и самое главное впечатление того времени — помню отчетливо — поднимаешься на пик, а там, на вершине, тебя охватывает поразительное ощущение безмолвия!

И в храмах, особенно в нашем Свято-Духовом Вильнюсском монастыре, я переживал нечто такое, что, наверное, можно сравнить с ощущениями пророка Илии, которому Господь явился, но не в буре, не в каких-то колоссальных, масштабных событиях, а — в легком, тихом ветерке. Мне было понятно, что значит: Бог в «гласе хлада тонка»⁶, что вот здесь и есть Господь. Думаю, это и помогло впоследствии принять решение полностью посвятить себя Ему.

От детства и юности сохранились и отрицательные впечатления, но, как теперь вижу, они повлияли на меня от противного, сформировали стойкое убеждение, чего делать нельзя. К примеру, будучи комсомольцем, я видел, что люди с трибун говорят одно, а в кулуарах совершенно

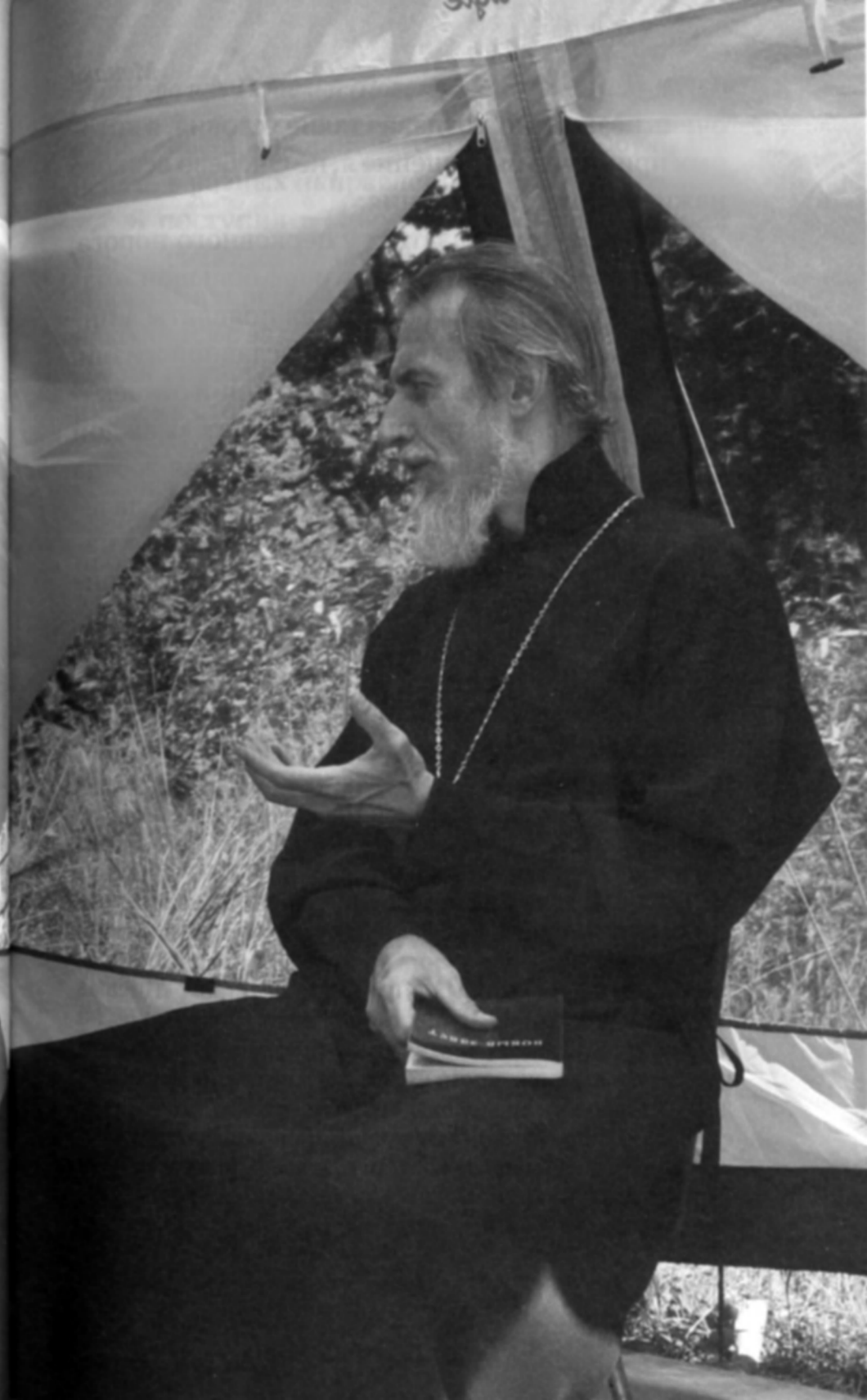
⁶ И рече: изыди утро и стани пред Господем в горе: и се, мимо пойдет Господь, и дух велик и крепок разоряя горы и сокрушая камене в горе пред Господем, [но] не в душе Господь: и по душе трус, и не в трусе Господь; и по трусе огонь, и не во огни Господь: и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь (3 Цар. 19: 11–12).

другое. Тогда это казалось вроде бы нормальным, но в глубине души я понимал, конечно, что такое никуда не годится. Совесть — голос Божий в душе каждого — всему дает реальные оценки.

К слову, сейчас много говорят и спорят о советском периоде нашей истории. Принято его обличать, ругать, ниспровергать его авторитеты. Но советская система хоть и основана была на совершенно других, атеистических, неверных принципах, воспитывала в нас и хорошее тоже. На добрых примерах русской классической литературы, где, что ни герой, то самоотверженность, самоотдача, жертвенность. Что это, если не христианские качества? Да и людей с истинно христианским устроением души тоже много было.

КОГДА БЕССИЛЕН ВИВАЛЬДИ

Каждого человека Господь ведет к Себе по-разному. Апостола Павла призвал мгновенно — и он из гонителя христиан стал великим просветителем мира, светочем христианства; Петра и Иоанна воспитывал долгих три с половиной года. А путь некоторых длится всю их жизнь. Кого-то Господь призывает в зрелом возрасте через большие скорби, кто-то изначально воспитывается родителями в вере или даже в монашеском духе. Оглядываясь на свою жизнь, могу сказать, что меня Господь вел к тому моменту, когда пришлось делать выбор дальнейшего пути,

очень незаметно, создавая такие условия, в которых принимал бы решение я, не Он. Безо всякого нажима или принуждения.

Прежде чем оказаться у церковного порога, мне пришлось пройти достаточно большой жизненный путь. Лишь в 30 лет стал появляться интерес к вере, православию, православной жизни, Церкви нашей. Но какой-то внутренний огонек — то, что Феофан Затворник⁷ называет «жаждой Бога» — внутри был всегда. Внутренняя жажда Бога побуждает к поиску. Правда, человек далеко не всегда осознает, что побуждение это направлено к его Творцу и Спасителю. Часто принимает за Истину ложные цели — успех, достаток, власть, желание «состояться»... Да мало ли их, таких. И я не осознавал долгое время, что именно

⁷ Святитель Феофан, Затворник Вышенский (в миру — Егор Васильевич Говоров; 1815–1894) — выдающийся подвижник Русской Православной Церкви, богослов, духовный писатель и учитель духовной жизни, исследователь и переводчик святоотеческих писаний. С 1871 года святитель, находясь в Вышенской пустыни, взял на себя подвиг полного затвора, в котором пробыл 22 года, до самой своей смерти. Произведения святителя Феофана, наиболее известны из которых «Путь ко спасению», «Письма о духовной жизни», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Начертание христианского нравоучения», а также толкования на все послания апостола Павла, — отличаются прекрасным живым языком, пониманием реалий современной ему жизни, проникнуты святоотеческим духом. Бóльшая часть богословских произведений и писем святого написана именно во время затвора. Главная тема его творений — спасение во Христе.

я ищу. Была жажда... чего-то. Она и побуждала искать в разных направлениях.

Я поступил в Иркутский государственный университет, на физический факультет — так физика заинтересовала. Начал ее изучать — познакомился с законами природы. Первый грузик лег на ту чашу весов, которая через 18 лет склонилась в сторону иночества.

Затем, на любительском уровне, заинтересовался живописью, изучал произведения знаменитых живописцев. Альбомы с хорошими репродукциями тогда невозможно было достать, но в советских музеях картины русских и западноевропейских художников представлены были очень широко и разнообразно. Я ездил по выставочным площадкам, в том числе и других городов: Москвы, Санкт-Петербурга, — подолгу любовался замечательными полотнами. Было интересно, увлекательно, но через некоторое время я понял, что это не то.

Дальше заинтересовала музыка, в основном светских композиторов, так как церковных тогда услышать было совершенно невозможно. Сам я не играл, но часто и подолгу слушал разные произведения, в основном классические. Со временем мои вкусы и привязанности менялись: поначалу нравился Вивальди, в какой-то степени — Моцарт, некоторые произведения Бетховена, не последнего его периода. А потом любимыми композиторами стали — и остаются по сию

пору — Рахманинов и Шопен. Всегда с удовольствием слушаю шопеновские фортепьянные концерты, первый концерт Рахманинова для фортепьяно с оркестром. Последнее время все больше нахожу какое-то созвучие творчеству Шнитке. Но и это оказалось увлечением.

Затем появлялись интересы к психологии, философии, но, доходя до какого-то предела, исчерпывали себя. Паки и паки — не то...

Когда началась перестройка и священнослужители получили возможность выходить на широкую аудиторию, состоялась судьбоносная встреча с архиереем, который впоследствии рукоположил меня во диакона, священника, постриг в монахи. Это был владыка Хризостом, в ту пору Иркутский и Читинский, а в последствии — Виленский и Литовский⁸. Замечательный, глубоко церковный человек, умный, проницательный, яркая личность. Когда владыку перевели из Иркутска в Вильнюс, я оставил свою мирскую деятельность и последовал сначала за ним, а после, вступив в число братии Свято-Духова монастыря, — за Христом.

Не вдруг, не сразу — постепенно начал понимать, что долгое время Господь, шаг за шагом, через разные увлечения вел меня к Церкви, а увлекаться позволял, с тем чтобы впоследствии была

⁸ Митрополит Хризостом (Мартишкин) — епископ Русской Православной Церкви на покое. С 1990 по 2010 годы — архиепископ (с 25 февраля 2000 года — митрополит) Виленский и Литовский (Виленская епархия).

возможность сравнить мир культуры высокой, но все же человеческой с поразительным, безграничным миром Православия.

В миру — живопись, а в Православии — иконопись, явление неизмеримо более высокое. Живописец — человек, который пытается отразить окружающий видимый мир через свое отношение к нему. Иконописцем, по большому счету, является Сам Господь, который посредством человека являет нам образы мира невидимого, духовного.

Между светской музыкой и церковной тоже обнаружилась принципиальная разница. Музыка светская — это выражение душевного состояния композитора, а церковное пение — средство устремиться к Богу самому и помочь это сделать другим. Совершенно разный уровень. Я интересовался философией, а встретился с богословием. Увлекался психологией, а оказался лицом к лицу с аскетикой. Потому, оказавшись в монастыре, прикоснувшись к Православию, уже ничего не выбирал, все стало очевидным: вот мой путь, по нему и нужно идти.

Каждого человека Господь ведет к Себе по-разному, знает все, все учитывает: каков сам человек, его характер, темперамент, жизненный опыт. Дело Божие — призвать и помочь; дело наше, человеческое — услышать, откликнуться и последовать.

В молодости, в студенческие годы, я терпеть не мог, когда мне что-то навязывали. Старался все понять, а затем и принять сам. Так был воспитан, таким был. И Господь, зная это, ни к чему

меня не принуждал. А постепенно, незаметно, создавая соответствующие условия, ставил перед выбором, который я делал самостоятельно и тем совершал очередной, маленький, но все-таки шаг и все-таки к Церкви.

КАДИЛО КАК СПОРТ-ИНВЕНТАРЬ

Мой духовный отец, батюшка Иоанн (Крестьянкин)⁹, говорил: прежде чем стать монахом,

⁹ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910–2006) — священнослужитель Русской Православной Церкви, архимандрит, один из самых почитаемых и мудрых священнослужителей конца XX — начала XXI века.

Детство будущего старца прошло в Орле. Первое указание о монашестве отец Иоанн получил еще в отрочестве от двух друзей — архиереев: архиепископа Серафима (Остроумова), будущего священномученика, и епископа Николая (Никольского). 14 января 1945 года Иван Крестьянкин был рукоположен в диакона, затем 25 октября того же года — в иерея. В 1950 году закончил четвертый курс Московской духовной академии, написал кандидатскую, но защитить ее не успел — в ночь с 29 на 30 апреля он был арестован. В исправительно-трудовых лагерях провел пять лет. После освобождения служил в Псковской, Рязанской епархиях, был принят на духовное попечение одного из глинских старцев, схиархимандрита Серафима (Романцова), от рук которого и принял монашеский постриг. Это случилось 10 июня 1966 года — исполнилось давнее, выстраданное желание сердца отца Иоанна. 5 марта 1967 года отец Иоанн поступил в Псково-Печерский монастырь, где прожил до конца своей жизни. Отошел ко Господу старец 5 февраля 2006 года, в день памяти новомучеников и исповедников Российских.

нужно христианином стать. Ну а прежде чем стать христианином, думаю, хорошо бы состояться как человек. Если привел тебя Господь к Своей Церкви, служи ей теми талантами, которые собрал в миру, если в монастырь — служи такими же обители, братии и паломникам. Не отвергай, не отказывайся от них — все собранное с Божьей помощью пригодится для нового служения, в том числе и иноческого. Плохо, на мой взгляд, поступают те новоначальные монахи, которые слишком буквально понимают заповедь об оставлении мира, умирании для мира. И еще хуже, если пытаются ее воплотить тоже слишком буквально.

Мне тоже довелось пройти через подобное искушение. Молитвами и наставлениями батюшки Иоанна благополучно, слава Богу. Все, чем я увлекался до пострига, помогало приобщиться пусть к душевному, но все же богатому, разнообразному опыту человеческого бытия. Культура — это проявление опыта душевного, но часто граничащее с духовным. Апостол Павел говорил, что «...невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы...» (Рим. 1: 20). Рассматривание этих творений и позволяло мне развиваться как человеку, улавливать, видеть искру Божию во многих произведениях искусства. Даже в тех, где о Боге и не говорилось: пейзажах, натюрмортах, портретах обычных людей, в классической

светской музыке, в произведениях советской литературы (В. Г. Распутин — самый яркий пример). Если бы я все это отторгнул, очень много потерял бы и как монах, и как архиерей в будущем.

Когда Святейший Патриарх Алексий рукоположил меня во епископы и благословил совершать архиерейское служение на Камчатке, опыт мирской жизни помог мне найти общий язык с самыми разными людьми: и врачами, и писателями, и психологами. А увлечение кибернетикой помогает работать с компьютером. Вот iPad недавно освоил, он постоянно со мной. Свой блог в Интернете уже не первый год веду.

Ничего из того, что Господь дал мне пройти в моей мирской жизни, не было лишним. Все так или иначе понадобилось.

В монастыре начало приходить понимание — тоже не сразу, постепенно, — *что* есть Бог, как Он Себя проявляет. И что свои впечатления, движения своей души и воображения не следует отождествлять с действием Божьей благодати. Так часто бывает, к великому сожалению.

Вот только один пример. Вскоре после пострига владыка возложил на меня послушание благочинного — того, кто наблюдает за исполнением внутреннего и богослужебного распорядка. Призывающая благодать ощущалась в то время довольно явственно, сопровождалась глубокими и сильными переживаниями. По неопытности их легко было принять за благодатное состояние,

свойственное старцам. Что и произошло. Ко мне обратился один из трудников, в прошлом десантник, капитан десантных войск. У него, как затем выяснилось, был очень серьезный конфликт с супругой, и он ушел из семьи. Оказался в монастыре, начал работать и решил, от досады на жену, остаться у нас.

Присмотрелся к монашеской жизни, вернее к ее внешней стороне, а затем пришел и говорит: «Знаете, отче, я увидел в вас истинного монаха. Прошу, возьмите на себя руководство моей духовной жизнью. Я буду готовиться к постригу». Естественно, у меня же сразу созрело решение им духовно руководить. Ведь читал же святителя Игнатия! И Феофана Затворника! И знаю много, и сам монах!

И что в итоге? Даю ему молитвенное правило — не выполняет. Благословляю каждый день посещать богослужение — не приходит, а если приходит, долго не выдерживает, потому что простоять два часа для него — испытание выше сил. Запрещаю выходить за пределы монастыря — выходит тут же. В отчаянии пишу письмо обо всем этом батюшке Иоанну и получаю от него ответ: «Он еще христианином не стал, а ты из него монаха хочешь сделать! И не следует носить своих чад на руках — надорвешься».

Вот и указал старец на мои ошибки. В-первых, не должно заниматься духовным руководством тому, кто сам не имеет достаточного

опыта духовной жизни. Во-вторых, нельзя на людей возлагать бремена неудобноносимые. И, наконец, следовало понять сразу, что груз иноческой жизни этот человек понести не сможет никогда, ибо пришел в обитель не по призыву Господа, а потому, что с женой поругался.

В МОНАСТЫРЬ ПРИХОДЯТ, ЧТОБЫ МОНАХАМИ — СТАТЬ

На всех этапах иноческой жизни, а особенно на начальном, внутреннее устройство в обители исключительно важно. В монастырь человек приходит не готовым монахом. В монастырь человек приходит, чтобы монахом стать. Потому старшие, более опытные братья должны помочь ему правильно определить меру молитвы, послушания, иноческого подвига — правильно расставить приоритеты.

Нельзя новонаначальному долго пребывать в уединении и молитве. Опытный духовник никогда не даст ему сложных аскетических упражнений, связанных с глубоким внутренним деланием. Потому что на первых этапах иноческого пути главное не в этом, а в том, чтобы избавиться ему от мирских оков, из мира принесенных.

Главная из них — это «я», самость, гордыня. Ей — главное внимание, против нее — основная борьба. Если об этом не позаботиться, никакое иноческое делание, никакие аскетические

подвиги не принесут пользы. Только вред. «Смирение должно лежать в основе всех иноческих упражнений» — это слова святителя Игнатия (Брянчанинова). Потому что даже такие перво-степенные христианские добродетели, как покаяние, молитва, чтение Священного Писания, изучение святых отцов без смирения ведут не к спасению, а к гибели.

Что такое покаяние без смирения? Самолюбование и восхищение собою и своими покаянными «подвигами». Что такое молитва без смирения? Не обращение к Богу, а внутреннее наблюдение за самим собой, рефлексия: «Ах, как я глубоко, хорошо и внимательно молюсь!» Что такое чтение святых отцов и Евангелия без смирения? Не что иное, как поиск в евангельских и святоотеческих текстах подтверждения своим собственным мыслям. Самоутверждение себя через Евангелие.

Некоторые церковные люди — и миряне, и монахи — не понимая, что духовный путь — это прежде всего обретение смирения, на этом пути не спасаются, а повреждаются.

Вот свежий пример. Закончился Архиерейский собор. Один из документов, которые мы на нем приняли, касался электронного учета граждан, ИНН, новых паспортов. В нем ясно и четко прописана позиция Церкви, неоднократно заявленная и раньше: принимать или не принимать ИНН — это дело свободного выбора каждого

человека, и государство не должно на него влиять. Мы обращаемся к руководству нашей страны с просьбой дать возможность использовать те средства учета, которые не смущают религиозных чувств людей. Если человек верующий выбирает электронные средства — пожалуйста, если нет — нужно предоставить ему альтернативные традиционные средства. Подчеркну, что об этом говорилось давно, и все должны бы об этом знать.

Итак, мы выходим из храма Христа Спасителя, нас встречают пять или шесть человек, явно обеспокоенных. К одному владыке подходит женщина в монашеском облачении со словами: «Батюшка! Благословите меня не принимать ИНН!» И так-то смиренно, с таким кротким, постным выражением лица! И ручки-то сложила на груди, и глазки долу опустила. Владыка посмотрел на нее, все понял и говорит шутливо: «Благословляю принимать!» А она, как услышала (куда только смирение делось?! исчезло во мгновение ока!), с искаженным от гнева лицом истеричным голосом возопила: «Я тебе покажу „принимать“!!!» Не выдержало ее смиренничанье даже такого незначительного испытания.

ЗЕРКАЛО ЕВАНГЕЛИЯ

У монахов первых веков христианства было огромное преимущество: они учились отсекал свое «я» под духовным водительством

боговдохновенных старцев — людей не просто опытных, а водимых Духом Божиим.

Мой духовный отец, архимандрит Иоанн (Крестьянкин), я считаю, был именно таковым. Он мог руководить и, возможно, руководил духовной жизнью некоторых братьев своего монастыря, но не мог окормлять духовно всех желающих. Ведь вся православная Россия к нему шла! Понимая это, старец пробуждал в людях самостоятельность и ответственность за те решения, которые они сами должны были принять. Учил каждого думать и сверять свою жизнь с жизнью Христа. Он наставлял: «Вот перед тобой Евангелие. Смотри. Учись. Как делает Христос, и ты делай. Как Он думает, так и ты думай. Как Он говорил, так и ты говори».

И святитель Игнатий (Брянчанинов) писал о том, что Евангелие, заповеди Божии — это зеркало, в котором можно увидеть себя, реального, и по которому себя постоянно необходимо выправлять. Хочешь увидеть, какой ты есть на самом деле, — всмотрись в Христа, прочитай Евангелие — и увидишь. Не таким, каким хочешь казаться, а каким тебя видит Христос.

ИНОКИ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

В одном из писем святителя Игнатия есть такой эпизод. Некому старцу было видение: три человека молились на берегу очень широкой

реки, и по их молитвам Господь дал им крылья. Первым двум — мощные, сильные, и они, взмахнув этими крыльями, мгновенно перелетели на другой берег. Третьему тоже были даны, только немощные и слабые. И вот он, взмахивая ими, то поднимаясь немного над водой, то погружаясь в волны, то снова поднимаясь из последних сил, постоянно плача и взывая к Богу, все-таки преодолел эту реку. Святитель рассуждает: первые два человека — это иноки первых веков христианства, от нашей земной жизни в жизнь вечную они «перелетели» очень быстро, потому что у них были сильные духовные крылья. Третий человек — это образ инока последних времен. Он тоже спасется. Но усилий для этого от него потребуется гораздо больше, потому что крылья имеет слабые.

Пожалуй, приведу еще притчу, тоже из святителя Игнатия. Один послушник приходит к старцу и спрашивает: «Я вижу, что ты и другие старцы — люди высокой духовной жизни. Скажи, отче, что вы сделали?» А тот отвечает: «Мы исполнили все заповеди Христовы». Тогда последовал второй вопрос: «А что сделаем мы, ваши ученики, последователи ближайшие?» И ответ: «Вы не сделаете и половины». — «А каково будет делание иноков последних веков?» — «А у них делания вообще не будет. Но будут посланы такие скорби, претерпев которые, они станут выше нас».

Господь никогда не оставляет тех людей, которые обращаются к Нему. Мирским ли путем они

идут ко спасению, священническим или монашеским. В первые времена или последние. Посылает испытания, каждому — свои, в свою меру и степень. Потому каждому человеку, а монаху в особенности, очень важно понимать, что любое испытание — от Господа. Не от плохого человека, не от строгого игумена, не от надоедливого прихожанина, а от Господа. И понимая это, принимая, именно по Богу перенося испытания, каждый из нас постепенно к Нему приближается.

И апостол Иаков пишет: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1: 2–4). Вот мы, христиане, иноки последних времен, этим терпением и стараемся взойти к совершенству — не делами своими.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

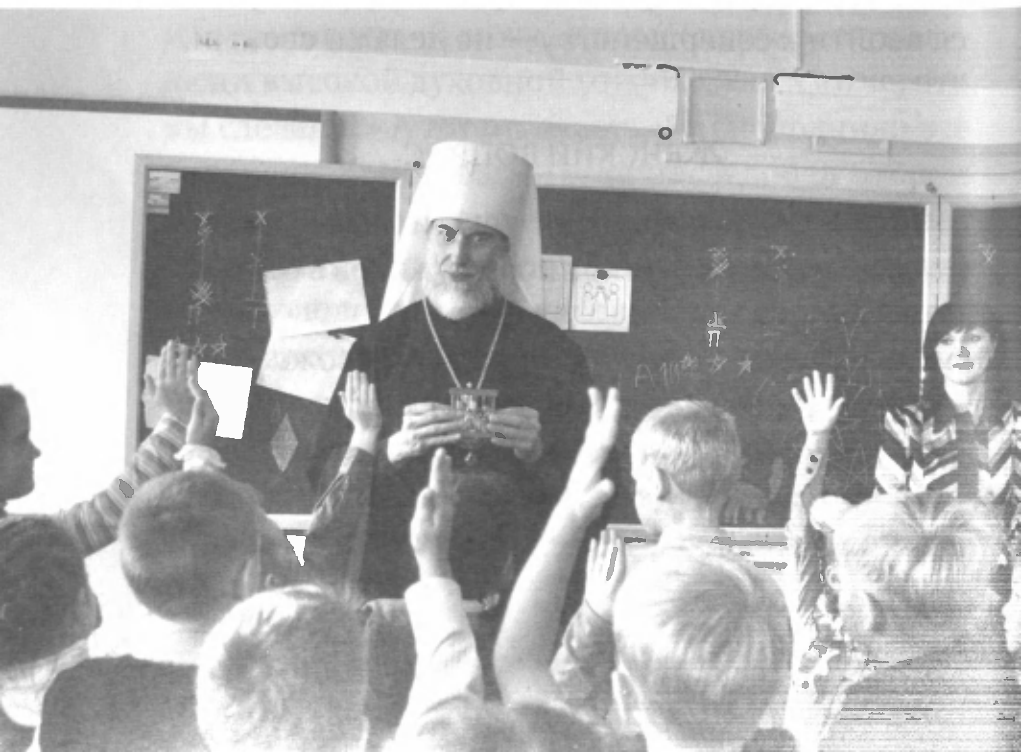
Людей часто смущают негативные высказывания некоторых святых подвижников в отношении женщин.

Что тут скажешь? Монахами не рождаются, ими становятся. Когда мужчина, молодой человек, приходит в монастырь, он приносит туда все свои мирские качества — и пороки, и добродетели. Его мужская, телесная природа приходит

вместе с ним. А в ней заложено стремление к женщине, которое дает о себе знать. За редким исключением. Скажем, Иоанн Богослов был девственником. Возможно, у него в жизни никогда не было плотских влечений: так Господь хранил чистоту его ума и сердца для созидания его великого Евангелия. Только чистые сердцем могут Бога узреть. Но это, повторю, — редкость, исключение.

А у большинства монахов мужская природа никуда не исчезает, и этим пользуются демоны, пытаясь разжечь в их душах огонь нечистых желаний. Как относиться к этому? В творениях святых отцов-аскетов есть много наставлений о борьбе с блудной страстью. Очень действенных.

Но там же можно встретить рассуждения о том, что «женщина — сосуд греха», «через женщину произошло грехопадение человека».

Последнее — справедливо. Но не женщина есть зло — о том нигде не сказано в Евангелии, — а греховное воззрение на женщину (а это отсюда). К одному старцу обратился послушник с вопросом: «Грех ли, батюшка, вино, деньги и женщины?» А он ему в ответ: «Не вино, а пьянство, не деньги, а скупость, не женщины, а блуд — вот что грех!»

Вот еще притча из иноческой жизни. В монастыре жили два пожилых монаха. Один из них вел себя крайне осторожно: как только видел среди паломников женщину, закрывал глаза и убежал. А другой, вроде бы беспечно, оставался, подходил к ней, подолгу беседовал. И вот осмотрительный спрашивает беспечного: «Как же ты так общайся с женщинами. Это может привести к падению». А второй ответил: «Ты, взглянув на женщину, видишь в ней прежде всего грех и соблазн, а я — творение Божие и благодарю Его за такую красоту, которую Он создал».

Если в миру человек предавался греховной, блудной жизни, то в монастыре, конечно, ему лучше избегать общения с женщинами. Потому что греховные навыки могут привести его к соблазну. Если же был благочестив, искушения тоже будут, но значительно более слабые. И бороться с ними можно будет уже другими способами. Один из них — умение видеть в женщине творение Божие и воспринимать ее красоту как отражение красоты Божественной.

О ПОДВИГЕ НЕМОНАШЕСКОМ

Я постригал только одного человека, который имел опыт семейной жизни. И думаю, что тот, кто благочестиво жил в семье, конечно, может стать хорошим монахом. Но семья — благословение Божие, и безбрачие допустимо только в одном случае: если Сам же Господь благословляет иное.

Хотя святитель Игнатий, мой небесный покровитель, ставит иночество выше брака, я думаю, что эти два пути равнозначны. Митрополит Антоний Сурожский¹⁰ пишет: «...есть замечательный отрывок в жизни святого Макария Великого. Он молился о том, чтобы ему было открыто, есть ли кто-нибудь, кто его может научить большему совершенству, чем то, которому он научился в пустыне. Ему было велено пойти в соседний город,

¹⁰ Митрополит Антоний Сурожский (в миру Андрей Борисович Блум, 1914–2003) — епископ Русской Православной Церкви, митрополит Сурожской епархии Британских островов и Ирландии (с 1966 года) и Патриарший Экзарх в Западной Европе (1966–1974). Родился в семье русского дипломата, после революции семья оказалась в эмиграции. В 1938 году окончил медицинский и биологический факультеты Сорбонны. В 1939 году, перед уходом на фронт хирургом французской армии, тайно принес монашеские обеты. В 1948 году рукоположен во священники и призван на служение в Англию.

Митрополит Антоний известен по всему миру как выдающийся пастырь-проповедник. Его труды о духовной жизни, книги, созданные на основе его бесед и записей, переведены на разные языки.

разыскать одного ремесленника и узнать, как он живет. Макарий пошел. Оказалось, что ремесленник — простой рабочий, который живет с семьей и ничем особенным не выдается. Макарий его начал спрашивать, какова их духовная жизнь. „Ну какая же духовная жизнь! — отвечает тот: — Работаю с утра до ночи, зарабатываю гроши, перебиваемся с женой и детьми, вот и вся наша жизнь“. Макарий стал дальше расспрашивать. И оказалось, что этот человек за всю жизнь не сказал резкого слова жене, что они любят друг друга совершенно и полностью и составляют одно целое. И святой Макарий вернулся в пустыню с мыслью о том, что он сам такой цельности, такого единства с Богом, какое этот человек явил через единство с женой (я не говорю — только „в единстве с женой“, но „через него“), еще не достиг. Поэтому надо с осторожностью говорить о том, что один путь выше другого: не всякий, шествующий одним путем, духовно выше, чем тот, который идет другим путем».

Монаху, в каком-то смысле даже легче... Существует огромное количество аскетических книг, которые написаны монахами для монахов. А вот подобных книг для семьи у нас почти нет. Жаль! Я думаю, что если бы люди семейные делились своим опытом, мы бы увидели, какая огромная духовная работа, не меньше иноческой, должна проводиться супругами, чтобы жить в мире и согласии и достичь того, о чем говорил Господь: «...будут два одною плотью...» (Мф. 19: 5).

Монахиня Иулиания (Денисова)

**Монахиня Иулиания (Денисова), насельница
Свято-Елисаветинского монастыря, г. Минск**

45 сумок, 35 пар обуви, шкаф косметики, собственная отдельная квартира — ешь, пей, веселись! А в душе крик: «Я так больше не могу!» Ирина Денисова, знаменитый на всю Беларусь регент, ушла в монастырь на пике успешности. Вырастила троих детей, добилась признательности в мире музыки, добилась всего... О ней даже сняли фильм — «Регент»... А через несколько лет вышел уже второй фильм — «Инокиня».

Наш рассказ о том, как пришла к монашеству женщина, о нем никогда не мечтавшая.

ЖИЗНЬ ПО ПЛАНУ

— Когда рассказываешь о себе, все равно получается о нем, о монастыре. Какое может быть теперь разделение? Конечно, оно бывает, когда возвращаешься мыслями в прошлое, но вообще я чувствую, что с годами, проведенными в монастыре, все больше отождествляешь себя с ним, говоришь: «Мы, монастырь».

— В фильме «Инокня» вы сказали, что и не думали о монашестве, а решились на него вдруг, за три дня. Что произошло в эти три дня?

— Мне приходилось на этот вопрос много раз отвечать: как так? не собиралась, а тут засобиралась? Я до сих пор не знаю, как же это правильно объяснить...

Те три дня были верхушкой айсберга, к этому действительно шла вся жизнь. Сейчас мне, словно сквозь прозрачное стекло, стала видна вся моя предыдущая судьба как подготовка к этому окончательному событию.

Были моменты, когда я шла в прямо противоположном от Бога направлении. Знаете, теперь я думаю, что Господь дает возможность выбора, некую вариативность каждому человеку. Человек все время норовит сойти со своего пути и соскальзывает в грех, а Господь его «ловит» там и ищет для него другую дорожку. Как навигатор: вот ты его настроил, он тебя ведет, а ты вдруг возьми да сверни куда-то в сторону. Навигатор предупреждает: «Вы ушли с маршрута». Потом ищет, ищет, ищет — и раз, нашел: «Поверните направо, через 400 метров поверните налево», — выводит тебя другим путем к цели. Так и Бог. Причем Он таков и с некрещеными людьми, людьми, не знающими Его.

— *Так с вами и произошло?*

— Да. Моя душа всегда была ищущей, еще с юности. «Ловить» промысел Божий я пыталась даже будучи неверующей, некрещеной. Хотелось какой-то чистоты... Откуда мне было тогда знать, что такие категории не живут в греховном существе, которое Бога не знает, не обращается к Нему, живет только собой: все эти «я», «я», «я» уже с детства накладывают свой отпечаток...

Родилась я в обычной советской семье. И надо сказать, что мы с братом выросли в прекрасной обстановке, нас растили в любви. Пожалуй, единственным, кто у нас дома молился, была моя бабушка, крестьянка. Каждый раз, когда она

ночью застывала на коленях, мне становилось неудобно, стыдно: «Ну что она такое делает? Бога же нет! Это постыдное что-то». А сейчас думаю, что благодаря ее молитве многое в моей жизни произошло.

Вторая моя бабушка, папина мама, закончила варшавскую гимназию и была учительницей литературы и русского языка, директором школы, очень интеллигентным человеком. Она меня и воспитывала на высоких нравственных принципах: учила, что нужно делать людям добро, что все люди — хорошие. То есть заложила основу. Вообще во времена моего детства и юности такие настроенность, доверие к людям были повсеместными. Незнакомые люди разговаривали друг с другом не настороженно, а охотно; в автоматах с газировкой стакан ночью стоял, даже пьяные не воровали. Было много хорошего. Наверное, поэтому Бог и многих из нас, когда это стало возможно, сразу стремительно привел в Церковь в 1980–1990-е годы — такой массовый исход Израиля из Египта¹¹, из плена...

— *Как вам тогда представлялось ваше будущее?*

¹¹ События, описываемые в библейской книге Исход, связанные с массовым выходом израильтян из Египта, где они находились в рабстве, под предводительством Моисея. Мать Иулиания образно сопоставляет пленение народа Божьего языческим Египтом с той несвободой, которая сохранялась в атеистическом СССР в отношении религии.

— Я уже в юности очень точно «знала», как сложится моя жизнь до самого конца, и до 1980 года «жила» этим будущим: знала, что окончу школу, поступлю в вуз в Ленинграде (моя мама там училась), стану музыкантом, приеду работать обратно в свой лицей, потом — выйду замуж, у меня будет трое детей. В общем-то, так и случилось! Просто Бог слышит: ты просишь — Он тебе даст.

— *То есть все мечты сбылись?*

— Это были не мечты, скорее, прагматичное представление о том, какой должна быть жизнь. Наверное, если бы удалось хлебнуть страдания, было бы все по-другому. А у меня жизнь складывалась благополучно, поэтому я верила советским ориентирам.

— *У вас творческая профессия. Мечтаний о славе не было?*

— Нет, я никогда не мечтала стать звездой. Хотя, казалось бы, абсолютный слух, одаренность — с шести лет училась музыке в спецшколе, и мне все давалось легко, без многочасовых занятий, как у других. Но еще ребенком я грезила об одном: встретить любимого и до конца жизни прожить с ним! Правда, не знала, что любовь требует ухода, взращивания... Только когда стала верующим человеком, постепенно начала понимать, что любовь — это не чувство, а состояние, которое не зависит от того, есть ли человек на твоей орбите, в твоём пользовании, в твоей собственности или нет — ты все равно можешь

любить его без надрыва. Это качество любви мне, конечно, тогда было недоступно. И я его нашла сейчас, наконец! Оно настолько вбирает в себя все остальные виды любви: и любовь материнскую, и любовь дочернюю, к родителям, и любовь к родине, и любовь к искусству, и любовь к мужчине — все! Когда нет необходимости расчленять это на разные «любви» — это такое счастье.

— *Тем не менее у вас сложилась большая семья...*

— Да, внешне все было прекрасно. Мы с мужем познакомились во время учебы в консерватории, вместе вернулись работать в Минск, он был очень харизматичным музыкантом, выделялся своим талантом. Наша семья считалась образцовой в музыкальных кругах. И поэтому, когда она вдруг через 13 лет развалилась, люди плакали, они не могли поверить этому. Можете себе такое представить: не верили! Да и я до последнего не могла поверить в происходящее: как это я разведусь? Ведь у меня должна быть исключительно мирная, идеальная семейная жизнь! По гордыне так думалось... На самом деле взаимное непонимание, глубоко зашедшая отчужденность с мужем начались очень давно. И во мне самой уже было много червоточин: грех ведь не виден, особенно когда его тщательно скрываешь, но изнутри он тебя подтачивает...

Крах семьи стал для меня трагедией. Представьте: человек и Бога еще не нашел, и опоры

в семье лишился. Тебе 32–33 года, ты еще молодая, но уже есть трое детей, которых надо растить, и понятно, что в таких обстоятельствах у тебя другой личной жизни быть не может.

— *Даже то, что вы с мужем в 1989 году крестились, не спасло брак?*

— Мы-то крестились, но на жизни семьи это никак не отразилось: молиться, обращаться к Богу мы не стали.

— *В фильме «Регент» рассказывается, что самый тяжелый год был после вашего крещения. Как вы думаете, почему так случилось?*

— Так часто бывает у людей, пришедших к Богу в сознательном возрасте. Понимаете, даже если человек в детстве крещен, но к Богу не обратился, дьявол его не трогает. А зачем? Он и так его! А вот когда тот начинает задумываться серьезно, когда враг видит, что упускает человека... Ведь цель дьявола — убить, а для начала — совратить с пути поиска Бога. А Господь тоже человека ищет, всегда, и когда тот отзывается на Божий зов, эта встреча и происходит. Но я еще не сказала «Господи!» в тот момент, когда крестилась. Нужен было действительно очень страшный год после крещения...

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ОККУЛЬТИЗМ

— *Что было во внутренней жизни до того, как вы пришли к вере?*

— Творчество, загнанное внутрь. Вообще хороший вопрос: чем можно жить, когда не знаешь Бога, какой внутренней жизнью? Какая-то тайная жизнь души и поиск смысла — были. Внутри — трагедия, поиск, неудовлетворенность... Все не удовлетворяло.

— *У вас никогда не было соблазна подменить смысл жизни детьми, работой?*

— Смысл жизни в детях, в служении, в работе — это все земное. Душа-то чувствовала, что она не отсюда! Но сформулировать это не могла. Поэтому искала, где только возможно. А в начале 1990-х — как всегда происходит на сломе эпох — вдруг стало очень популярным вызывание духов, оккультизм, астрология, всплыли имена Блаватской, Рерихов. Буквально через месяц, после того как я приняла крещение, мне предложили абонемент в школу астрологии Павла Глобы...

Никто не знал толком, что это такое, но интеллигенция часто покупается на такие штучки. Дьявол понимает социальное устройство человека и действует в той терминологии, которая тому близка. В моем случае это было такое избранничество: «Это для избранных. Какой-нибудь рабочий с завода не поймет. А ты же не кто-нибудь, ты высококультурный человек!»

— *Вы не чувствовали подвоха?*

— У оккультных учителей все очень тонко: во-первых, они всегда ссылаются на правильные вещи, например говорят о необходимости

любить своего ближнего, избегать ссор; во-вторых, они косвенно дают понять, что это, мол, одна из областей Божественного знания. Даже в церковь нас отправляли свечи ставить, и Евангелие лежало на столе. Ну, так «и бесы веруют и трепещут»! Вопрос не в этом. Вопрос был в том, как сделать так, чтобы человек из духовного мира предпочел — не Бога.

Сейчас я вижу, что вся эта теория шита белыми нитками. Например, понятно, что духовный мир состоит не только из Ангелов Света, но и из падших ангелов, бесов — а вот это замалчивалось, об этом говорить не любили... Но почему люди покупались? Потому что там была какая-то своя *как бы правда*. В этом и состоит искусность дьявольских ухищрений, чтобы к правде подмешать ложь. И все было очень серьезно, продумано, поставлено на «хорошую научную основу». Мы составляли гороскопы, занимались хиромантией, а к тому времени как у моего младшего сына Игната был обнаружен рак почки в последней стадии, мы проходили медицинскую астрологию — «коррекцию здоровья по гороскопу».

— *Какая злая ирония: вроде бы учились лечить людей, а собственные дети заболевали...*

— Да, мои дети очень страдали от всего этого — они переболели чуть ли не всеми болезнями, какие только есть, все больницы Минска были мне известны. Я почему-то — вот удивительно! — не связывала это со своими занятиями астро-

логией. И даже еженощные кошмары — а ведь я спала только с включенным светом, да еще с ножом под подушкой — не послужили сигналом. В какой-то момент к ножу добавился молитвослов: я выучила «Отче наш» и, просыпаясь от кошмаров, повторяла молитву, — наверное, душа интуитивно начинала понимать, что здесь спасение.

— *Неужели и тут вы не увидели противоречия?*

— Мне казалось, это временно: еще чуть-чуть, и я найду какой-то «философский камень», и все эти беды пропадут. Самая большая загадка в жизни моей на сегодняшний день — как Господь меня вытащил из этого всего!.. Я последовательно шла в противоположном от Церкви и Бога направлении. Но сейчас я знаю, что искала именно Его — просто не там.

Астрологический этап моей жизни был самым нагнетающим и подводящим к какой-то катастрофе. Я ее чувствовала всем своим существом, знала, что нечто страшное должно произойти.

За три недели до своего обращения к Богу я написала такое стихотворение:

Мое сердце

*Сердце спит в оковах скуки —
Видно так ему уютней.
И ничто его не тронет,
Не освободит от плена:*

*Ни раздумье о печальном,
 Ни известие о тайном.
 Даже смерти лик ужасный
 Ото сна его не будит.*

*Я от сердца отделилась —
 Вот живу, пою, стенаю,
 Причитаю, как торговка,
 О всеобщем равнодушии,*

*Растреклятым спящим сердцем
 Ничего не ощущая,
 Не мечтая, не страдая,
 Зная все уж до могилы.*

*Как легко мне притворяться,
 Что в груди огни и бури!
 Это мне труда не стоит —
 Все «обманываться рады».*

*Знаю: с сердцем беспробудным,
 С онемевшею душою
 Я накличу столько горя,
 Сколько прежде не знавала.*

*Знаю: беды — не ошибки,
 Их исправить невозможно.
 Где же Тот, Кто не позволит
 Злому сердцу умереть?!*

Это было в начале декабря 1991 года. А через неделю я узнала диагноз Игната...

К Богу меня привела болезнь сына, это совершенно точно. Это была последняя «кнопочка», на которую Господь «нажал».

— А какой момент был переломным? Почему вы обратили внимание на Православие?

— Вы знаете, я думаю, это был момент, когда Бог меня свел с моими старинными школьными подругами, Ольгой и Еленой, с которыми мы не виделись к тому моменту уже лет шесть-восемь. И вдруг они мне стали сниться: я видела их во сне в каких-то чистых водоемах, вокруг — сосны, прекрасный пейзаж, чистая-чистая вода... Они, только омывшись в этой воде, идут мне навстречу, зовут меня за собой. Я говорю: «Сейчас-сейчас», но мне что-то мешает, и так я до водоема и не могу добраться. Такой сон.

Вообще, конечно, сны — очень опасная материя. Это та ниточка, за которую враг может дергать. Приснился сон, ты всем рассказываешь: «Мне такой сон приснился!» А лукавый стоит за плечом и говорит: «Да? Ну, жди: завтра тебе точно такой же сон приснится». Мы сами себе подстраиваем эти ловушки. Сейчас в монастыре навикаешь не обращать на сны внимания: не запоминаешь, никому не рассказываешь о них — совершенно презираешь эту неизведанную даже святыми людьми область. И сновидения стали совсем другими — легкими, забывающимися.

— *Разве не бывают и сны от Бога?*

— Разумеется, но это редкость. Ты же не Пахомий Великий, не пророк, чтобы Бог через тебя транслировал миру, где Казанская икона закрыта, например. Надо думать о себе поскромнее. А в школе астрологии, наоборот, мы вели

дневники снов, внимание к ним очень приветствовалось. Я тогда доверяла снам, и Бог ко мне через это тоже пробивался: пойми хотя бы так, раз ты придаешь этому значение!

И вот через какое-то время после того сна вдруг мне звонит Лена — спросить телефон бывшего одноклассника. Наш разговор длился полтора часа. Я почувствовала, что сейчас происходит что-то важное, настолько меня потрясло все, что она мне рассказывала! Как оказалось потом, к этому моменту Лена и Оля уже пришли в храм, причем разными путями, не вместе. Впервые за свои 35 лет я услышала такие слова как «регент», «молебен», «причастие». А сама рассказала подруге, что занимаюсь астрологией... Они с Олей стали молиться за меня. И это был переломный момент.

Я сожгла все свои оккультные книги, приложила очень много усилий, чтоб забыть все, чему меня там научили. Вымаливала Игната, мы с ним ездили по монастырям — к Евфросинии Полоцкой, к Жировицкой иконе Божией Матери... Маленький, худенький Игнаша — ему тогда было четыре годика — поднялся по ступенькам к этой иконе, стал что-то шептать Матери Божьей... Он не сомневался, что Господь ему поможет! И я тоже ни на секунду не сомневалась. И страшная болезнь отступила. А я, через три с половиной года после своего крещения, наконец стала жить жизнью Церкви.

ПРИЗЫВ

— Когда вы впервые всерьез задумались о монашестве?

— Всерьез — только перед самым уходом в монастырь. А до этого — что вы! Я очень прагматичный человек. Мечтать о монастыре мог Серафим Вырицкий¹² или отец Иоанн (Крестьянкин)¹³, которых в восемь лет благословили на монашество, а монахами они стали после 50-ти. А мне — чего мечтать? Даже когда старшие дети уже подросли, я себе говорила так: «Минуточку! Может о монастыре человек рассуждать, если его младшему ребенку 13 лет? Не может».

Сейчас я понимаю, что не обязательно сразу быть Серафимом Саровским, что человек, приходящий в монастырь, ничем не отличается от мирянина. Только желанием стать когда-нибудь монахом. Мы что, какой-то избранный народ? В монахи берут каких-то особых людей?

¹² Преподобный Серафим Вырицкий (в миру Василий Николаевич Муравьев; 1866–1949) — иеросхимонах, святой Русской Православной Церкви, чудотворец. Желание монашеского пути было у Василия с юности, однако он вынужден был оставаться в миру, стал успешным купцом, создал семью, воспитал детей. Был принят в братию Александро-Невской Лавры уже в зрелом возрасте — 54 года.

¹³ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910–2006) — священнослужитель Русской Православной Церкви, архимандрит, один из самых почитаемых и мудрых священнослужителей конца XX — начала XXI века.

— А разве нет?

— Конечно, нет! Конечно, нет.

— А зачем тогда идти? Что там есть такого?

— «Тайна сия велика есть». С человеческих позиций такой шаг — абсурд. Молодой девушке, окончившей школу в центре Минска, разве не абсурдно становиться монахиней, а не поступать в БГУ (Белорусский государственный университет. — *Примеч. ред.*)? Абсурдно. Современному человеку это еще труднее понять. Мы никогда не думали, что нам будет предложен выбор: в монастырь или замуж (или жениться). А ведь еще каких-то сто лет назад такой выбор стоял перед человеком. Третьего не было дано. И сколько появлялось монахов! Перед революцией — 17 тысяч человек жило только в женских монастырях. Представляете? Многих людей с младых ногтей воспитывали в вере, благочестии, например Силуана Афонского, нашего любимого святого. По словам самого старца, он, живя на святой горе Афон, еще не пришел в меру своего отца-мирянина, а тот был — простой крестьянин! Вот такие люди воспитывали святых. У нас этого не было.

— И все-таки необходимость выбора сегодня не очевидна. Верующие люди живут в миру, молятся, ходят в храм и ни о каком выборе не думают. Ведь что-то заставляет сделать такой решительный шаг. Что это — призыв?

— Вот! Вот правильно, вот слава Богу! К этому слову я и подводила. В монастырь нельзя попасть

без метафизического вмешательства Бога в твою жизнь. Не получится это просто так, по какому-то плану: воцерковился, ходил в Свято-Елисаветинский монастырь на службы, настоятель такой замечательный, исповедался у него и подумал: «А не пойти ли в монастырь?» Или по другому сценарию: сначала побуду белой сестрой, в сестричестве милосердия (у нас оно составляет несколько сот человек), ну а потом уж — в монахини. Не работают тут сценарии! Нет такого, что из сестер милосердия, как из яйца, со временем непременно «вылупляются» монахи, из «беленького» — «черненькое». Совершенно нет! Сестер, которые пришли таким путем, все меньше.

— *А какие мотивы бывают?*

— У каждого человека совершенно по-своему складывается жизнь. Сестре, которая пришла в монастырь предпоследней, 75 лет. А последней — 19. Мотивы, жизнь — совершенно разные! Но у всех схоже одно: мы почувствовали какой-то последний, решительный призыв — хотя каждый в разных словах это объясняет. Но так или иначе в этих объяснениях звучит нечто неаргументированное, не сводящееся к чистой логике.

— *Может быть такое, что человек «намечтал» себе это призыв?*

— Призыв — вряд ли. Все ж таки у Бога все серьезно... Я, конечно, не вправе за всех говорить, но мне кажется, что в монастырь по ошибке

прийти невозможно. Бог это контролирует. Уйти по ошибке из монастыря — можно.

Если человек попал в монастырь, то это свидетельствует об избрании — не в высокомерном смысле этого слова, а в евангельском: «много званных, а мало избранных». Господин послал своих слуг созвать друзей на брачный пир, а они отказываются один за другим: «У меня жена, только свадьбу сыграли», «У меня — новый вол», «Я машину купил», «Я бизнес открыл»... И слуги стали призывать всех, кто попался. И те пошли, хотя не собирались, даже не думали, что их когда-нибудь позовут на этот брак! Но все-таки — откликнулись. Как пишет владыка Сурожский Антоний, речь здесь идет о готовности быть призванным. Понимаете, избранность ведь может быть и на мученичество. Господь не насилует, Он всегда дает человеку возможность выбрать самому.

— *Но все-таки есть люди, которые бросают монастырь, не выдерживают. Здесь тяжелее, чем в миру?*

— В монастыре Бог чуть-чуть больше открывает нам нашу душу, все механизмы внутренней жизни делаются чуть более очевидными. А это очень трудно и кроваво порой... Внешне ничего сложного нет: не в пещере спим, не капает холодная вода на нас, не на кирпич вместо подушки голову кладем, как Ефросиния Полоцкая. Горячая вода у нас есть, трапеза три раза в день, одеты, обуты — живи да радуйся!

А внутри — такие бури бушуют, что некоторые не выдерживают.

Мы понимаем тех, кто ушел, но не пожив в монастыре этого понять невозможно. Вот родился монах, а прежний человек — Ирина Денисова — умерла. Все, нет ее! И мне два годика недавно исполнилось — монашеское младенчество. Представьте, сколько нужно еще пройти, столько впереди этапов становления. Трудно — начинать приходится сначала.

«ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦИНИЗМ»

— *Мать Иулиания, вы многие годы работали регентом, вам удалось создать необыкновенный хор. Чем не прекрасная служба Богу и людям в таком качестве?*

— Мне было нельзя остаться в миру. Моя внутренняя жизнь перестроилась таким образом, что я каждую секунду ощущала: я так жить больше не могу. Я не понимала почему! Просила Бога, чтобы Он что-нибудь сделал со мной. Я была церковный человек, регент известного хора. Однако наступил период «отката», когда прошла неофитская пора, все утряслось, устоялось и на меня напал какой-то такой «православный цинизм».

— *В чем он выражался?*

— В поведении. Душа вопила, что хочется пожить для себя! При этом удобно устроиться: в меру поститься, в меру правило читать — я же

человек грешный, благодать отошла, что могу — то могу! В итоге я много себе позволяла, видя, что — этот, вроде православный, но он же себе позволяет какие-то мелкие отступления. А этот? Тоже! И вот эти все. А чем я лучше? Ничем. Я вообще никто и ничто. Ну, и что, если я буду пить пиво и ходить в короткой юбке? Мне и так известно, что человек я грешный, и исправления нет — какие могут быть иллюзии? Хоть такие утешения пускай будут. Это «православный цинизм», а на самом деле — гордыня в кубе, высокомерие и двуличие...

Если раньше в моем представлении надо было обязательно иметь благочестивый вид, то в тот период я себе сказала: «Хватит! Не морочь людям голову своей косой, своими длинными юбочками, четочками... Будь тем, кто ты есть!» И напялила джинсы, снова стала курить. Средств было достаточно: частные уроки меня хорошо обеспечивали. 45 сумок, 35 пар обуви, полный шкаф косметики — я одевала красивые побрякушки и шла в мир. Дети были достаточно взрослые и уже не требовали внимания к себе (только младший сын жил за мой счет, но и он собирался ехать на учебу в Москву). Так что появилась возможность уделить себе внимание, свобода замаячила на горизонте. В тот момент мы как раз разменяли родительскую квартиру и дети нашли мне квартирку в центре Минска, аккурат на остановке восемнадцатого автобуса (это единственный маршрут, который ходил

тогда из города в Новинки, где находится монастырь). Красивенькая квартирка — ешь, пей, веселись! Но не тут-то было... У меня просто накопилась невозможность так больше жить. А потом Господь стал давать подсказки, куда идти дальше.

Три дня

— В тот год Игнат поступил в Московскую консерваторию, и вдруг у меня появилась мысль: показать ему место, где я молилась за него, чтоб Господь его исцелил от смертельной болезни. Первые годы моего воцерковления были связаны с одним древним монастырем, и мне захотелось сына к этому приобщить. Он сразу согласился: «Маме надо, значит, поедем».

И там я разговорилась с одним монахом: он молодой, а я уже «тетя», поэтому мы могли спокойно, без опаски беседовать. Я вдруг стала расспрашивать его о монашеской действительности: «А это как называется? А четки зачем? А без четок можно? А бесы нападают? А вот это вам можно? А сколько вы поклонов делаете в день?» Спрашивала, как проходило его детство, как он пришел в храм, как у него зародилась такая мысль — идти в монастырь? А он ответил: «Да обыкновенно было» — и рассказал, как именно. Мне не хотелось верить: я-то была уверена, что монахи — какие-то очень особые люди, что между нами непроходимая грань!..

— Но к себе вы еще мысленно не примеривали монашество?

— Нет, что вы! Я сама не понимала, почему все это меня так волнует. Мы стали переписываться с этим добрым монахом, и однажды он вдруг написал: «И если действительно хотите в монастырь, то надо то-то и то-то». Меня это как гром среди ясного неба поразило! Я подумала: «Стоп, стоп, стоп. Минуточку. Кто хочет в монастырь? Это я хочу в монастырь?!»

С этой мыслью сходила на работу, пришла, перечитала письмо. И вдруг... знаете, как химическая реакция на твоих глазах происходит. Был стакан с жидкостью, в него что-то капнули, и вдруг эта жидкость на твоих глазах начинает менять цвет, консистенцию, булькает, превращается во что-то другое. Так и я вдруг понимаю: «Да. Это я хочу в монастырь».

Потом этот монах пишет: «Бросайте курить. Пусть сегодня это будет ваша последняя сигарета, посмотрите на нее». Я действительно бросила курить через три дня. А еще через неделю пришла к духовнику: «Я так не могу больше, надо что-то со мной делать! Может, мне в монастырь пойти?» Он ответил: «Ну, иди в монастырь!» Это была суббота. Потом он подумал немного и сказал: «Я поговорю с сестрами, помолимся... Приходи в понедельник».

— Вот эти три дня!

— Да. За эти три дня произошел последний этап становления. Когда ракету готовят, сколько

лет ее строят, сколько денег вкладывают, потом кто-то на кнопку нажал, сказал: «Поехали!» — махнул рукой, и... полетел Гагарин в космос. От одного нажатия кнопки. Три дня — это была вот эта кнопка. Для меня вдруг все стало ясно, все изменилось. Я сама стала другая, перестала себя узнавать. Все задавала себе вопрос: «Это что, я? Иду в монастырь?!» И сама себе отвечала: «Да, я сама совершенно точно иду, без всяких колебаний. Другого пути у меня нет». В понедельник я пришла (это было 24 сентября, день Силуана Афонского и Сергия и Германа Валаамских, как раз очень почитаемых мной святых). Сидела на скамеечке и ждала батюшку. А он выходит и говорит: «Ну что, сестра Ирина...» Никогда раньше так не называл. Ну, тут я все и поняла.

— *Как ваше неожиданное решение далось вашей семье, друзьям, коллегам?*

— Все недоумевали: не хотели люди принимать этого, отпускать не хотели. Кто-то плакал, кто-то возмущался. Одни говорили: «Ты зарываешь талант в землю», не понимая, что это слова из евангельской притчи, а я иду как раз туда, где учатся жить по Евангелию! Монастырь как раз то самое место, где талант (другой, не музыкальный) и раскроется в нужную сторону.

— *Дети — расстроились?*

— Младший, Игнат, в это время уже учился в Москве, и я ему написала sms-сообщение. Он ответил: «Мама, это круто, я тобой горжусь,

все в порядке!» К старшему, Климу (у него жена, семья) я пришла домой и начала так: «Дети, я хочу с вами серьезно поговорить и сообщить вам одну новость...» Сын спросил: «Ты что, в монастырь уходишь?» Я говорю: «Да». Он: «А мы и не сомневались! Так и думали, что когда-нибудь это произойдет. Это очень логично, это правильно для тебя. Все, мама, давай, слава Богу!» Ну а дочка, Ксюша, как и положено девочке, расплакалась, сказала: «Я, конечно, понимаю... но как же так! У меня не будет больше мамочки, с которой я могу про все, про все поговорить?» А у нее только-только родился ребеночек, годика ему еще не было...

Потом Господь все расставил по своим местам. Когда смиришься, Бог воздаст сторицей тебе: ты только поверь, что если другому хорошо (маме, например), значит, и тебе так хорошо.

— *А ваша собственная мама?..*

— Моей маме тяжело далось это решение. Она у меня очень сильный, мужественный и оптимистичный человек и совсем неплаксивый, несентиментальный. Но в тот момент мой брат заболел онкологией и вдруг еще я в монастырь собралась... И мама сломалась: «Ну вот, меня все бросают, я остаюсь одна!» Она была первой, кому я сказала прямо: «Меня Бог зовет». Она говорит: «Да это тебя отец Андрей зовет!» — «Мамочка, ну ты ж сама чадо отца Андрея...» — «Вот и уходила бы вместе со мной, но чуть позже!»

Через три дня она поговорила с нашим общим духовником и после этого разговора в храме меня благословила, поцеловала и сказала: «Батюшка обещал, что будет тебя каждую неделю отпускать. И если я буду умирать и слягу больная, он тебя отпустит меня досмотреть и похоронить. Он же сдержит слово!» И сейчас во многом ее уважение к монахам основано на том, что батюшка держит слово...

— *Вам самой не было страшно так резко менять свою жизнь?*

— Было. Я подозревала, что не знаю того мира, который мне откроется, и боялась: а что если он будет для меня невыносим? Я же максималистка: если уйду — значит уйду, без всяких «но», с концами. На это надо было решиться. А я ведь только достигла благосостояния и какого-то максимального успеха в миру: было уважение, были какие-то достижения, и вдруг — бросать все это и идти в другую социальную среду... Ведь это же все равно что родиться! Ребенку во время родов тоже очень страшно и больно, он не знает, куда его толкают. Здесь точно так же: была «накатанная» жизнь, где ты знаешь каждый закоулок. А тут ты должен все поменять. Все! Человек может переехать в другой город, может из генералов оказаться разжалованным в солдаты, может развестись, поменять свой социальный статус. А здесь — все одновременно, в один момент. Ты совершенно перестаешь быть тем,

кем ты был, неизменным остается только твой внутренний мир. Ты только его и приносишь с собой в монастырь. Это очень непросто. Есть только одно, что все уравнивает — Христос, ради Которого ты это делаешь.

СТРАШНОЕ СЛОВО «ПОСЛУШАНИЕ»

— Самая сложная и непонятная для мирского человека монашеская установка — послушание. Она зачастую кажется абсурдом. Как вы, регент, учитель, отнеслись к необходимости послушания?

— Для меня антитеза «начальник-подчиненный» была действительно одной из самых сложных вещей, которые приходилось преодолевать. И преодоление ее — один из главных мотивов необходимости идти в монастырь.

С тех пор как ушел муж — а это было в 1993 году — я осталась начальником везде: в семье, на работе, в хоре. Учитель — начальник над детьми, регент — начальник над певчими. И оглядываясь назад, понимаю, что всегда делала исключительно «по моему хотению, по щучьему велению». И мне, конечно, для спасения не хватало «института послушания», если так можно выразиться. Где бы мне сказали: «Иди!» — и я бы шла, не задумываясь над мотивами. Как же это трудно! Это, оказывается, практически на грани разрыва сердца!

С этим я столкнулась с самой первой недели в монастыре. Построили новый корпус, распределяли кельи, сестры устраивали свой быт. И вот одна послушница, студентка строительного факультета (у нас некоторые сестры параллельно доучивались в вузах), говорит: «Почему нельзя вешать на эту вешалку мокрые подрясники? Я же точно знаю, что она выдерживает восемь с половиной килограммов. Здесь и в инструкции написано!» Кто-то из сестер ответил ей: «Ну, матушка же сказала: „Не вешать“». — «Нет, я же вам объясняю, — настаивает послушница, — ничего плохого не случится, можно повесить. Это же будет лучше!» Человек доказывает свою очевидную правоту. А матушка сказала: «Не вешать» — вот Божья правота... У игуменьи другие мотивы, и она не обязана их объяснять всем послушникам. Ты прими и прими не потому, что тебе объяснили, что так будет лучше, а потому, что это не твое мнение, а мнение другого человека, который иерархически выше тебя поставлен. Поэтому послушание — это самое сложное, что в жизни человеку дано.

— *В миру это назовут слабостью...*

— В миру — да, может быть. Но ведь, как сказал апостол, сила Божия в немощи совершается. В монастырь ты идешь затем, чтобы Бог в тебе действовал, чтобы прекратилось твое своеволие каждодневное, ежесекундное, которое уже засосало тебя совершенно в твоей жизни. Все время творишь эту свою волюшку под тем предлогом,

что на тебе лежит ответственность, надо принимать решения, у тебя же дети, муж, работа — ответственный пост занимаешь! В монастыре тоже надо принимать решения. Но здесь такой дух, что, если Богу это не надо, мне тоже не надо. И это — идеал, к которому, конечно, мы стремимся. Просто не ищите свою волю, освободитесь от этого, и тогда Бог будет действовать. А что же еще нужно монаху?

МЫ ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ

— *Мать Иулиания, вы в монастыре только пять лет, но все же вы для себя поняли, что здесь — самое главное?*

— Для меня смысл монашеской жизни на самом деле не столько в том, чтобы уединиться и достичь высокой степени умной молитвы, а в том, чтобы, хотя бы, полюбить сестру. Вот такая простая вещь. Но это — самое сложное: принять слово сестры и смириться, сделать по послушанию, когда ты ну точно знаешь, что правильно — иначе. «Синдром вешалки». Понимаете? Сейчас я это уже говорю из своего маленького опыта монастырской жизни.

— *А что делать, если ты не любишь?*

— Действительно, где любовь взять, если ее нет в тебе? Многие святые об этом говорили: хочешь какую-нибудь добродетель приобрести — хотя бы начни делать какие-нибудь дела, кото-

рые ей соответствуют! Не можешь сестру полюбить, как батюшка говорит: «Почисти ей ботинки хотя бы». Ведь надо успеть превратиться из «тетки» — в монахиню! Отец Андрей как-то сказал: «Послушницей стала, а вокруг все уже: „Матушка! Матушка!“ Тетка с Комаровки!» (у нас рынок так называется — «Комаровка»). Нужен какой-то этап «оукливания» — первые год-два.

И у каждого есть свои болевые точки. Понимаете, если мне скажут: «Ты плохо помыла лестницу. Иди перемой», я приму это спокойно, потому что ни на что не претендую в этой сфере. А вот если мне скажут: «Сегодня клирос отвратительно пел!» ...Вот тут все вылезет наружу, и окажется, что я совершенно не такая смиренница, которая безропотно трет и перемывает лестницы.

— *В монастыре учатся терпеть именно самое болезненное?*

— Так ведь и получается! Никто с тебя кожу не сдирает, тебе просто говорят: «Я бы на твоём месте здесь не так спела. И вообще ты сегодня, кажется, не в настроении: как-то вы звучали слабовато». И все! Вся пена поднимается из глубины души. Будешь спорить — тогда какой смысл быть в монастыре? Чтобы доказывать игуменье, батюшке, сестрам свою правоту? В таком случае иди обратно в мир, ты там прекрасно всем все доказала — тебя слушались идеально. Для меня смысл — потерпеть укоры. Это болезненно для самолюбия. Как Игнатий Брянчанинов говорил, до человека

еще пальцем не дотронулись, а он уже кричит: «Кожу сдирают!»

В миру — те же проблемы, но здесь они становятся во много раз «выпуклее», важнее, потому что понимаешь: если ты через это не пройдешь, из себя этого не исторгнешь, ты пропал, ты просто никуда больше не сдвинешься с места.

— *Получается, постриг не делает человека монахом, и стать монахом ему еще только предстоит?*

— Безусловно! Человек становится монахом не тотчас, как на него надевают облачение, хотя в этот момент и происходит таинство. Монахом нужно становиться всю оставшуюся жизнь. А можно и за всю жизнь не стать. Никаким уставом это описать невозможно.

— *Подготовиться к монастырю — можно?*

— Думаю, это невозможно. Амвросий Оптинский говорил: в монастырь идти — это как с обрыва в воду прыгать: надо прыгнуть, а потом разбираться, ты умеешь плавать или нет. Если будешь раздумывать, готовиться и долго собираться — никогда не придешь. И, как мне кажется, ты ничего не узнаешь о монастырской жизни, если придешь просто пожить, потрудиться. Это все будет внешнее! Когда я пришла в монастырь, то поняла, что ничего не знаю о нем. Хотя, казалось бы, я этих монахинь помню еще Леночками, Машеньками, видела их еще в молодости, стоящими в храме в косыночках. Но этого недоста-

точно: жизнь в монастыре не выражается и не описывается внешними событиями...

УСПЕТЬ ПРЕВРАТИТЬСЯ ИЗ «ТЕТКИ» В МОНАХИНЮ

— *Смешанный монастырь — редкость для Русской Православной Церкви (в Свято-Елисаветинском монастыре помимо сестер живут пять иноков и пять послушников. — Примеч. ред.). Как так сложилось, что в вашей обители есть и монахини, и монахи?*

— Все возможно. Бог — это творчество. Слово «творчество» — от слова «Творец». Господь так устроил. А что делать — противиться? Наши иноки и послушники — монахов пока нет — это чада отца Андрея: один архитектор, другой экономист, кто-то был художником, потом стал иконописцем. Трудились, строили, расписывали монастырские храмы. А потом они почувствовали, что хотят стать монахами и при этом не хотят уходить от батюшки. Митрополит благословил. Самый старший из братьев — 12 лет при монастыре, а монастырю всего-то 14 лет.

Понимаете, ведь и обитель наша возникла против всех правил! На пустом месте, в прямом смысле этого слова. Здесь был пустырь, помойка. Рядом с нами находится психиатрическая больница, туда ходили сестры милосердия с батюшкой — совершали молебны. Главврач разрешил

строить за забором часовенку. Литургии служили, причащали больных, и так постепенно возникла необходимость храм строить. А вместо этого построили монастырь. Это рождение обители происходило на моих глазах — я тогда уже была чадом отца Андрея, тоже ходила в больницу на те молебны. Первыми послушницами стали 15 молодых минчанок — студенток, отличниц. Они просто поверили Богу. Как и все мы впоследствии.

— *Каждый знает историю других сестер и братьев?*

— У нас есть еженедельные собрания всего сестричества (ведь наш монастырь и вырос из сестричества милосердия во имя преподобномученицы Елисаветы), которые проводит наш духовник, отец Андрей. Это собрания не только монашествующих: белые сестры, черные сестры, трудники приходят, и иноки, разумеется, тоже. Так вот здесь задаются жизненные вопросы, в том числе и зачем человек пришел в монастырь, как он видит свою жизнь в нем. Многие гости, побывав на сестрическом собрании, нам говорят: «Напоминает первохристианскую общину».

Но сердце монастыря — это монашеское собрание, на котором присутствуют только сестры и батюшка. В каком бы мы ни были состоянии, даже если день страшно загруженный был, даже если было всенощное бдение (а вы представля-

ете, что такое монастырская всенощная, без сокращений, привычных для приходов), все равно оно состоится.

Мы дорожим этим единством. В нашем монастырском правиле есть молитва о единстве отца Софрония (Сахарова) — ее читают и монахи, и белые сестры. Это, конечно, упрочивает монастырь.

И потом, какое может быть разделение? Никто не живет по отдельности, кроме матушки игуменьи — все по двое или по трое: послушница с инокиней, инокия с монахиной, монахиня с послушницей. Так сделано, чтобы была преемственность и чтобы человек не мог замкнуться в себе, спрятаться, своевольничать. И чтоб всегда имел возможность послужить другому человеку. Тебе душно — потерпи, она храпит — ну, хорошо, пусть сестра поспит, не буди ее. Вот такие элементарные вещи. Так ведь положено и в семейной жизни. Но в миру такая большая семья невозможна, а здесь — пожалуйста. Мы и называемся соответственно: сестры, братья, духовный отец, матушка игуменья. Параллель очень явная.

— Сейчас много разговоров о том, что современное монашество истощилось, что этот институт теряет смысл...

— Но Бог нашел возможность сделать из нас монахов. Хотя мы живем в совсем иную эпоху, чем, например, Сергей Радонежский, чьи родители с младенчества питали его Божьим словом.

Мы сами себя воспитали. Не будем валить на родителей или на эпоху. Мне все время приходит на ум Мартин Иден — герой романа Джека Лондона. Как он, человек из простых, хотел получить образование и ради этого создал для себя очень жесткую программу жизни: спал по четыре часа, как космонавт, работал над собой. Но мы не такие были. Ну и что же теперь? Нельзя современному миру иметь монастыри? Но монашество нужно миру. Есть такая известная мысль о том, что молитвами монастырей стоит мир до сих пор.

А никакого специального института по выращиванию людей с монашеским образом мышления нет. Монахи берутся из этого мира, и они приходят такие вот, как я, с такой же примерно судьбой. Обычные люди.

Отец Андрей нам сказал как-то, что у нас еще никто «не вылупился». Еще годы работы нам предстоят. А наши монахи говорят: «Ничего, мы все-таки верим, что станем монастырем!»

Иеромонах Макарий (Маркиш)

Иеромонах Макарий (Маркиш), клирик Ивановской митрополии, настоятель храма в честь Иваново-Вознесенских святых, г. Иваново

Эмигрировав в Америку, будущий иеромонах Макарий (Маркиш) именно там, на чужбине, принял Православие, стал жить жизнью Церкви. Вернувшись в Россию 15 лет спустя, он сделал еще один судьбоносный выбор: принял монашеский постриг... Некогда успешный программист, сегодня он настоятель храма в провинциальном городке. Наш разговор с ним о том, как жизнь привела его в эту точку.

*И сказал Господь Аврааму:
пойди из земли твоей,
от родства твоего и из дома отца твоего
и иди в землю, которую Я укажу тебе.*

Быт. 12: 1

Я ДОЛЖЕН СТАТЬ ХРИСТИАНИНОМ

— Отец Макарий, мне известно, что вы приняли Православие и вошли в Русскую Православную Церковь, будучи уже эмигрантом в Соединенных Штатах Америки. Как так получилось?

— Дело в том, что я туда приехал уже с убеждением, что я должен стать христианином. Вот такая установка воли была.

— Почему нельзя было сделаться христианином, живя в России?

— Видите ли, в последние годы пребывания в России (мне было тогда 28–30 лет) сомнений в отношении базовых истин христианства у меня не было. И не потому, что я был в них уверен, а наоборот, в силу полного равнодушия к ним. Как если бы кто-то мне сказал сейчас: «Знаешь ли ты,

что до Марса 360 миллионов километров?» Я бы ответил: «Допустим. И что? Какая мне разница?» У меня примерно такое же отношение было к религиозной сфере. А потом в силу неких событий личного характера вдруг до меня «доехало», что это касается меня лично! Я как будто внезапно понял, что должен сделать шаг к Церкви... Многое в нашей жизни бывает вдруг: начинается война, и человек вдруг решает, что ему надо идти в армию добровольцем; или юноша вдруг понимает, что должен жениться. В литературе и психологии это хорошо известные движения души, которые подталкивают нашу волю к каким-то действиям.

Это привело меня к решению: я должен стать христианином. И — совпало с получением разрешения на отъезд. Так что вот с такой мыслью я уехал.

— Люди обыкновенно к вере приходят либо через большое горе, либо, наоборот, через большую радость...

— Необязательно. Понимаете, это некое развитие души, а оно вообще идет скачками, и не только развитие духовное. Математик, конструктор или художник — они знают, что любое творческое дело состоит из неких озарений. Хотя озарение — слово не слишком подходящее, но суть в том, что это происходит в результате качественного скачка.

Меня «озарило», а дальше — надо было с нуля строить свою церковную православную базу.

— *То есть в России вы о христианстве практически ничего не знали?*

— Да, мне приходилось осваивать самые очевидные для русского православного человека вещи. Я вам сейчас приведу пример. Кто-то из моих одноклассников рассказывал, как однажды в университете некий крупный профессор, читая лекцию, говорит: «Это совершенно очевидно». И вдруг один из студентов поднимает руку: «Простите, но мне это не очевидно. Объясните, пожалуйста». После чего лектор повернулся спиной к доске, пять минут думал, а потом все оставшееся время излагал доказательства того, что ему было очевидно с самого начала. Для студентов это было что-то новое, интересное, а для самого этого профессора — в порядке вещей. Но поди-ка изложи — это не так просто!

Так и я начал с азов. И это привело меня к новому взгляду на историю, на человека, на себя самого. Причем важным фактором было то, что я оставил Россию и начинал как будто с белого листа. Началась новая жизнь, и на этой новой белой странице появились какие-то письмена с участием Православной Церкви.

БЕГСТВО

— *Ваше мнение о России тогда изменилось?*

— Безусловно. Еще до вхождения в Церковь мое первое знакомство с Православием уже

позволило мне совершенно новыми глазами посмотреть на родину...

— *А когда уезжали, какими глазами смотрели?..*

— Я уезжал на волне настроения, возникшего еще в 1960–1970-х годах среди российских евреев, фоном которого была неприязнь, если не сказать ненависть, выезжающих к своей стране. С одной стороны, просто неприязнь оттого, что «все у нас плохо», с другой стороны, национальный вопрос: мы евреи, а они такие-сякие, нас не любят, нас гонят. И это все раскручивалось отчасти целенаправленно, отчасти естественным путем — просто из-за внутреннего озлобления людей.

— *У вас как было? Уезжали — с ненавистью?*

— Нечто среднее. Будучи молодым человеком, весьма непросвещенным, недалеким, я следовал за всеми. Как все — так и я... В Москве я жил с бабушкой и дедушкой и, пока они были живы, отодвигал вопрос об отъезде. Дедушка умер в 1976 году, бабушка — через два года после него, и меня уже ничего не держало. Моя мама настаивала на том, чтобы я ехал: ей виделись ожидающие меня там «молочные реки, кисельные берега». Ну и все, я поддался.

— *Вы отдавали себе отчет, что уезжаете из России навсегда, или надеялись вернуться?*

— Я думал, что обратного пути нет. Понимаете, сегодняшний русский путешественник или эмигрант сильно отличается от эмигранта

1980-х годов. Тогда, уезжая за границу на постоянное место жительства, люди ощущали, что их корни отрываются полностью. Это воспринималось как разрыв навсегда, жизненная травма: «со всем прежним покончим, все поломаем!» Я прекрасно помню это. Письма на родину еще можно было писать, общаться таким образом с матерью, братом. Все остальное — нет. Так что у нас было полное ощущение, что все, черта подведена, обратно пути нет...

Я уезжал осенью 1985 года с женой и двумя детьми. До 1967 года уехать из Советского Союза было все равно, что сейчас улететь на Луну — это существенная характеристика тоталитарного режима, который создавал закрытую среду, изоляцию. А так называемая Шестидневная война (война между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром — с другой. Продолжалась с 5 по 10 июня 1967 года. — *Примеч. ред.*), в которой Израиль одержал победу, послужила катализатором еврейского национального духа — дорожка к эмиграции открылась и для российских евреев. Уезжали по официальной причине — «воссоединение семей». Получали приглашение из Израиля, подавали заявление о том, что хотят воссоединиться с каким-то липовым дядей, семиюродной тетей, и их потихонечку выпускали. А дальше — кто-то ехал в Израиль, кто-то в Соединенные Штаты Америки, кто куда. Для Америки этот процесс был очень выгоден

как инструмент подрыва здешней структуры: людей выманивали из-за «железного занавеса» — из Советского Союза и из других соцстран, — они получали статус политических беженцев со всеми материальными привилегиями, и тем самым создавался сильный противовес тому, что происходило здесь...

ПЛАН ПО ПРИНЯТИЮ ХРИСТИАНСТВА

— *С чего вы начали свой путь к Церкви в Америке?*

— Прошел примерно год с моего приезда в Соединенные Штаты, и осенью 1986 года я, так сказать, стал реализовывать свой план по принятию христианства, ничего практически не зная о нем.

— *Но начали с Православия? Ведь можно было бы пойти к протестантам, к католикам — традиционным для Америки конфессиям...*

— Помню, я раз-другой зашел в римо-католическую церковь. Но все-таки понимал, что это должно быть Православие... Однажды специально поехал в приход Американской Православной Церкви в Сейлеме (Массачусетс), познакомился со священником, он мне дал какие-то материалы, сказал: «Познакомьтесь, почитайте и приезжайте, мы вас крестим». Но что-то вынуждало меня притормаживать... Я стал выдумывать поводы, чтобы дать задний ход. Такой известный

каждому психологический трюк: собираясь идти в баню, начинаешь думать: «Нет, мне не до того, мне надо сейчас подмести пол»; только собрался пол подмести, думаешь: «Нет, надо душ сначала принять». Я понял, что в этом храме служат по новому стилю, и стал думать: «Что же, будут у меня праздники в один день, а в России — в другой? Так неправильно. Может быть, все это мне вовсе не нужно?»

Короче говоря, в результате этих рассуждений я вернулся в Бостон, в русскую Богоявленскую церковь. Решил посмотреть, сопоставить... И там я уже получил некий прямой импульс, то есть это было уже не мое движение, а воздействие *на меня*. Как говорится, когда человек делает шаг навстречу Богу, Бог делает шаг навстречу человеку. Я ждал священника и, стоя рядом с большой иконой новомучеников¹⁴ (в Русской Православной Зарубежной Церкви новомученики были прославлены еще в 1981 году), начал ее рассматривать от нечего делать. Стоял и смотрел,

¹⁴ Новомученики и исповедники Российские — прославленные (как поименно, так и безымянно) в лике святых священнослужители, монахи и миряне Русской Православной Церкви, принявшие мученическую смерть за Христа или претерпевшие гонения за веру в годы Советской власти. В соборе новомучеников и исповедников Российских XX века на 1 января 2011 года поименно канонизировано 1774 человека. Память их в Русской Православной Церкви совершается ежегодно 9 февраля или в первое воскресенье после 9 февраля.

смотрел на нее... Первым делом мне бросилась в глаза белоснежная церковь на заднем плане, над головами стоящих людей. А сбоку была изображена та же церковь, но разрушаемая. И вдруг в моем сознании «включилось» все, что я к тому времени знал о сталинизме, о большевистских гонениях на Церковь, о массовых репрессиях — я же читал «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, слышал бабушкины рассказы о взорванном храме Христа Спасителя... Во мне это как-то заработало, знаете, вошло как штепсель в розетку. Все стало ясно! И когда пришел священник, протоиерей Роман Лукьянов, я ему просто сказал: «Батюшка, я к вам пришел, чтобы вы меня крестили». Не то чтобы у меня сомнения отпали — я сомнений и не высказывал, — просто по-другому стал себя вести. Это произошло в 1986 году, а крестил меня отец Роман только в январе 1987 года, после четырех месяцев катехизации.

— *Кстати, приходская жизнь Американской Церкви отличается от того, что есть у нас в России?*

— Да, отличается, и, как правило, в лучшую сторону. С одной стороны, там более значим национальный фактор: для русских и для других людей, которые ассоциируют себя с русской культурой, православный приход в Америке — это не только дверь на Небо, но и связь с Отечеством. Они туда приходят как в свой мир, который они построили, на содержание которого они жер-

твуют; там встречаются друг с другом, сплачиваются вокруг этого земного центра с его небесной составляющей, понимаете? Церковный приход занимает значительное место в их земной жизни. А у русских, которые живут в России, гораздо больше возможностей найти другие центры притяжения, общения. Это раз.

Второй фактор связан с американским укладом гражданской жизни: у них принято участвовать в общих делах, в благотворительности, жертвовать свое время и деньги. И эта социальная устремленность к общему делу реализуется в приходе. Это характерно для Соединенных Штатов. И, конечно, надо просто учесть уровень материального благополучия...

— Эмигранты очень часто теряют национальную идентичность, забывают язык. У прихожан Русской Церкви как-то иначе?

— Я был знаком со многими приезжающими, так как мы вместе с приятелем в течение десяти или одиннадцати лет вели благотворительный клуб для эмигрантов, давали компьютерные уроки, в частности. И я видел характерную черту: проходит год-два, и они теряют русский язык. Начинают говорить на каком-то безобразном жаргоне, перемежая русские слова с английскими, теряя грамматику, теряя произношение. У людей личностно более крепких, более успешных социально этот процесс шел медленнее. А у тех, кого я встречал в Церкви — у русских эмигрантов

прошлых времен (а в Бостоне тогда еще можно было встретить тех, кто уходил из Крыма вместе с Врангелем) — такого и вовсе не происходило. Вспоминается один интересный случай. Хорошо известно, что маленькие дети, куда бы они ни приезжали, очень быстро осваивают местный язык. И вот я прекрасно помню, как в церкви ко мне навстречу идет какой-то ребеночек, лет семи-восьми. Я его приветствую по-английски, а он со мной вежливо здоровается по-русски.

— *Зная, что вы русский?*

— *Зная, что церковь — русская.*

ЧУВСТВУЮ, ЧТО НАЧИНАЮ ПРОЩАТЬ...

— *Отец Макарий, ведь вы могли остаться простым прихожанином бостонской церкви, а вы пошли дальше, в семинарию. Это был какой-то следующий шаг, «скачок»?*

— Да, семинарию можно считать следующим шагом. И я его сделал после потери семьи. Семейная моя жизнь в те годы шла, скорее, под откос. Дело кончилось разводом в 1991 году. Дети были еще маленькие: сыну 13 лет, а дочери девять. Все это было очень болезненно, мучительно и трагично. Я сопротивлялся этому, как мог, делал то, что мне казалось необходимым, но противоположная сила победила. Было тяжело до предела, и в нашем приходе все это видели. Я помню, как наш дьякон, отец Джордж Лардас (сейчас он прото-

иерей в Стрэтфорде, в Коннектикуте, грек по происхождению и русский по каноническому подчинению, очень хороший священник) мне говорил по-русски с таким характерным акцентом: «Вы должны простить. Ну, вы их простите!». Я отвечал тогда ему с сердцем: «Я простил, уже всех-всех простил!» Это было в 1991 году. Прошло 20 лет, я уже был давно монах, священник, и вот в один из дней я совершал Литургию, и вдруг, стоя перед Престолом, почувствовал, что — я начинаю прощать... Только тогда почувствовал, через 20 лет, можете себе представить? Вот так вот.

— *То есть до этого прощения не было?*

— Тогда я говорил, что простил. И не обманывал. Но эта глубина... Понимаете, развод — это же не просто отмена брака: вот он был, и вот одним росчерком пера нету его. Брак — это живой организм, и чтобы он перестал существовать, он должен быть убит...

Я был сам шокирован движениями души, возникшими 20 лет спустя. Они показали ту глубину травмы, которая имела место. Представьте, какому-то человеку нанесли глубокую рану. Кожа могла затянуться, а потом оказалось, что все это время там внутри было нагноение. И вдруг в какой-то момент этот гной стал выходить, хотя казалось, что все зажило...

Тогда, в 1991 году я остался один, стал думать, что делать дальше. И тут увидел объявление, что принимаются студенты на заочное отделение

Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле...

— Поступить, не имея базы, было сложно?

— Тогда были очень своеобразные вступительные экзамены. При поступлении проводилось «штурмовое» собеседование, в результате которого некоторую часть дисциплин первых семестров просто засчитали. Например, так: «Вот вам предложение, разберите по составу. Подлежащее, сказуемое, дополнение. Разобрали? Так, хорошо: русский язык — сдан. Ну, английский вы знаете. Что еще? Петь умеете?» — «Нет, петь не умею, у меня слуха нет». — «А, значит, будете сдавать. Так, русская история. Царь Петр, царь Иван... Знаете. Хорошо. Всемирная история: Юлий Цезарь — знаете, когда жил, чем известен? Все, доставайте зачетку». Таким образом я примерно три семестра в течение получаса «перекрыл».

Условия для заочников были прекрасные! Например, сессии как таковой не существовало. Был учебный план и некоторые требования: сколько экзаменов в год, в каком темпе человек должен сдавать. Я беру книжку и занимаюсь, когда и сколько могу. Потом звоню: «Здравствуйте, говорит такой-то студент заочного отделения, хочу приехать тогда-то и сдать такой-то экзамен». — «Пожалуйста». Приезжаю, плачу за экзамен (плата очень умеренная), сдаю. Через пару недель получаю письмо, там написано: «Ваша оценка такая-то» — и выписка из экзаменационной

ведомости. Так я учился пять лет, в 1999 году получил диплом бакалавра богословия.

— *Вы поступали с намерением стать священником?*

— В американской парадигме, в том взгляде на православное образование и православную судьбу никого из семинаристов не заставляли сразу жестко самоопределяться. Человек учится — и хорошо! Хочет узнать о своей вере? Да ради Бога! А будет ли он после священником или нет — это отдельный вопрос и зависит не от него. Вот в России политика прямо противоположная: хочешь стать священником — учись в семинарии. А если нет — где-нибудь еще.

Когда я поступал, во время собеседования никто мне не задал вопроса: «Вы хотите быть священником?» Я не могу сказать, что такая возможность для меня исключалась, но тогда определенного волеизъявления с моей стороны не было. Есть известная книга святителя Иоанна Златоуста «Пять слов о священстве», где написано, что человек не должен сам добиваться чести священства...

— *И к концу этих пяти лет ваше отношение к этому вопросу стало более определенным?*

— Нет, практически до момента рукоположения я не знал, что буду священником.

— *О монашестве — тоже не задумывались?*

— Во время учебы в семинарии разговор о монашестве зашел один-единственный раз.

Это был день, когда я получал диплом в 1999 году, а вручал его владыка Лавр. После торжественной части и банкета владыка спрашивает: «Ну, когда к нам?» (он имел в виду — в монастырь: владыка Лавр был настоятелем Свято-Троицкого монастыря¹⁵). Я говорю: «Владыка, благословите». Он улыбнулся, задумался и говорит: «У тебя еще дочь маленькая». И на этом разговор был закончен.

В России такой вопрос передо мной ставили неоднократно. Я говорил: «Да, благословите». И вскоре после пострига мне сказали: «Будешь рукоположен в диакона». Все. «Благословите» — и я пошел!

— *Это уже в России?*

— Да, это же по возвращении в Россию...

СЕРБИЯ. МОМЕНТ ИСТИНЫ

— *Отец Макарий, что заставило вас вернуться?*

— Я понял, что надо возвращаться. Это было в 1999 году, а это, если вы помните, год войны в Сербии, когда мне стало очень-очень не по себе.

— *Почему?*

— Был даже конкретный эпизод, прямая «подсказка». Во время сербской войны мы каждую субботу проводили антивоенные пикеты,

¹⁵ Свято-Троицкий мужской монастырь (Джорданвилль, штат Нью-Йорк) — крупнейших и старейший православный мужской монастырь в США, принадлежащий Русской Православной Церкви Заграницей.

митинги. Я перезнакомился с кучей людей. Там было примерно поровну: половина — иностранцы, всякие националы: сами сербы, русские, греки, китайцы, кто угодно! А половина — свои, «местные» борцы за мир, американцы. Надо сказать, что от этих митингов у меня осталось самое теплое впечатление. И вот во время одного такого митинга ко мне подошел какой-то американец (а у нас были антиамериканские плакаты, обоснованно грубые, даже провокационные) и говорит: «Ну что, если правильно все, что у вас тут написано, то что же вас всех сюда несет, что вы к нам претесь-то?!» Примерно в таком духе. Его сразу оттащили свои же. И прошло минут пять-десять, смотрю — он идет назад с погнутой головой, извиняться. И говорит: «Простите, я вас оскорбил, я вас обидел». Мы с ним друг другу пожали руки, а я про себя думаю: «А парень-то прав...»

Я восстановил российское гражданство и вернулся. Это был уже 2000 год.

— *Так просто? И все оставили?*

— А нечего было оставлять: недвижимости у меня не было, деньги я кое-какие заработал, затолкал их в подкладку пиджака, в подметки ботинок.

— *Вполне по-советски!*

— Ну да. Привез и отдал маме. Здесь у меня был брат, его жена, племянники уже родились. Я к ним приехал, две недели погостил, погулял

по Москве, но в столице оставаться было слишком тяжело: давил груз прожитых тут лет. Благо, было куда поехать — я направился в Иваново.

— *Да так и остались там?*

— Да. В Иваново, в Свято-Введенском монастыре, я принял постриг в 2002 году. Помню, что нас было 12 человек — тех, кого собирались постригать — восемь женщин и четверо мужчин, мы стояли в одну шеренгу. Среди монахов тогда «долгожителями» считались те, кто по 10–12 лет провел на послушании в монастыре. Помимо меня (я пробыл послушником полтора года) «краткожителем» был еще один человек постарше возрастом, который всего месяца три жил в монастыре.

— *Задумавшись о монашеском пути, человек может поехать в Оптину пустынь, в Троице-Сергиеву Лавру, на Валаам... Вы этого не сделали...*

— Не сделал. Мало того, то, что вы говорите — это правильно. Мирянам, которые меня спрашивают: «Батюшка, я хочу в монастырь, мне надоело жить в миру — что делать?» — я говорю буквально то, что вы. Только Оптину не называю, направляю ближе к дому, рекомендую: «Поезжайте в монастырь, поживите месяц, потом поживите в другом, познакомьтесь, узнайте, каково будет». И это в нормальных условиях, я думаю, правильный путь. Что касается меня, я этого не сделал. Был ли я прав или нет — после драки кулаками не машут. Может быть, поступи я иначе,

моя жизнь сложилась бы по-другому. Но в том пути, который я прошел, я не вижу ничего такого, о чем следовало бы пожалеть.

Как-то одна сестра в монастыре мне сказала: «Ты счастливый. Ты не был очарован, тебе не пришлось разочаровываться». Я согласился. Действительно, я не был очарован — мне не пришлось разочаровываться. А у многих сестер было множество ожиданий, мечтаний — им пришлось разочароваться, и они до сих пор никак не придут в норму. Но другому этот опыт не передашь. Благослови, Господи, моего духовного отца Романа, который дал мне прощальный совет, когда мы с ним прощались в Америке: «Смотрите, не ищите святости в людях. Святость — в Церкви. Святость в ее Главе — Христе. В людях не ищите, люди все разные». Я с этим заветом приехал, мне было очень легко...

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ МОНАШЕСТВО

— *Как вы все-таки решились? Выбор монашеского пути — дело серьезное, мягко говоря...*

— Ну, в 48 лет — что тут серьезного! Все уже самоочевидно. Да, у меня была семья, потом — раз, и семьи нет. Что дальше? Может быть, второй брак, снова семья? Нет, что-то не то, «не вытанцовывается». В 1991 году я был разведен, прошло девять лет, а второго брака — ну нет и нет. Раз нет второго брака, значит, должно быть монашество.

Я рассуждал чисто логически: буду монахом, раз не получилось быть мужем.

Когда я делился с отцом Романом своими соображениями о монашестве, о возвращении в Россию, он сказал: «Не рвитесь, не спешите, живите себе, посмотрите, как дела пойдут, молитесь: „Укажи мне, Господи, мой путь“ — потихонечку все и выяснится». Так и получилось.

— Я помню, вы писали где-то, что есть монашеский путь, есть путь семейный, а положение срединное — неустойчиво... Вы уже тогда это понимали?

— Я бы сказал так: теперь, после 11 лет монашества у меня более позитивный взгляд на этот срединный путь, я его более ценю и более приветствую, чем тогда. Тогда мне казалось, что либо на одном стуле будешь сидеть, либо на другом. Сегодня я уже на этом не настаиваю. Если кто-то мне скажет: «Ну что мне делать, я жениться не могу и в монахи не хочу?» Я отвечу: «Живи спокойно. Никто никуда не гонит».

Конечно, это соображение о неустойчивости остается, но оно, как я теперь понимаю, не является доминирующим. Если я себя отдал жене и детям — хорошо. Если я отдал себя Церкви в лице монашеской общины — тоже хорошо, я задействован. Это два устойчивых состояния. Но состояние неустойчивое, промежуточное тоже вполне возможно, хотя и имеет свои трудности.

— Что вам сейчас, после 11 лет в монастыре, кажется главным в монашестве?

— Тут очень простой ответ, который не всем очевиден, но я абсолютно убежден, что он справедлив и универсален. Речь идет о разнице между мужским и женским монашеством. Мужское монашество в современных условиях Русской Православной Церкви — это шаг к священству. А священнический долг, священнические обязанности перекрывают все обычаи монашеской жизни.

Вы знаете, раньше я ощущал здесь некое противоречие — года два-три после рукоположения я чувствовал себя сидящим на двух стульях. С одной стороны, как монах я должен стремиться к монашескому образу жизни, избегать лишних контактов, искать уединения, усиливать молитву и так далее. С другой — как священник должен совершенно противоположное: не только исполнять непосредственные пастырские обязанности, например исповедь, но еще и вести издательскую работу, участвовать в книжных ярмарках, общаться со средствами массовой информации...

Однажды я пришел к владыке Амвросию (Щурову)¹⁶, который меня рукополагал, и задал ему вопрос об этом. Мне запомнилось, что он мне даже договорить не дал — понял, о чем речь, прервал меня и сказал: «Ты священник, ты принес обет, ты служишь святой Церкви и людям, отбрось

¹⁶ Архиепископ Амвросий (в миру Анатолий Павлович Щуров) — епископ Русской Православной Церкви на покое (с 2006 года), с 18 октября 1977 года епископ (с 1991 года — архиепископ) Ивановский и Кинешемский.

все сомнения и делай то, что велит твой священнический долг. Выбрось эти мысли из головы». То есть священство перекрывает монашество, как козырный туз перекрывает козырного короля. И это действительно так, он на сто процентов прав. Мое монашеское послушание состоит в несении священнического долга.

— *Это при том, что стать монахом вы решили сами, а священником стали, потому что вас благословили на это...*

— Становясь монахом, я сознательно отдал свою волю Церкви.

— *А если случается конфликт воли Церкви и личной воли? Монах должен быть к этому готов?*

— Да. Он должен быть к этому готов, как солдат, и не воспринимать это как конфликт. Только для солдата это служба, а для монаха — дело жизни, он душу свою отдает этому. Исключение, когда речь идет о явно греховном деле, о чем-то, что противоречит церковному уставу или евангельским принципам. Тут, конечно, монах не может прикрываться послушанием...

Что касается принятия сана, здесь для меня не было никакого конфликта, не было никаких причин не только этому сопротивляться, но даже ставить это под вопрос. Понимаете, у меня очень небольшой опыт жизни монаха, не рукоположенного в священный сан. Первый год в монастыре, когда я еще и подрясника-то не носил, каждое утро я был в храме — на

полунощнице, монашеском правиле, на Литургии. И вечер — в храме. Стою, молюсь, слушаю службы. И так — каждый день. И, можно сказать, что богослужение для меня — любимое послушание. Это то, что священнику необходимо как воздух. Да и монаху, наверное, тоже. Сегодня, будучи настоятелем, я уже существенно меньше времени провожу за богослужением. Иногда кто-то из священников мне говорит: «О, отец, ты дважды в неделю служишь?! Да, как хорошо! У меня вот только один раз получается...»

— *Власть, положение начальника — опасны для монаха?*

— Властолюбие — это самое страшное, что есть, хуже сребролюбия, это настоящая ловушка. Опасно опьянение властью, причем властью такой, какой нет ни в армии, ни на производстве, ни в предпринимательстве, ни даже в семье. Это страшная власть, она действительно отравляет. Мы видим людей, которые были хорошими священниками, но потом за счет властолюбия превратились в монстров. Есть люди, которые должны быть извержены из сана, по идее, за те беды, которые они натворили.

Об этом говорил покойный патриарх Алексий II: властолюбие и фарисейство одних соединяется с человекоугодием и раболепием других. Получается, это у них общий грех.

— *Что нужно мирскому человеку, чтобы не впасть в такое раболепие?*

— Если человек будет любить Христа, если он будет христианином, если он будет рабом Божиим, значит, ничьим больше рабом не будет. Не надо позволять делать из себя «половую тряпку». И если кто-то пытается это делать, надо помнить, что мы — свободные люди.

ВЕНЧАНИЕ И ПОСТРИГ: РАЗНИЦА

— *С принятием сана отношение окружающих к вам как-то поменялось?*

— С тех пор как 11 лет назад меня постригли в монашество, я на людях не показываюсь без подрясника. И люди на меня смотрят по-другому, я это ощущаю. Это в известном смысле защита, как ни странно. Могу вам привести пример, чисто психологический. У нас в Иваново есть река Уводь, и по вечерам там собираются «веселые компании». Иду я мимо как-то вечером. Смотрю: группа молодежи, шумят, буянят, ссорятся. И я прямо через них пошел, насквозь можно сказать. Я это сделал, не задумываясь, совершенно инстинктивно... Потом прошел еще метров двести и думаю: «Вот интересно: я сейчас человек немолодой, физической силы у меня уже не слишком много. Когда я был молодой и сильный, гораздо более бодрый, я бы перепугался, увидев такую группу, подумал бы, как их лучше обойти. А сейчас — прямо на них пошел!». О чем это говорит? О какой-то психологической стабилизации.

— Считается, что монашество — удел очень немногих людей, какая-то закрытая каста...

— Я думаю, что это ошибочный стереотип. Кроме того, он просто устарел. Он базируется на реалиях XIX века, когда духовенство было словием, и монашество было социальной группой, границы которой определялись полицейскими правилами. Сегодняшний монах может взять свой паспорт, сказать: «Вы мне надоели, извините» — и уйти. Пусть его совесть будет нечиста и он будет в конфликте с Церковью — печально, — но такие случаи бывают. И послушник в любой момент может уйти. В отличие от брака, кстати сказать. Когда человек собирается вступить в брак, он еще ничего про брак не знает, он не должен иметь интимных отношений со своей будущей женой или мужем. А как нас повенчали — все, я уже муж, она уже жена,

и брачная жизнь начинается. В монашестве совершенно противоположная картина: я, например, еще не монах, еще десять лет не буду им, а уже живу полностью монашеской жизнью. Образ жизни послушника, простого или рясофорного, практически ничем не отличается от образа жизни монаха.

— Тогда что послушнику дает постриг?

— Постриг — это обет. Я становлюсь монахом — я приношу обет Господу: вот я узнал, что это такое, теперь я таким буду. А что касается меня, у меня не было терзаний или сомнений, потому что я более-менее знал, что такое монашество — из книг или из жизни. Ну и, прямо скажем, условия жизни во Введенском монастыре были достаточно благоприятны. Внешне, по крайней мере. Например, за все годы моей монашеской жизни буквально всего несколько недель или, может быть, месяц-полтора в общей сложности мне приходилось делить с кем-то келью. И я думал: «Какой же я счастливый, как ужасно было бы, если пришлось бы с кем-то жить в келье». В то же время я иногда обращал внимание: «Кто-то из братии заботится, какие брюки носить, какие ботинки, что на обед дают — ну что за суета! Совершенно не монашеское, даже не христианское дело об этом беспокоиться. Что дают — то и ешь, что дают — то и носи». А потом поймал себя на мысли: «Интересно, я вот так свысока смотрю на еду и на одежду, а самого меня очень сильно

задевает перспектива жить рядом с каким бы то ни было человеком. Другой на моем месте сказал бы: „Ну что за привереда, совершенно избалованный человек! Обязательно ему надо, чтобы он жил один!“. Выходит, это тоже форма личной слабости. И мне с моей личной слабостью Господь так вот „потрафил“.

— *А насколько важно для монаха его окружение, среда?*

— Можно сказать, что это главное. Как в браке главное, на ком ты женился, за кого ты вышла замуж, так в монашестве главное — среди кого ты находишься, твоя община. Настоятель в монастыре — последний человек в этом деле. Может, и первый. Но я уверен, что для женского монашества игуменья более важна, чем в мужском монашестве — игумен, настоятель. Потому что отношения между монахиней и игуменьей — это отношения дочери и матери. Они, конечно, более интимные и тесные, чем отношения между сыном и отцом, ну и вообще в силу мужской природы. А более всего в силу того, что я говорил о священстве: монах, принимая священный сан, делается по преимуществу священником, пастырем, его монашество на второй план отходит.

— *Разве в монашестве следование за Христом не главное?*

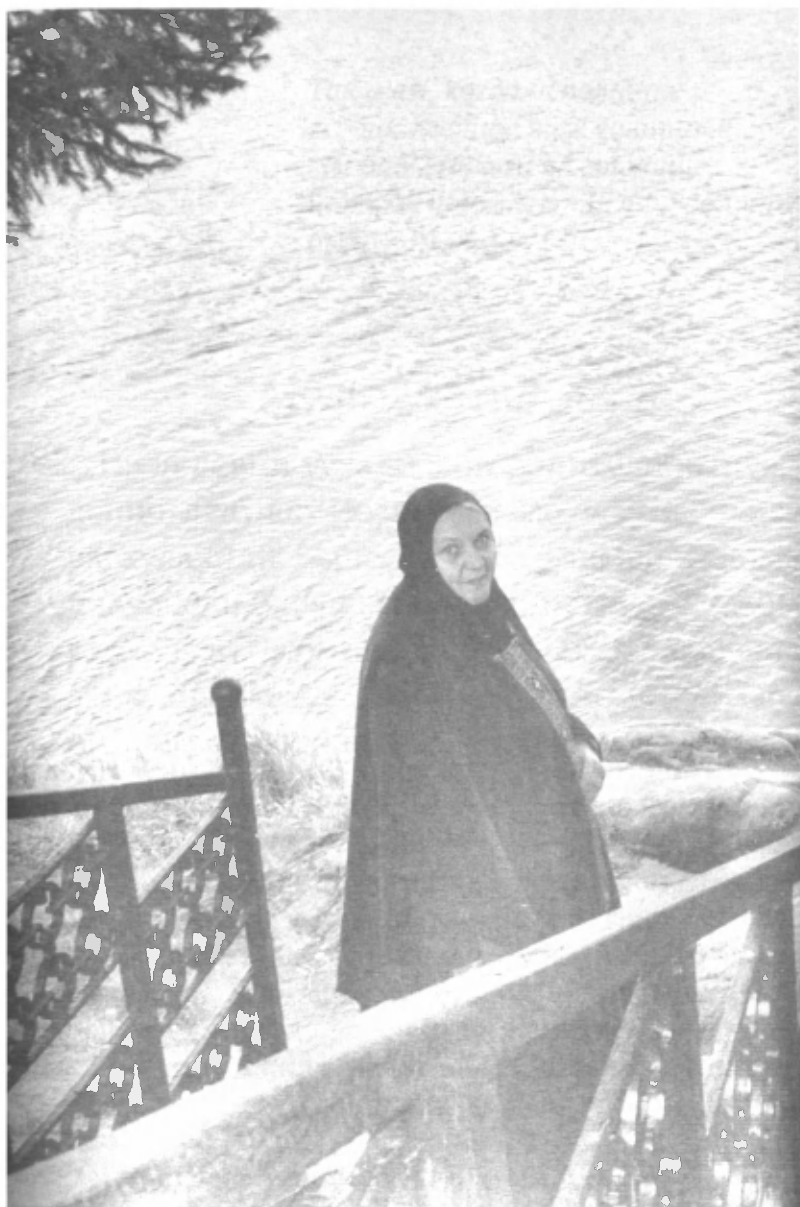
— Следование за Христом важно для любого христианина. В этом нет ничего специфически монашеского. И это — очень важно...

— Отец Макарий, можно ли сказать, что следование за Господом складывается из наших постоянных, активных усилий, поиска Его воли? Человек же не может просто плыть по течению и считать, что это воля Божья и следование за Господом?

— Не может. Вот вы говорите: «плыть по течению». Это звучит несколько одиозно. На самом же деле, если я правильно «плыву по течению», выбираю правильную траекторию, получается нормальная жизнь.

Когда я вспоминаю весь мой путь, от первых шагов на Американском континенте в 1985 году и до сегодняшнего дня, я вижу некую логику. И решения, которые я принимал, были подсказаны мне внешними обстоятельствами. Это как в спортивном ориентировании: человек находит какие-то указатели и движется по ним. Он идет сам, но указатели-то он получает. На моем пути не было ни одного указателя, который оказался бы ложным или двусмысленным. Хотя, разумеется, я совершал ошибки, даже мой погибший брак — это памятник моей слабости. Но Господь милостив, Он дает возможность даже человеку, потерпевшему поражение, все равно двигаться дальше...

Инокиня Ольга (Гобзева)

Инокиня Ольга (Гобзева), Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению, г. Москва

«Не связывайте меня с моей профессией», — спокойно говорит матушка Ольга. А не связывать трудно: все только и помнят, что была актриса Ольга Гобзева, дружившая с Василием Шукшиным и Олегом Далем, снявшаяся более чем в 40 фильмах, и вдруг — инокиня. Да только такая ли уж это внезапность или дорога длиной в целую жизнь? Дорога, которая продолжается.

Матушка Ольга (Гобзева) — о «своих» бабушках и дедушках, родительском доме, обретенном пастыре и монашестве, которое еще только брезжит на горизонте.

*Так и вы, когда исполните
все повеленное вам, говорите:
мы рабы ничего не стоящие,
потому что сделали, что должны
были сделать.*

Лк. 17: 10

МОЛИТВА ОТЦА

...Из деревни уехали мои родители вынужденно: дедушку Иоакима и бабушку Василису раскулачили. Вынесли как-то зимой из дома дедушку и бабушку, посадили в сани, а дом разобрали по бревнышку и уволокли бревна в лес. Дедушке было 98 лет, бабушке 94. Оба они тогда простудились и умерли от воспаления легких. Папа — Фрол Акимович — забрал семью и уехал из деревни в Москву. Устроился работать на Казанской железной дороге. Это был 1925 год¹⁷...

— Матушка Ольга, я знаю, вы выросли в удивительной семье — многодетной, дружной, верующей...

¹⁷ Здесь и далее, с разрешения матушки Ольги, использованы ее личные записи.

— Да, у нас в семье было пятеро детей, и мы жили в доме с такими же многодетными семьями. Мой отец был верующим человеком, мама тоже. Она в свое время окончила церковно-приходскую школу, однако была образована — много читала. Мама с папой думали так: если Бог послал человека, значит, надо этому человеку жить. Если родители любят детей и всех называют ласково (а нас всегда называли ласково — не Таня, а Танечка, не Зоя, а Зочка), трепещут над каждым, молятся о них, как могут вырасти плохие люди в такой атмосфере любви, сколько бы их ни было?

Моя мама, Ксения Ивановна, воспитывая целую ораву, никогда не роптала, всегда была очень веселой. Происходила она из крестьянской семьи, однако в роду, по женской линии, были монахи. Мама обладала невероятным женским достоинством и полностью посвящала себя детям.

— *Родители пытались вас приобщить к вере?*

— Буквально, нет. Конечно, мы ходили в церковь. Помню, как с мамой освящали куличи в церкви. Потом мы с детьми катали крашеные яйца с небольшой клумбы посреди двора, которая в пасхальные дни превращалась в горку. Но так, чтобы постоянно в храм ходить — нет, не ходили, а то узнали бы в школе. Меня и так еле-еле принимали в пионеры, только в четвертом классе. Знали, что семья верующая. Лампада никогда не гасла перед иконой. Отец молился постоянно, и все дети слушали молитвы. Он подолгу простаивал

на коленях в правом углу комнаты, и маленький Славик, соскучившись по отцу, забирался ему на спину и тоже «клял поклоны».

Очень хорошо помню, как отец, выходя в сад, глубоко вздыхал и говорил: «Слава Тебе, Господи!» У него такое было глубокое благодарение Богу за все. Мама иногда подначивала его: «За что ты благодаришь Господа? Ведь мы живем трудно, бедно, а ты все: „Слава Тебе, Господи!“?» И на эту «провокацию» он опять со своим внутренним восторгом, улыбаясь, повторял: «Слава Тебе, Господи...»

...Разбирая документы отца, в истертом бумажнике, нашла, вложенную в военный билет, бумажку, на которой была написана молитва: «Всуче трудишься во мне, падший архистратиг. Я раб Господа моего Иисуса Христа! Ты, вознесенная гордыня, унижаешь себя, так усиленно борясь со мною, слабым... („так мысленно говори злему духу, гордому, гордому злему духу. Как бич огненный эти слова. И убежит от тебя... лукавый“)». Похоже, отец всю войну носил эту молитву в нагрудном кармане...

— Значит, как-то «специально» детей жить в вере не учили?

— Мне кажется, самым действенным может быть только личный пример. Как-то я переусердствовала, как сейчас переусердствуют многие

молодые мамы: водила сына в храм постоянно, хотя ему было иногда плохо, тяжело. Надо всегда смотреть на состояние ребенка. Зачем заставлять ребенка выстаивать долгие службы, которые подчас и взрослому тяжело выстоять? Надо постараться сделать так, чтобы церковь стала для ребенка не тягостью, а сказкой.

Однажды я рассказала своей внучке (сейчас ей 13 лет, а тогда она была помладше) про икону «Нечаянная радость»: о разбойнике, который, нуждаясь в деньгах и голодая, решился на ограбление, все себе наметил, построил план и, на всякий случай, пошел в храм помолиться об успехе дела. Он встал на колени перед иконой Богородицы, и вдруг в какой-то момент, когда он просил о помощи, Она обернулась к нему. И моя внучка потом, уже сама пересказывая эту историю подружке, добавила: «А Младенец погрозил ему пальцем!» Она дополнила историю по своему разумению. Надо, чтобы в храме и в воскресной школе для детей все было рассказано по возрасту, чтобы была игра, привлекательные истории, возможность сотворчества. С внучкой мы как-то разговаривали о мусульманах и христианстве, и потом, когда она была на одном из уроков в воскресной школе, где говорили об исламе и о пророке Мухаммеде, она вдруг, вспомнив мои рассказы об Илье Пророке, Елисее и других пророках, сказала преподавателю-священнику: «А как же Мухаммед мог

быть пророком, если он был очень богат, да еще и женат дважды?» Видите, ребенок перевел это все на свой лад: по ее представлению, пророки — аскеты, живущие по Писанию. Я, конечно, потом объяснила ей, почему все-таки Мухаммед — пророк...

— Интересно, а она ведь сейчас уже понимает, что бабушка — монахиня, какие у нее по этому поводу переживания?

— Это, наверное, нужно у нее спросить. Мы же любим друг друга, какие могут быть еще переживания? Мне кажется, что ей, как и моему сыну, нравится, что я инокия. Сама-то я понимаю, конечно, что мне надо очень много еще трудиться, чтоб оправдать этот чин. Сколько Бог даст жизни, столько и надо трудиться.

ПАСТЫРЬ СТРОГИЙ

— Что послужило причиной вашего прихода в храм?

— Была к этому внутренняя потребность, какой-то порыв, зов. Просто шла куда-то, понимая, что не могу жить так, как живу... И случайно зашла в храм на Краснопресненской. Помню, зашла как была — в брюках. В глубине пустого храма стоял незнакомый мне священник. Не помню, как к нему подошла, о чем спросила...

— Он ведь вам заметил тогда, что вы в брюках пришли?

— Да, батюшка сказал мне, что нельзя женщине ходить в мужской одежде. И эти слова меня не расстроили, не вызвали отторжения, а... обрадовали своей правильностью. Я подумала: «Да, Господи, это так...» Вышла из храма счастливой.

— *Тот батюшка — это и был отец Георгий Бреев, ваш будущий духовник?*

— Да... У меня как-то тяжело заболела мама, у нее была операция, тогда я бросилась к отцу Георгию. Он помолился — и все было хорошо. Потом он приехал к моему умирающему парализованному отцу, соборовал его — и отец встал на ноги и уже до конца своих дней был на ногах.

...Как-то решила подойти к отцу Георгию и попросить его взять меня в духовные чада. Мы беседовали в маленькой крестильне. «И у меня бывают сомнения... — сказал батюшка к моему немалому удивлению, — может быть, ты встретишь священника лучше меня?» Я оторопела. «Ну хорошо, — подумав, сказал он, — приходи через год». Ровно через год, на Крещение, я стояла в храме, в очереди за крещенской водой, стесненная со всех сторон людьми. Равномерный шум от беспрерывно льющейся воды и звон металлических крышек, бьющихся о бидончики, заглушили негромкий голос отца Георгия — батюшка каким-то чудом извлек меня из тесноты: «Что же ты так долго не приходила?»

«Я приходила, батюшка, весь год приходила, да не попадала на ваши службы!» — обрадовалась я. Так отец Георгий стал моим духовным отцом. С тех пор что-то изменилось вокруг и внутри меня. Все горести и скорби приобрели иной смысл: они перестали быть непереносимыми...

Уровень отношений духовного отца и чада трудно оценить или с чем-то сравнить. К сожалению, редко вижу с батюшкой, он в Крылатском, далеко, но я знаю, что он молится, и это мне дает силы жить. Сколько раз было так, что благодаря его молитвам оставалась живой!.. Благодарю Бога, что Он послал мне такого батюшку. Хорошо запомнила одну из его проповедей (а они у него все особенные, такие, каких я больше ни у кого не слышала), когда он говорил о том, чтобы нести свой крест. Отец Георгий сказал — и мне это легло на душу и запомнилось, — что надо стараться понимать себя самого, со всеми своими дарами, со всеми своими немощами. Надо разумно относиться к себе самому... и к ношению своего креста. Он, конечно, необыкновенный человек и священник чудесный.

РОЛЬ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО

— Отец Георгий не советовал вам бросить актерскую профессию?

— Нет. Более того, когда я сказала, что больше не могу сниматься в кино, он ответил: «Ты должна работать и должна сниматься. Только снимайся в фильмах, которые не хулят Церковь, не хулят Бога, а хорошо, если бы еще и прославляли».

— *А ведь у Церкви непростое отношение к этой профессии. Насколько я знаю, актеров даже в свое время хоронили за церковной оградой?*

— Мне кажется, это несколько грубое и внешнее мнение. Не актеров хоронили за церковной оградой, а балаганщиков, пересмешников, насмехавшихся над священниками, глумившихся над Церковью. Актеры, начиная с Федора Волкова, который начал еще при Елизавете ставить религиозные мистерии, были очень почитаемы народом. И более того, русские артисты, как правило, были людьми глубоко верующими: Ермолова и Комиссаржевская, например, были прекрасными христианками. И благодаря Станиславскому, который был верующим человеком, у нас и развивалась прекрасная театральная культура. Он не дал прерваться этой живой цепочке, что тянется с золотого XIX века. Сейчас театральная культура, увы, находится в плачевном состоянии... Ведь играешь роль не ради себя, а ради служения, ради своего рода исповеди, ради важного свидетельства. Мне отец Георгий говорил, что снимаясь в кино можно свидетельствовать о другом, о другой жизни. Роль может стать свидетельством. Каждый человек, особенно творческий,

должен своим творчеством говорить о Боге, а не о себе. О себе ролью говорить — неприлично и стыдно.

— *С тех пор как вы это поняли, вашей задачей стало именно такое свидетельство?*

— Для начала мне нужно было понять, что я, собственно, несу в себе. Какой сигнал даю миру? О чем свидетельствую — о добре или о зле? Когда исполняла ту или иную роль, я старалась проникнуть в суть, в характер и причинно-следственную связь, понять: почему человек поступает так или иначе? И здесь было уже не до чувствования, надо было четко, почти математически верно понять поступки человека, чтобы его оправдать для себя. Если хотите, это была такая школа психологического погружения. Во ВГИКе у меня был хороший учитель — Борис Андреевич Бабочкин, который учил особому отношению к русскому слову...

— *И тем не менее вас что-то начало смущать в профессии?*

— Да, мне стало стыдно быть на виду. Естественно, в молодом возрасте все красивые, и естественно, обладая каким-то человеческим, женским обаянием, я могла воздействовать на тех людей, которые смотрели фильмы. Против совести я, конечно, не шла, но быть невольным искушением для кого-то — это грех, за который мне и надо было расплатиться по полной программе. Желание нравиться, с мирской точки зрения

совершенно невинное, все же грешно. Из-за этого довольно много было эмоциональных переживаний: мне хотелось, предположим, играть какую-то роль, а ее давали другой актрисе. А потом все эти иллюзии, мечтания отошли, и мне кажется, это случилось благодаря самой профессии.

— *То есть актерское ремесло на вас положительно повлияло?*

— В этом плане — да. Бывает так, что актерская профессия заводит в мечтательность, а со мной случилось обратное. Впрочем не хочу говорить много об актерской профессии, хотя и не отрекаюсь от нее.

Совсем недавно вновь открыла для себя стихотворение А. С. Пушкина «Воспоминание». И меня поразила глубина покаяния в стихотворении.

*Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья.
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья.
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание невольно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Представляете, если бы каждый человек мог так чувствовать!

— Получается, что к пониманию необходимости такого покаяния вы подошли благодаря актерской профессии?

— Нет, вовсе нет. Вы не связывайте меня с моей профессией. Понимаете, я не могу сказать, что вся моя жизнь вне профессии была бы бедна или менее интересна, чем в тот период, когда я играла в кино. Она шла своим чередом и всякий раз мне подавались знаки, что есть иная жизнь, что она где-то рядом, что ее необходимо как-то уловить...

ВДОХНУТЬ ВЕСЬ МИР

— Многие, наверное, вам завидовали: красавице-актрисе, у которой, кажется, все есть — и интереснейшая и весьма успешная актерская работа, и семья... Впрочем это внешнее. А что было внутри?

— Завидовали? Не знаю. Но какой бы благополучной ни казалась жизнь того или иного человека, кто может знать о его душе? Кто может в нее проникнуть? Зависть — это пустота, напрасное и, главное, губительное чувство. Не надо ни на кого смотреть, кто, как и что. Гляди на себя изнутри: кто ты, где ты? Меня один пьяненький остановил однажды на улице: «Матушка, — говорит, — ты знаешь, что самое страшное?» Я спрашиваю: «Что?» Он говорит: «Когда потеряешь

себя... — и потом с невыразимой болью продолжил: — Я себя потерял...»

— *Вы познали оба пути — и семейный, и монашеский. Можно ли как-то их сравнивать, говорить, что какой-то сложнее или проще?*

— При венчании и при постриге хор поет примерно то же... Если бы я никогда не была в браке, то я могла бы, может быть, рассуждать как-то более отвлеченно. Иночество больше брака, несравненно выше брака. Человек идет в монастырь и обретает свободу — свободу в Боге. Это ощущение, когда ты вдыхаешь весь мир. Брак — это взаимное отречение от свободы. Очень редко, когда человек рядом с тобой понимает необходимость дать ощущение свободы, воздуха, когда он не угнетает и не приземляет тебя, а понимает твои духовные нужды и потребности.

— *Это огромный труд!*

— Если вы любите человека, какой же это труд? Это радость. Вы ведь готовы пожертвовать собою ради любви, правда? В этом состоит любовь.

КАК ОБЪЯСНИТЬ НЕОБЪЯСНИМОЕ?

— *Матушка, а ведь вы могли просто жить жизнью благочестивой мирянки и не помышлять ни о чем большем, но приняли постриг. Что подтолкнуло сделать этот шаг?*

— Все спрашивают, что случилось (улыбается. — *Примеч. ред.*). Была артистка — стала ино-

кия. С чего вдруг? Может, любовь несчастная, может, еще что-то? Всем хочется какой-то мелодрамы, чего-то такого человеческого, чем можно было бы такой поступок объяснить. Но как объяснить необъяснимое? Как объяснить жизнь? Когда я сказала отцу Георгию: «Батюшка, мне так тяжело бывает на съемочной площадке, мне это уже неинтересно, а в монастыре так хорошо!» (я тогда снималась в Киеве и в перерывах между съемками ходила в Киево-Печерскую Лавру), он ответил мне: «Я тоже когда-то очень хотел стать монахом, но Господь распорядился иначе». Еще он сказал, что в монастырь приводит исключительно Господь. Это очень просто и очень ясно — в монастырь за руку приводит только Он.

— *То есть получается, это в большей степени призыв Бога, чем расчет и выбор человека?*

— Конечно. Если даже человек сто лет будет планировать, что он пойдет в монастырь — у него ничего не выйдет.

— *Как вы почувствовали этот зов Божий?*

— Каждый человек обладает внутренним голосом, или совестью, к которой он либо прислушивается, либо нет. Есть что-то такое, что не объяснишь бытовым языком, но что может переживать каждый человек.

Когда-то мы с сыном, которому было три года, чуть не попали под поезд. Это был знак, очень страшный. Тогда я вдруг спохватилась, стала думать: «Боже мой, почему Ты нас оставил?» — даже

не «почему?», а «для чего?». Всякий раз после подобного случая нужно обязательно подумать: для чего сохранилась жизнь или почему она вдруг была отобрана, как у этих девочек, которых застрелил белгородский маньяк¹⁸. Ведь все, что случается, — это по промыслу Божию, да?

Голос Божий есть в каждом человеке, и я Его почувствовала, когда решилась на постриг.

— *История вашего пострига словно из какой-то сказки: в среду первой седмицы Великого поста владыка Амвросий (Щуров)*¹⁹ *дает вам четки и платок послушницы, в воскресенье — постриг... Что вы чувствовали, о чем думали при этом?*

— Сам постриг произошел для меня неожиданно. Психологически я не была к нему готова. Да, действительно не понимала, что происходит, я как бы опаздывала за событиями, все шло впереди меня. И когда начался постриг, я словно умерла. Разве что стояла вертикально. Во мне все замерло, не было никаких чувств, только полное ощущение мертвости. Ожила я потом, постепенно, с молитвами архиепископа Амвросия, когда он по

¹⁸ Матушка Ольга вспоминает события 22 апреля 2013 года, когда молодой человек расстрелял на улице в центре Белгорода шесть человек, в том числе двух девушек 14 и 17 лет.

¹⁹ Архиепископ Амвросий (в миру Анатолий Павлович Щуров) — епископ Русской Православной Церкви на покое (с 2006 года), с 18 октября 1977 года епископ (с 1991 года — архиепископ) Ивановский и Кинешемский.

очереди давал четки, рясу, клобук... Тогда не почувствовала опоры, пола. И не только я: послушница Валентина, которую тоже постригали, признавалась мне потом, что не могла до пола дотянуться и ходила как будто по воздуху. Вот так мы умерли, а потом воскресли.

В рясофор²⁰ меня постригли в 1993 году. В монастыре я прожила года два, а потом владыка Сергей (Фомин) — сейчас он митрополит Воронежский и Борисоглебский — отозвал меня из монастыря, в Синодальный отдел церковной благотворительности и социального служения, председателем которого он тогда являлся.

Поскольку у нас митрополит как в армии генерал, то, конечно, все подчинились. А я подчинилась с радостью, потому что владыку я знала еще до пострига. С владыкой Сергием мы познакомились на Рождественском празднике, в подготовке которого я принимала участие. Он тогда был архиепископом Солнечногорским. И когда познакомились и даже не так долго поговорили, я вдруг подумала: «Господи, какой же это умный, разносторонний, интереснейший человек!»

Так что работать в Отделе церковной благотворительности и социального служения Московского Патриархата с владыкой Сергием было для меня

²⁰ Рясофор, иначе — иноческий постриг. Низшая степень монашества, отличающаяся меньшей строгостью аскетического правила. Следующая ступень — мантийный постриг, иначе — собственно монашество.

большой радостью. Хотя и пришлось ради этого покинуть стены обители, снова жить в миру.

— Вообще нам обычно представляется, что в монашество идут люди совершенно особые, уникальные. Разве может обычный человек «шагнуть в пустоту»?

— Что значит «обычный человек»? Ведь у всех — у монахов, у священников и у обычных людей — руки, ноги, сердце... И все способны чувствовать, страдать. И даже грехи могут быть одинаковыми. Ведь может так случиться, что какой-нибудь монах впадет, например, в грех пьянства. Другой вопрос — монах понимает, что это страсть, наваждение, что это губительно. И начнет бороться с этим, хотя это бывает очень тяжело. Разница между монахом и «обычным человеком» в оценке своего падения. Каждый вечер и каждое утро монах читает молитвенное правило. А в правиле все с подробностями перечислено.

Представьте: Симеон Новый Богослов — у него было непосредственное общение с Богом, а читаешь его гимны — он там такие невероятные грехи называет, о которых даже простой человек скажет: «Ого!» А это только помыслы!

Человек — все равно человек. Господь создал человека по Своему образу и подобию — каждого. Будь ты монах, или бомж, или служитель Мельпомены, артист или ресторатор, ты все равно человек.

БИТВА И ЧУДО

— Но ведь одно дело соблюдать заповеди в миру, а другое — в монастыре. Мирскому человеку странно и страшно монашество...

— Правильно, что страшно.

— Почему, как вам кажется?

— Потому что там серьезные скорби, серьезные падения, которых в миру не бывает. Монастырь — это битва. Надо подготовиться к тому, что тебя будут бить, бить и бить.

Сейчас думаю, как правильно, что меня так гнали в начале монашества, и было столько скорби. Еще бы: актриса — инокиня! Да меня чуть не убили за это. Гоняли, как сидорову козу. Говорили: вот, она новую роль играет — инокиня! Это как выйти на бой, на ринг.

Был такой американский фильм «Солдат Джейн», и в нем есть сцена, где героиню лупят, бьют, невзирая ни на что. Меня, конечно, в буквальном смысле не били, хотя и пытались скинуть с машины когда-то, и ведро картошки в меня запускали (еле увернулась!) — все это пережила. И ценю это. Как, наверное, наиболее ценный период в моей биографии.

Все потому, что монашество отнюдь не безоблачный путь. И реального ощущения Господа, Ангелов, Пресвятой Богородицы, внутреннего покоя и радости так просто, без скорбей, никогда не будет. А оно ни с чем не сравнимо.

Представьте себе то ощущение покоя, которое возникает у уже опытного монаха — ощущение ровной радости. Когда никакие болезни и скорби не могут поколебать этого невероятной чистоты озера, наполненного красотой бытия. Это же чудо!

Для них я просто Оля

— *И тем не менее сложилось так, что ваша жизнь проходит вне монастырских стен. Возвращаться в мир для отказавшихся от мира — здесь есть какая-то нестыковка, неправильность, ведь монаху все-таки место в монастыре... Как вам кажется?*

— Конечно, в монастыре. Но ведь путь у всех разный, а я еще только на пути к монашеству. Не знаю, каким долгим этот путь будет и сколько Господь мне еще отмерит шагать, но я в пути. Да, я прохожу сейчас послушание в миру. Здесь я вроде местной достопримечательности. Те, кто живет рядом, меня знают. Одна бабушка, когда я куда-то уезжала и вернулась, даже говорила: «Ой, вы здесь? Слава Богу!»

Мои знакомые, подруги, сестры-монахини, тоже живут в миру и все вокруг них говорят: «Как хорошо, что здесь живут матушки!»

— *А в чем состоит ваше послушание²¹?*

²¹ Монастырское послушание — всякое дело или должность в монастыре; отсюда название постоянного

— Отец Георгий благословил меня продолжать дело патронажной службы, помогать пожилым актерам. Мы ухаживаем за моими бывшими коллегами, актерами советского периода. Это люди с разными судьбами, часто очень больные. Они все пришли уже к какому-то финалу, иногда очень печальному. И когда мне кто-то из них звонит — не буду называть фамилии, — вдруг понимаю, что они — мои, что не могу их оставить, не ответить на их звонок или просьбу, даже если бывают совершенно абсурдные вопросы, иногда исходящие из глубокого эгоизма, все равно нужно ответить — это люди страждущие.

Конечно, сейчас много есть благотворителей и актерам помогают еще какие-то другие организации. Но дело в том, что люди, к которым я прихожу или к которым посылаю своих сотрудников, — они мне не чужие. Более того, они знают и доверяют мне. Впустить в квартиру человека — дело опасное, и мало кто на это может решиться. Благотворительностью можно и оскорбить, и поранить... Для артистов я своя, для них я просто Оля. Обращаюсь не к их болезни или прошлому, а к их душе, и они это чувствуют и отвечают мне тем же. Я им нужна, но более всего они мне нужны. Для меня это — *иноческое послушание*.

насельника монастыря, имеющего в дальнейшем намерение принять постриг — «послушник» или «послушница».

— Тяжело?

— Иногда, да. Нужно, чтобы было ощущение, что вы готовы отречься себя ради другого. Господь говорит: «Возлюби ближнего своего». Когда ты начинаешь понимать и чувствовать другого как ближнего своего, это уже может быть началом такого самоотречения. А потом, даже если у тебя болят ноги или что-то еще, надо сделать то, о чем тебя попросили, не откладывая, если это в твоих силах.

— *А не хочется вам все-таки когда-нибудь вернуться обратно в монастырь, насовсем?*

— Уже сказала, что это мой путь. Меня зовет к себе одна моя любимая игуменья. Я смотрю на нее с восхищением и с радостью побежала бы к ней. А как же побежишь? Вдруг позвонит кто-то из «моих» актеров и скажет: «Оля, у меня ноги болят...»? Не знаю, это ли иночество? В том послушании, которое я несу в миру, наверняка, есть свой смысл, свое служение — служение людям. Монах — он ведь для Бога и для людей.

ВЕРНУТЬ ЖЕНЩИНУ

— *Матушка, как вы считаете, что происходит сейчас с человеком в миру? Вы сказали, что свобода — в монастыре, но ведь в миру она тоже есть. Правда, другая...*

— Да, другая. Современный человек перестает слушать голос своего сердца. Мы прислушиваемся к своим впечатлениям, к чему-то,

лежащему на поверхности. О многом мы судим так, будто говорим о еде, на уровне «нравится — не нравится».

Человек теряет важный инструмент — сочувствие. У некоторых отсутствие сопереживания перерастает в психическую болезнь. Некоторые актеры, которые считали себя средоточием мира, думали, что весь мир лежит перед ними и все восхищаются их красотой и талантом, не выдерживают реальности и начинают очень серьезно болеть. Они «зафиксировали» свой взлет, свои успехи и тянут их до конца дней своих. Когда больные, уже некрасивые женщины, продолжают вести себя по-прежнему, «по звездному» — это приводит к распаду личности, иногда просто к безумию.

Сейчас женщина не такая, какой она была в прошлых веках, в ней нет притягательности, тайны. Виновата, может быть, и не она сама, а тот, кто ее к этому привел. Мир может разрушиться, если не вернуть нам *ту* женщину...

— А в чем миссия женщины, как вам кажется?

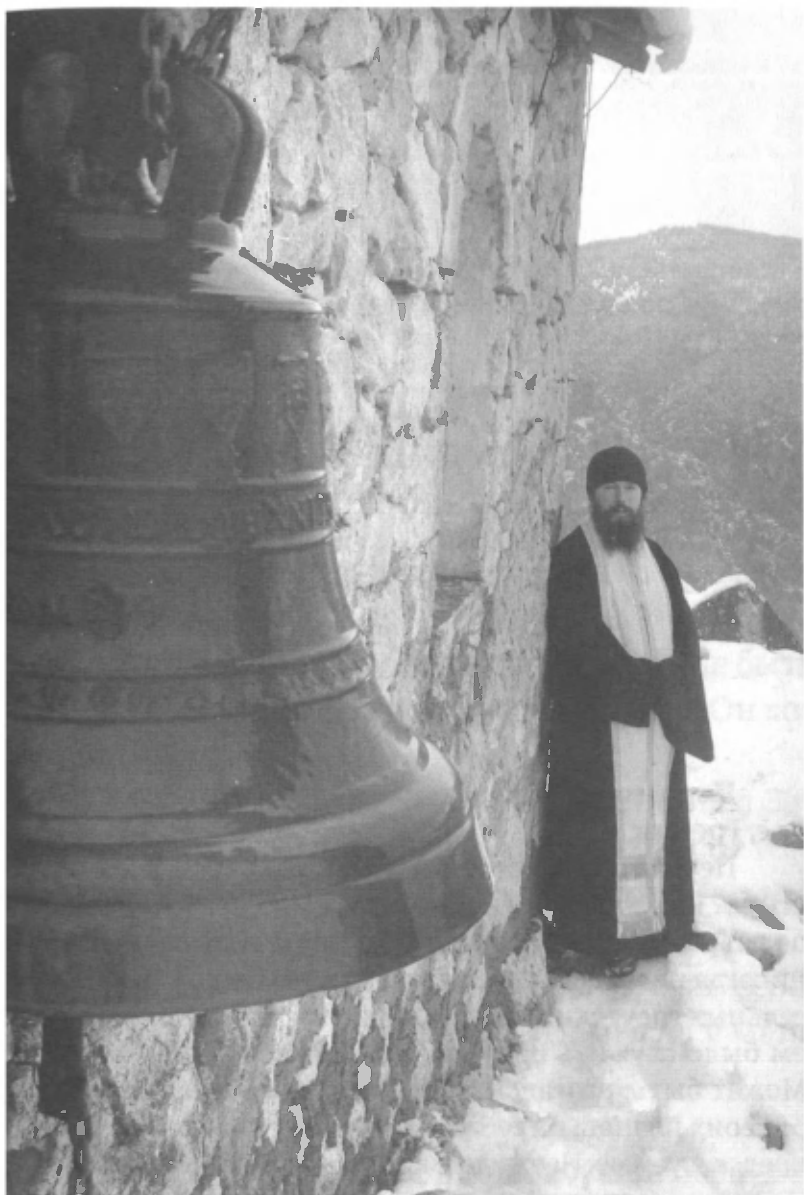
— Мне кажется, женщина должна быть с Богом, особенно когда она готовится стать матерью. Дар Божий женщине — иметь дитя. Разве может этот дар идти в сравнение с возможностью сделать карьеру? Как только у женщины появляется ощущение, что она ждет новую жизнь, она сразу должна броситься в Церковь и молиться, молиться о своем ребенке. Это прежде всего. И потом,

когда ребенок вырастет... Если женщине нужно уйти в монастырь, если это ее путь, то Господь ее туда приведет. А кому нужно остаться в миру, останется в миру. Господь так устроит.

— Матушка, что для вас стоит на первом месте в монашестве?

— Само монашество. Наверное, у вас будут разговоры с более просвещенными матушками, игуменьями. Они все расскажут, дополнят меня. Я всего-навсего труженик по послушанию, рядовой член Церкви. Только труженик. И все.

Иеромонах Клеопа Петритис

Иеромонах Клеопа, насельник монастыря Петрас, Греция

Первая мысль: русский монах — и в греческом монастыре? Как его туда занесло? Что, у нас своих монастырей да лавр не хватает?! Однако будущий иеромонах Клеопа никогда не мечтал о чужой стране, молочных реках и кисельных греческих берегах. Говорит так: «Моим желанием было служить Богу там, где Он меня хочет видеть». Может быть, разгадка в том, что, когда отказываешься от своих планов, на тебе исполняются планы Божии? Непредсказуемые. Неожидаемые. Не всегда безболезненные. Но всегда — спасительные.

*Странник я на земле;
не скрывай от меня заповедей Твоих.*
Пс. 118: 19

БЫТЬ ТАМ, ГДЕ СЕЙЧАС ПРОЙДЕТ ГОСПОДЬ

— Отец Клеона, расскажите, как начался ваш путь к монашеству?

— В монашество меня привело желание быть с Богом и желание послужить Ему там, где Он хочет меня видеть.

Когда мне было 12 лет, мне в руки попал Закон Божий, одно из первых изданий, которое тогда появилось, это был где-то 1990 год. Из этой книги я впервые узнал о монахах, монашестве, мне так это понравилось, что я сказал себе: «Я тоже хочу быть монахом». Эта мысль у меня жила все время, все эти годы.

— *Ваша семья была религиозной?*

— Нет. Хотя бабушка и прабабушка были верующими, а прадед был церковным старостой.

Даже когда закрыли церковь в селе, он продолжал собирать людей дома и рассказывал им о вере, читал им из святых отцов. Но родители уже церковными не были. Когда я поступил в духовное училище, понимал: то, чего я хочу — это даже не монашество как таковое. Моим желанием было посвятить себя Богу в том качестве, в каком Господь хочет Сам меня видеть. Если бы Он указал мне путь в миру — я жил бы в миру, если бы путь священства — в священстве. Господь каждому человеку открывает его путь. Одному человеку Он открывает красоту жизни в браке. Показывает, насколько это может быть прекрасно, насколько в браке можно воплотить Христовы заповеди любви друг к другу, служения, терпения, смирения. Другому человеку Он открывает красоту пути священства: быть священником, миссионером, проповедовать, вести людей. Кому-то открывает монашеский путь и показывает красоту этого пути. Тут очень важно понять, что ты сам хочешь, где твое сердце и иметь самоотвержение принять волю Божию, какую бы Он тебе ни открыл. Тогда ты будешь на своем месте, где бы ты ни был — в миру ли или в монастыре.

— А как узнать, что ты находишься «на своем месте»? Мне кажется, сейчас немало людей мучаются как раз тем, что не могут понять, где их место в этом мире.

— Я думаю, Господь каждому человеку в какой-то момент жизни дает понять, что Он от

него хочет. И если человек это выполняет, то тогда у него все получается, он всегда будет на своем месте.

Надо всегда себя спрашивать: «Что от меня хочет Бог? Сейчас, в эту минуту, что Он от меня хочет?» У нас здесь, в греческом монастыре, был один блаженненький юноша, француз. Он мог стоять на одном и том же месте часами. Снег, дождь, ветер, жаркое южное солнце — а он стоит на одном месте и не уходит. Его спрашивали: «Ну чего ты стоишь? Отойди в другое место. Чего ты мучаешься?» И он отвечал очень интересной и точной фразой: «Нет, я стою здесь, потому что знаю, что сейчас здесь должен пройти Господь. Если я уйду — я с Ним не встречу». Понимаете, у каждого человека есть такое место, где ему надо стоять, потому что там сейчас пройдет Господь. Хотя это очень часто не то место, где мы видим себя в наших мечтах. Один хочет быть в пустыне, а оказывается на приходе в большом городе. Кто-то хочет уединения, а оказывается исповедником многих людей. Кто-то, наоборот, хочет, чтобы люди к нему приходили, помогать им советами, а Господь его ставит где-нибудь на последнем месте с тяпкой на огороде, или на больничную койку укладывает, или человек оказывается в тюрьме...

— *Но как же не перепутать свои мечты с Божьей волей?*

— Когда есть духовник — это проще. Но я абсолютно уверен, что даже если и нет духовника,

то Господь все равно открывает Свою волю человеку, если тот хочет эту волю узнать. Но очень часто человек на самом деле прекрасно понимает, что хочет от него Бог, но не может или не хочет этого исполнить, потому что это кажется ему трудным. Хотя на самом деле все ровным счетом наоборот: зачастую упорное желание во что бы то ни стало устроить жизнь «по-своему» оборачивается разочарованием и болью. Об этом свидетельствовал, например, преподобный Григорий Синаит, когда говорил, что много раз со многими слезами просил он Бога, чтобы Тот даровал ему то-то и то-то... И потом точно так же плакал многими слезами, потому что полученное при рассмотрении оказывалось совсем не таким, каким оно представлялось в мечтах.

ИСТИНА — ЧЕРЕЗ ДОРОГУ

— Отец Клеопа, красоту монашества вы ощутили очень рано... С этого момента ваш путь был определен или все-таки пришлось пройти через определенные духовные искания, сомнения?/

— Конечно, без сомнений не обошлось. Я увлекался эзотерикой, разными медитациями. В конце 1980-х — начале 1990-х годов чего только в школах не было, приходили разные проповедники... Мое воцерковление шло постепенно. В нашем миллионном городе была одна-единственная церковь, и стояла она прямо на нашей

улице. В какой-то момент я понял, что интересуюсь всеми религиями, но только в эту церковь не захожу. В то время я стал говорить: «Господи, Ты видишь, что я хочу быть монахом, но Ты видишь, что я себя чувствую как наркоман, который сидит на игле и не может с нее слезть. Я прошу Тебя, Господи — помоги мне!»

— *Многие через это не проходят, остаются со своим оккультизмом...*

— В 1990-е многие пришли в Церковь окольными путями, в том числе и, так сказать, от обратного, что очень хорошо показал отец Тихон (Шевкунов) в своей книге «Несвятые святые». Думаю, что Господь Сам меня сохранил, дав пережить опыт личной встречи с Ним.

— *Но ведь можно было ее, эту встречу, спутать с чем-то неблагоприятным?*

— Нет, не спутаешь. Помните, как Силуан Афонский говорил, что когда Бог Сам тебе является, то ты Его признаешь Духом Святым, ты это никогда не спутаешь, запомнишь на всю жизнь.

— *Разве искушение не состоит в том, что ты забываешь этот опыт?*

— Если бы вы однажды пообщались с каким-нибудь человеком, не просто увидели его, а общались бы с ним, разговаривали какое-то время, то потом даже спустя годы этот опыт с вами останется. Вряд ли вы себе скажете: «Может, я придумала себе? Может, не было этого человека?» Хотя можно не вспомнить сказанные

тогда слова, можно забыть черты лица, но саму встречу — не забудешь. Так и с Богом: эта встреча производит глубокое изменение в твоей душе.

— *А возможно ли вообще с кем-либо поделиться благодатным опытом? Разве он может быть выражен словами?*

— Естественно, это сложно, потому что этот опыт либо не выразим словами, либо выразим, но слабо, очень приблизительно. Понять его могут только те люди, которые сами испытали нечто подобное. Есть известная притча: где-то далеко, в джунглях, в лесу, была деревня, в которой никогда не было огня — люди не знали, что такое огонь. Но однажды в грозу в дерево ударила молния. Человек того племени пошел в лес и увидел там огонь. Вернулся обратно в деревню и стал рассказывать: «А я видел такое!..» — «Какое?» — «Оно такое... красное и трепещется...» — «Это что, цветок?» — «Нет, не цветок! Оно было горячее». — «Это было солнце?» — «Нет, не солнце!» — «А что же это?» И он никак не мог передать этот свой опыт, как ни описывал разными словами. А потом в лес пошел еще один человек и тоже увидел этот огонь. Он пришел и сказал: «Да, да, я это видел!» Его тоже спрашивают: «На что же оно похоже? Нам этот так и не рассказал». Говорит: «Ну, оно вот такое вот... Оно похоже на цветок, оно горячее, и оно трепещется...» — и так далее.

То есть существуют вещи, которые познаваемы, но непередаваемы словами. Это же можно отнести и к монашеству.

**«...И ОТРЕКАЕТСЯ
ОТ ВСЯКОГО ДРУЖЕСТВА ОБЫЧНОГО»**

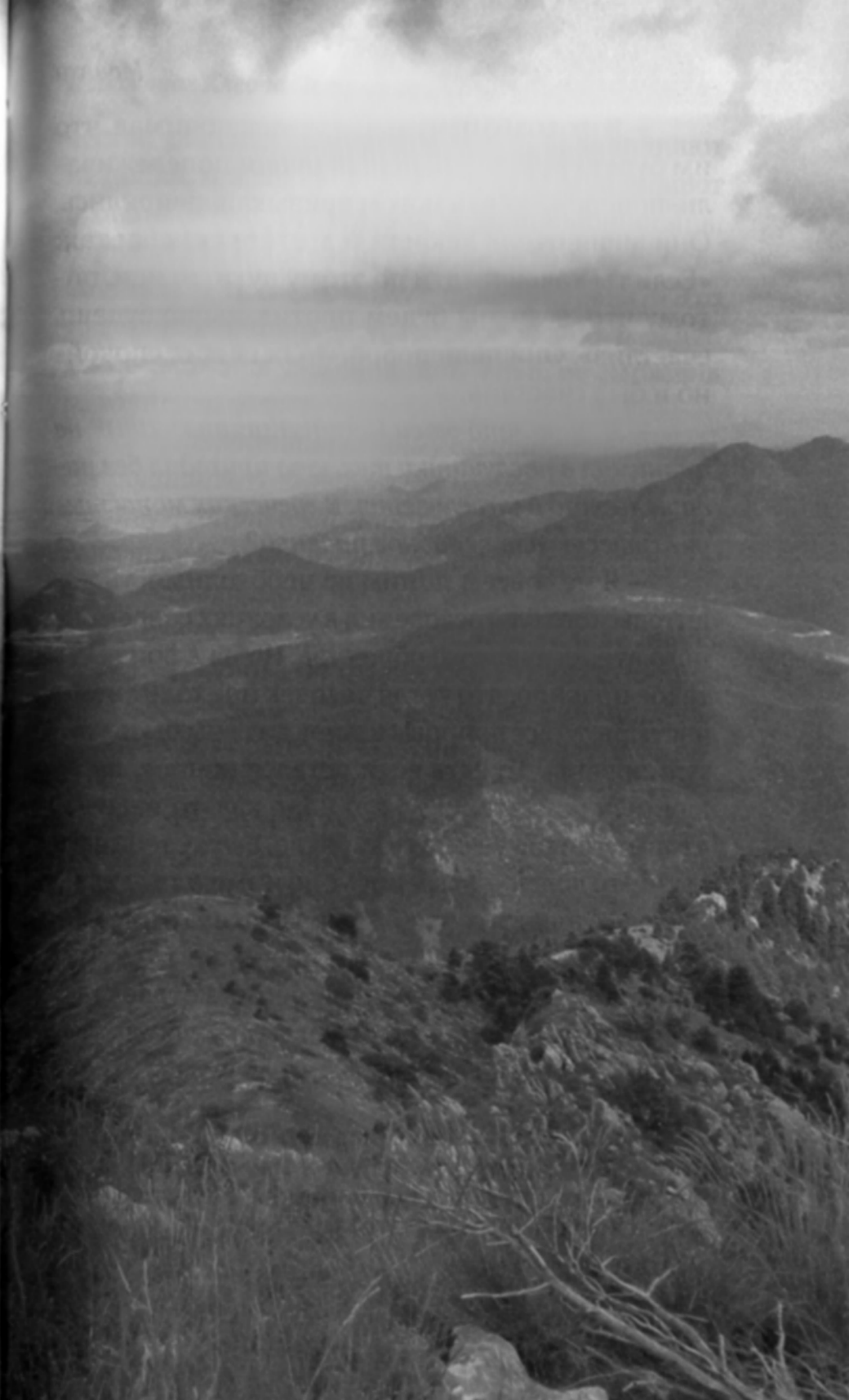
— Когда вы для себя поняли, что решение о монашестве — окончательное, бесповоротное?

— Когда получил благословение на монашество от отца Николая Гурьянова²². Потому что я несомненно знал, что хочу монашества, но я не знал, чего хочет от меня Бог. И мне важно было получить такое подтверждение.

Для меня это был самый счастливый день в жизни.

— Вряд ли он был таковым для близких ...

²² Протоиерей Николай Гурьянов (1909–2002) — один из наиболее почитаемых старцев Русской Православной Церкви конца XX — начала XXI веков. Родился в крестьянской семье, с детства прислуживал в алтаре. Поступил в Ленинградский педагогический институт, но был исключен за выступление против закрытия одного из храмов. Впоследствии был арестован, находился в ленинградской тюрьме «Кресты», отбывал заключение в лагере в Сыктывкаре Коми АССР. Рукоположен во священника 15 февраля 1942 года, с 1958 года направлен на служение в Псковскую епархию, назначен настоятелем храма святителя Николая на острове Талабск (Залит), являлся им бессменно до самой кончины. В течение многих лет к отцу Николаю за советом приезжали православные верующие из разных регионов страны.

— Я их долго приучал, готовил, понимал, что им будет трудно. Но все равно они попереживали-попереживали и потом привыкли, смирились. Они меня очень любили и в итоге сказали так: «Если ты хочешь идти по этому пути, то иди, потому что, если мы будем против, ты не будешь счастлив». Они дали добро, чтобы я жил спокойно и был счастлив.

— Я знаю, что отец Иоанн (Крестьянкин)²³ не принимал в послушники тех, кто приходил без родительского благословения. В греческих монастырях существует подобное правило?

— Я не совсем понимаю необходимость родительского благословения в условиях современного атеистического общества. Но на Афоне есть такое правило, что когда человек приходит в монастырь, то все вопросы в миру должны быть урегулированы. То есть если остался вопрос, касающийся родителей, то его надо как-то решить, чтобы это тебя уже не волновало. Если у тебя есть какие-то долги — разберись с долгами и так далее. И это все для того, чтобы человек был готов зайти внутрь стен монастыря и не выходить оттуда годами, чтобы его больше ничего не отвлекало. Если для тебя вопрос родительского благословения не настолько важен, если тебя не мучает со-

²³ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910–2006) — священнослужитель Русской Православной Церкви, архимандрит, один из самых почитаемых и мудрых священнослужителей конца XX — начала XXI века.

весть, если ты считаешь, что родители поступают не по Божьей воле — то это одно. Но ведь бывают и такие ситуации: человек уходит в монастырь, горит этим, а потом через какое-то время плачет: «Как же я своих маму с папой оставил?» Это уже плохо. Иди и решай этот вопрос, потому что ты не сможешь уже спокойно жить, не сможешь радоваться.

— Недавно читала книгу святителя Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству», где он, в частности, советует не иметь коротких знакомств ни в миру, ни в монастыре. Это — исполнимо?

— Да, конечно. В чине пострига в великую схиму есть слова об отречении «от всякого дружества обычного». Смысл в том, что у каждого человека могут быть друзья, но очень часто бывает, что, когда мы дружим не духовно, а душевно, в какой-то момент наша дружба может воспрепятствовать пути ко Христу.

— Остались ли у вас друзья из «прошлой жизни», с которыми вы сохраняете по-настоящему теплые, дружеские отношения, с кем избрание иноческого жития не разделило?

— Да, конечно.

Понимаете, когда мы уходим в монастырь, это не значит, что мы не любим наших родителей, друзей, знакомых. Просто Бога мы любим больше. Когда человек любит кого-то, когда у него есть любимый или любимая, то тогда он

только на него хочет смотреть и больше ни о ком не думает, этот человек становится для него центром мира. Точно так же и с Богом. Когда человек любит Бога, он не перестает всех остальных любить, но они все же отступают на второй план: такой человек хочет смотреть только на Бога.

Ведь может быть и дружба не в Боге, а во грехе... Например, после службы люди могут вместе собраться в келье, начнется «хи-хи» да «ха-ха», начнут перемывать кому-то косточки, потом — совместная трапеза, да если еще с «возлияниями» до такой степени, что уже и на службу никто не сможет пойти. Все это с некоторым юмором хорошо описал преподобный Симеон Новый Богослов, советуя разрывать такую дружбу.

— *А что такое дружба в Боге?*

— Когда мы вместе идем ко Христу и помогаем друг другу в этом. Но бывает, что даже такая человеческая дружба разрушается. Потому что порой тем людям, кто искренно ищет Бога, начинают мешать эти отношения.

Конечно, это не означает, что все теперь должны ходить с мрачными лицами, друг другу не улыбаться и не водить никакой дружбы. Во всем должна быть любовь — любовь друг к другу. Это основа всего.

— *Кстати, ведь довольно распространено у нас мнение о том, что монахи — они именно такие: угрюмые, неразговорчивые, нелюдимые. В то*

время как содержанием жизни монашеской должна быть — радость о Боге...

— Это российский стереотип. В Греции так категорично о монахах не думают. Старец Порфирий Кавсокаливит²⁴ учит, что во всем должна быть любовь, что любовь — больше, чем слезы. В то время как в России (превратно толкуя некоторые элементы учения святителя Игнатия (Брянчанинова)²⁵) считают, что главное для монаха — быть всегда скорбным, плачущим. Помню, я был на одной богословской конференции в Италии. Это конференция по православному богословию, но на нее каждый год приезжают люди со всей Европы, в том числе и католики. Выступал один владыка из Белоруссии. Он излагал учение святителя Игнатия (Брянчанинова) о монашестве: как монах должен себя вести, как принимать людей, не водить мирян к себе в келью и так далее. Это был один из интереснейших докладов, который все восприняли на «ура». Так вот, на протяжении всего выступления часто повторялись слова «плач», «грех», «скорби», фраза «монах должен скорбеть». А один греческий епископ слушал его, слушал, потом не выдержал,

²⁴ Старец Порфирий Кавсокаливит (1906–1991) — афонский старец, широко почитаемый в Греции.

²⁵ Святитель Игнатий (в миру — Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807–1867), епископ Кавказский и Черноморский — один из самых почитаемых в Русской Церкви отцов и учителей духовной жизни XIX века.

как вскочит, как закричит: «Нет, не могу я этого принять! Господь нам заповедовал радоваться! Мы должны радоваться!»

Архимандрит Емилиан (Вафидис)²⁶, старец моего старца, говорил так: «Если монах не имеет радости в душе — уже с этим надо идти на исповедь». Почему нет радости в душе? Причиной может быть какой-то грех, который тебя мучает и вводит в уныние. Или какие-то житейские обстоятельства, например трудные послушания, конфликты в монастыре. Очень важно, чтобы монастырь приносил тебе радость. Это не значит, что наша жизнь вне скорби, но радость должна преобладать.

Мы пришли в самое лучшее место на свете, в монастырь. Господь избавил нас от стольких мирских забот и скорбей, привязанностей и обязательств, мы имеем возможность быть там, где наше сердце. И если мы не радуемся, если в нашей душе скорбь, уныние, то надо подумать, на своем ли мы месте и не ошиблись ли мы.

МОНАХ ВЕЗДЕ ЧУЖЕЗЕМЕЦ

— Создается впечатление, что вы попали в монастырь из какого-то безвоздушного прост-

²⁶ Архимандрит Емилиан (Вафидис) (родился в 1934 году) — известный православный богослов, духовник, почетный игумен афонского монастыря Симонопетра; являлся духовным наставником женской обители в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в Ормилии.

ранства, где ни бед, ни противоречий не было. Было ли что-то, от чего сложно было отказаться, что непросто было оставить в миру?

— Конечно, было! Мир держит человека тысячами нитей: привязанностями, привычками, предпочтениями, сложившимися мнениями о себе и о своем месте в мире. А самые прочные цепи — цепи нашей гордости, самости, самомнения. Если с остальными страстями относительно легко бороться, то с эгоизмом, мнением о себе, тщеславием бороться труднее всего.

Знаете, это немного смешно, но когда человек отказывается от чего-то ради Господа, когда говорит Ему: «Господи, я все готов оставить ради Тебя», он зачастую даже не подозревает, что ему придется оставить и что Господь от него потребует. Это как шкуру живьем сдирают...

— *Вы в Греции уже девятый год. Насколько было сложно влиться в греческую общину? Все-таки другой язык, абсолютно другой менталитет...*

— Конечно, было непросто, но я к этому был морально готов. У нас старец принимает всех — у него такое благословение от своего духовника. Если человек хочет здесь жить и способен терпеть минимальные требования, которые к нему предъявляют, его никто не будет выгонять.

Для меня самым трудным оказался, пожалуй, языковой барьер.

Кстати, это определенный вид подвига, такое странничество — уходить куда-то, где ты всегда

будешь чужой. Как праведный Алексей, человек Божий, ушел в «землю чуждую», где его никто не знал. Люди веками специально отправлялись на тот же Афон, чтобы жить в греческом монастыре, где ты всегда будешь немного в стороне, всегда будешь чувствовать себя как иностранец. Чтобы так жить, нужен определенный внутренний склад. Некоторые мои знакомые монахи очень рвались в Грецию, когда я здесь оказался. Они просили: «Можно, мы к тебе приедем, поживем?» Старец благословлял, и они приезжали. Кого-то хватало буквально на неделю... Человек всю жизнь рвался на Афон, приезжал и только после этого понимал: «Лучше моей кельи в моем монастыре ничего нет, надо возвращаться!» Потому что здесь другая еда, другой климат, другой менталитет. Для многих это очень тяжело. А уж знание языка особенно важно.

— *Значит, учить язык — первая необходимость?*

— Несомненно. Но кто-то учит язык для того, чтобы говорить на богословские темы, изучать философские труды, а кому-то достаточно освоить его азы. У нас есть один отец, Соломон, очень мудрый. О нем старец говорит: «Если отец Соломон открывает рот — ему надо за это деньги давать». Он родом из глухой белорусской деревни, у него такой практический склад ума. Так вот он говорит: «Я выучил греческий в том объеме, чтобы я мог сказать то, что мне нужно. Лишнего же и пустого я понимать не хочу».

— А вы, как вам кажется, вы сохраняете русский менталитет?

— Я могу считать, что я остался русским, хотя, конечно, те, кто здесь пожил, перенимают какие-то черты у греков. А по жизни я, наверное, космополит и уранополит. Я считаю себя гражданином Небесного Иерусалима и членом Церкви, которая странствует по Земле, поэтому для меня неважно, Греция это, или Америка, или, скажем, Грузия.

Я монах, чужой везде. У меня родина только на Небе. Хотя, конечно, я очень люблю Россию, это моя родина, я там вырос. Но когда туда приезжаю, многое кажется уже непонятным.

ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ ПО-ЕВРОПЕЙСКИ

— Мне приходилось слышать, что в греческих монастырях очень поощряется образование. Это так?

— Не везде. На Афоне сейчас подавляющее большинство монахов с высшим образованием. Во многих монастырях считается, что это хорошо, что это скорее плюс, чем минус. Но не везде поощряют поступление в учебные заведения уже после прихода человека в монастырь. Логика такая: ты монах, сиди в монастыре, не надо больше никуда мотаться, то, что успел получить, — это все в монастыре пригодится. Старец Емилиан образование, наоборот, поощрял, особенно для молодых.

Он обосновывал это тем, что в монастырь приходят образованные люди со многими вопросами и ты должен сам многое понимать и знать, чтобы грамотно ответить на эти вопросы.

Но, конечно, учеба не должна идти в ущерб монашеской жизни.

— *Вы закончили свое образование еще в России?*

— Да, я учился в России на истфаке.

Я как-то чувствовал сердцем, что мне надо получить высшее образование. Я воспринимал обучение в университете как послушание Богу. И случались даже разные чудеса. Например, однажды я заболел и подготовил всего один билет. Но на экзамен пришел с чистой совестью (ведь я же не выучил из-за болезни) — и мне достался именно этот единственный билет, который я выучил. А если я ленился, то мне обязательно доставался невыученный вопрос. И так случалось неоднократно. Как будто Господь мне всегда подсказывал: «Учись, учись, надо учиться!» Так пять лет я и учился.

Потом закончил духовное училище, а в Греции много лет пытался учиться в университете. Но мне это давалось с трудом, потому что я уже был служащим священником. Хорошо, что в Греции несколько другая система обучения: можно накапливать огромные долги, а потом годами ходить на пересдачи. Некоторые греки из-за этого учатся в университете по 15–20 лет. И у меня так складывается.

— *Прямо мечта русского студента...*

— Это не всегда хорошо. Но для иностранцев подходит. Можно постепенно выучить греческий язык, чтобы читать богословскую литературу, переводить. Некоторые сестры у нас учатся не только на богословском, но и на экономических факультетах. Одна сестра учится на юриста, потому что в монастыре нужен и свой экономист, и юрист. Другая, уже успевшая до этого получить богословское образование, сейчас учится на медицинском факультете: иметь своего врача для монастыря — тоже необходимость. Ведь у иностранцев нет медицинской страховки, все платно, а значит, очень дорого.

— *Вы говорите о сестрах монастыря святого Георгия Победоносца «Караускаки»?*

— Да, это единая община. Вообще под духовным руководством нашего старца, архимандрита Дионисия (Каламбокаса), шесть монастырей, как женских, так и мужских. Из них два в США, женский и мужской, и три женских и два мужских здесь, в Греции. Но они все равно считаются единой общиной, единой семьей.

ЗДЕСЬ ВСЕ ХОДЯТ И УЛЫБАЮТСЯ

— *Часто приходится слышать, что в России быть монахом очень сложно, потому что традиция потеряна, прервана...*

— До Греции я пять лет жил в одном монастыре в России. Наш игумен в самом начале сказал:

«Я ничего не знаю о монашестве, но я знаю тех, кто знает. И могу вас с ними познакомить». И мы ездили в Абхазию к отшельникам, в Грецию. По очереди все наши отцы жили на Афоне. Я несколько месяцев жил в Хиландаре²⁷, кто-то жил в Пантелеимоновом монастыре²⁸. У нас был ориентир на афонский образ жизни, на афонский устав. Потом через пять лет игумен, серьезно заболев, вынужден был уехать. У епископа были другие представления о монашеской жизни, и вся наши братия разъехались — кто на Афон, кто на Кипр, кто в Грузию. Так я попал сюда.

Когда уезжал, думал, что останусь на Афоне. Но один мой знакомый отец, который раньше меня уехал, рассказал, что он сейчас находится в другом монастыре в Греции: «Тут такой старец!.. Приезжай, познакомишься, потом дальше на Афон поедем». И я приехал сюда, в этот монастырь, и так здесь и остался, потому что мне очень понравился духовник. Я почувствовал, что именно здесь должен остаться.

Время, проведенное в российском монастыре, тоже многому научило. Например, как не спать всю ночь, «четку тянуть», поклоны класть...

²⁷ Хиландар — афонский монастырь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, сербская обитель на Афоне.

²⁸ Монастырь святого великомученика Пантелеимона, также известен как Рóсстикон, или Новый Русик, — русский монастырь на Афоне.

И когда я ехал в Грецию, то думал, что приобрету еще бóльшие молитвенные подвиги — поклоны, молитвы, бдения... Но тут я увидел, что не научился единственному, что по-настоящему нужно — любить людей. И все подвиги этим обесценились. Когда познакомился со старцем, я увидел в нем любовь и понял, что хочу ей научиться.

В книге отца Александра Торика «Селафиила» приводятся выстраданные мысли о монашестве и молитве, в частности мысль о том, что есть монашество, а есть — «монастырство». Что значит «монастырство»? Когда люди вроде бы живут в монастыре, молятся, на службу ходят. Внешний ход жизни складывается, как нужно. И труд совершается — слезы, покаяние, посты. А плода нет. Плод — это любовь, милосердие, терпение, снисхождение к другим, кротость. Это уже зрелый монашеский плод. Но в силу того, что монашество в России еще молодое, не всегда и не везде оно успело принести этот плод. А в Греции такой плод можно увидеть. Монашество в этой стране не прерывалось, и все традиции сохранились. Здесь приходишь к людям, которые в монашестве уже по 30–40 лет. То, до чего ты сам бы доходил годами, можешь увидеть уже сейчас. Общение с такими монахами приносит громадную пользу.

— *Можно ли назвать еще какое-то принципиальное отличие греческого монашества от русского?*

— Есть некоторые отличия во взаимоотношениях монастыря и епископа. Монастыри здесь более свободные, что создает определенные условия для развития духовной жизни в монастыре. И поэтому, наверное, я здесь.

В России монастырь — это прежде всего организация, а в Греции — это община, семья. В Греции епископ не имеет права самостоятельно ставить игумена в монастырь, если братьев больше шести человек, не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь монастыря, менять устав, присылать кого-то или забирать монахов или монахинь в другие места. И это очень благоприятно сказывается на качестве монашеской жизни. В России монастырская община чаще выстраивается сверху. Порой монастырь начинается с назначения туда игумена. А в Греции монастырская община всегда строится снизу. То есть появляется какой-то лидер, какой-то духовный авторитет, вокруг него собираются люди и постепенно вырастает община. Потом лидер уходит, остаются его наследники, духовные преемники, которые дальше передают эту духовную традицию, восполняют, наполняют ее новым содержанием. И так монастырь живет, опыт передается из поколения в поколение.

В России, конечно, тоже постепенно появляются хорошие плоды. Скажем, Ново-Тихвинский монастырь. Там отец Авраамий (Рейдман) собрал вокруг себя сестер и братьев (мужская

и женская общины). Отношения внутри такой семьи всегда будут немного другие. Таким авторитетом может стать и матушка. Я слышал подобное про монастырь в городе Золотоноше, на Украине.

— Но ситуация в России в 1990-е годы с монастырями была совершенно уникальна...

— Конечно! В 1990-х годах надо было забирать собственность, восстанавливать монастыри. И получилось, что их количество за короткое время увеличилось с десяти до 800–900. И где на такое количество найти опытных игуменов?

— А в чем особенно заметна разница внутри монашества России и Греции?

— Здесь все ходят и улыбаются. В России такого нет. Как-то я приехал к одной знакомой монахине в российский монастырь. Прихожу и вижу, как она рявкает другой монахине: «Так, дай мне полчаса с батюшкой поговорить, батюшка приехал!» Я вам правду скажу: я за сердце схватился! Говорю: «Слушайте, я много лет не слышал, чтобы люди так разговаривали, на таких тонах». Она говорит: «Да? А мы привыкли, мы так все разговариваем и даже внимания не обращаем». Даже в семье порой все разговаривают друг с другом на повышенных тонах. Не потому, что они друг друга терпеть не могут, а просто такая манера — все на взводе, все время злятся. Так и живут...

— Да... Помнится, я сама, вернувшись в Москву с Крита, первые несколько дней даже в метро

спускалась с улыбкой, и мне было странно, что вокруг люди не улыбаются. Потом, впрочем, все вернулось на круги своя...

— У нас месяц гостила одна девочка, которая приезжала сюда вместе с родителями, лет 12. Позже я встретился с ней в России и говорю: «Ну как тебе, понравилось у нас в Греции?» Она говорит: «Знаете, я за месяц настолько привыкла, что вокруг нормальные люди, все улыбаются, все вежливые, все нормально разговаривают, и тут я выхожу во двор — и разговор идет только на „х...“, „п...“, „б...“». И она пришла в такой ужас, что просто взяла родителей за грудки и сказала: «Мама, папа, везите меня назад, я хочу там жить!» И в конце концов ее отправили, она осталась жить в Греции.

— Отец Клеона, в вашем «ЖЖ» вы часто пишете о положении монашества в России. Почему вас это интересует? Ведь, казалось, могли бы спокойно жить у себя в греческой келье и не волноваться о далекой России...

— Потому что я сам жил в монастыре в России и знаю, какие там условия. У меня много знакомых и друзей среди русских монахов и монахинь. Многие вещи сейчас могут сильно усложнить их жизнь. Меня это беспокоит, и я на это отзываюсь.

ЧЕМУ ЗАВИДОВАТЬ В РОССИИ

— В одной из своих записей в «ЖЖ» вы

пишете, что греки нам могут завидовать, потому что у нас нет такой зависимости Церкви от государства, какая есть в Греции. Интересно, в чем еще можно Русской Церкви позавидовать?

— Есть такой известный греческий священник Моисей Святогорец (Моисей Агиорит). Он живет на Афоне, пишет на разные злободневные темы. И несколько раз он писал, что в то время, когда Православие в Греции умалается, в России оно расцветает. Например, в Греции сейчас пытаются отменить Закон Божий в школах, а в России пытаются его ввести. В Греции храмы закрываются, а в России строятся. То есть можно наблюдать прямо противоположные тенденции.

— *Закрываются? Но почему? Некому служить?*

— По разным причинам. В том числе и потому, что служить некому. Священники умирают и уходят на пенсию, а новых священников государство сейчас ставить не позволяет, не больше пары человек в год на епархию получается.

Наш монастырь окормляет деревню в 500 домов. Кроме этого здесь сложилась практика, что не каждый священник имеет право исповедовать. Люди ездят к своему духовнику, который, кстати, может жить в другой епархии. Вот в России не приветствуется общение с духовником на расстоянии — через письма, e-mail, телефонные звонки. А здесь это считается нормальным.

Епархия нас часто просит, как правило в Рождественский и Великий посты, заниматься

именно исповедями. То есть выделяется примерно 10–15 деревень, которые надо перед Рождеством и перед Пасхой посетить. Заранее договариваешься со священником этого прихода, он дает объявление, что в такой-то день приедет духовник, исповедующий священник и можно прийти исповедаться. И наши отцы ездят, иногда просто по домам ходят, всю деревню обходят и спрашивают: «Кто хочет исповедаться?» Вот такие местные особенности.

— *Да, абсолютно другая традиция!*

— Кстати, грекам очень нравится русское благочестие. В нашем представлении они неблагочестивые, или, скажем, более прохладные. Например, по отношению к святыням. У них просто этого нет в менталитете. К каким-то вещам они проще относятся. Меня греки часто спрашивают: «Правда ли, что у вас в России на службе не сидят, а стоят?» Я говорю: «Правда». Их это удивляет! Но что касается богословского образования или, скажем, катехизации населения, то в Греции с этим дела обстоят гораздо лучше.

Они все к Церкви привыкли, они в ней с самого рождения. Все крещеные, все в школе изучали Закон Божий. Для них Церковь всегда была родным домом. А дом — это то место, где ведешь себя более свободно и просто, нежели, например, в гостях. Для греков Церковь — это та среда, вокруг которой сохранялась нация при турках. То есть священник был представителем

греческой общины в любом районе, в Церкви всегда проводились выборы, собрания населения, крещение, отпевание и все остальное. И поэтому здесь к Церкви отношение немного иное.

— А как вам кажется, в какой среде христианину легче жить: в такой, где Церковь — это нечто привычное и знакомое, «свое», или же там, где люди к Церкви в целом не очень близки?

— Настоящему христианину везде нелегко. Христианину хорошо там, где его хочет видеть Бог — конкретно именно тебя. Будешь на своем месте, тогда тебе будет хорошо. А приходская жизнь в России, мне кажется, не слабее, чем в Греции.

— Даже несмотря на то что у нас она восстанавливается только последние 20 лет?

— Да, пульс напряженности приходской жизни в России часто даже выше, чем здесь, в Греции. Но монашеская жизнь, состояние монашества в Греции лучше в силу объективных причин, о чем мы говорили ранее.

КОГДА ГЛАВНОЕ — ЭТО БОГ

— С одной стороны, вы священник, у вас есть паства, которая, конечно, требует и внимания, и времени, а с другой стороны, вы монах, призванный к сосредоточенной молитве. Как быть с этим противоречием?

— Конечно, такое противоречие возникает. Зачастую это совершенно противоположный образ

жизни, мыслей. Если для монаха идеал — это безвестность, закрытость, уединение, личная молитва, то священник — это уже более открытый для мира человек, к нему приходит множество людей. Тут самое главное, кем ты сам себя считаешь. Я, иеромонах, в большей степени «монос» или «иеро»? О себе могу сказать, что ощущаю себя в большей степени монахом, чем священнослужителем.

Но, нельзя не упомянуть и то обстоятельство, что в Греции иеромонах — это просто такое послушание в монастыре. Монах в священном сане ничем не отличается от остальной братии, никак особенно не выделяется. В России же это зачастую некая прослойка со своим образом жизни.

— *Как вам кажется, монашество и жизнь в семье — это действительно два единственно верных христианских пути, и третьего не дано? Или сейчас, в современных условиях, когда сама необходимость такого выбора неочевидна, как-то все-таки иначе можно взглянуть на это?*

— И раньше выбор был неочевиден. Например, профессор Алексей Ильич Осипов, критикуя книгу «Откровенные рассказы странника»²⁹, говорит: «Она прелестна (от старославянско-

²⁹ «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» — памятник русской духовной литературы XIX века. Главный герой книги, странствующий православный мистик из народа, повествует о практике непрестанной внутренней, сердечной молитвы и о своих скитаниях по дорогам Святой Руси.

го слова «лесть» в значении «ложь», «обман». — *Примеч. ред.*), потому что там указан очень легкий путь достижения Иисусовой молитвы». А я читаю эту книжку и думаю: «Господи, да где ж там „очень легкий путь“, когда еще до того, как этот странник начал учиться Иисусовой молитве, он вместе с женой перед сном совершал по тысяче земных поклонов, чтобы не соблазниться! Поживи так десять лет, — конечно, тебе молитва откроется!» То есть люди-то зачастую и в миру жили очень целомудренной жизнью.

Ведь монахи в монастырь приходят по разным поводам — все очень разные. Один приходит из страха Божия, другой — по любви к Богу. Третьему просто негде жить. Четвертый приходит не из-за любви к монашеству, а просто потому, что не любит семью — ему лень растить детей, строить отношения с человеком противоположного пола. Таких очень много в нынешнем поколении. С другой стороны, знаю мирян, которые шесть — девять часов в день посвящают Иисусовой молитве. Даже монахи не всегда так молятся. Поэтому я бы не стал говорить, что эти два пути принципиально отличаются.

Можно и в миру остаться жить, но и в брак не вступать, и в монастырь не уходить. Бывает так: человек живет один, подвизается, молится. А другой, например, еще находится в состоянии неопределенности — и этот период неопределенности может продолжаться до довольно зрелого

возраста. Нет однозначных ответов...

— *И все-таки, что самое главное в монашестве?*

— Что самое главное? Бог.

Монахами становятся те, кто, как я уже говорил, любит Бога больше остальных. Не потому, что они остальных не любят, но потому, что Бога любят больше. Для них это главная цель в жизни, они хотят быть с Богом. И Господь им открыл, что для них удобен именно такой путь.

Поэтому в монастырь не убегают от кого-то, а прибегают к чему-то — к Богу, к монашеской форме жизни. И это касается не только монашества, а вообще всей духовной жизни. Старец Порфирий Кавсокаливит, например, говорит, что надо всегда и везде побеждать любовью. То есть, скажем, не бороться с бесом блуда, а возлюбить целомудрие, не бороться с многоспанием, а полюбить утреннюю свежесть, полюбить восход солнца, пение птиц. И тогда человек очень легко побеждает какие-то страсти, он идет вперед, он не останавливается, потому что у него есть цель, он бежит к этой цели. Его не толкает что-то сзади, он летит вперед, он превращается в стрелу, которая видит только свою цель — Бога. Все остальное вокруг перестает существовать.

Когда ты Бога любишь и к Нему тянешься, ты видишь только Его, не смотришь ни на какие помыслы. Если отвлечешься от зрения Бога, от этого состояния трезвения и начнешь рас-

смаатривать свой помысел, даже если ты его не примешь, само рассмотрение этого помысла уже можно считать поражением, потому что ты отвлек свой ум от Бога. Когда смотришь на Бога и желаешь с Ним быть, ты с Ним общаешься, у тебя получается живое богообщение. Если что-то встает между тобой и Богом, какая-то тучка проходит между тобой и Солнцем-Христом, тогда ты начинаешь скорбеть, плакать, начинаешь жаловаться Богу на то, что потерял Его, отлучился от Христа. И тогда Христос приходит — и разгоняет все эти тучки.

— *Отец Клеона, вас послушаешь — и складывается совершенно другое впечатление о монашестве. Почему же в обществе столько негативных стереотипов, даже страхов?*

— Я ни разу не видел такой ситуации, как в романах, когда девушка или парень уходит в монастырь из-за несчастной любви, заламывает руки: «Все, мне жизнь не мила, больше ничего не будет, ухожу в монастырь!» Такие придут в монастырь, быстро отрезвятся и в скором времени вернутся домой.

— *Тем не менее это один из любимых сюжетов кино, литературы.*

— Это бывает только в кино. Реальность совсем другая. Но понять ее извне — невозможно.

Почему? Знаете, для меня закрыта суть брака. Об этом я могу рассуждать лишь теоретически. Так и вы никогда не поймете, что происходит

в монастыре, если не проживете в нем хотя бы год. Чтобы добраться до сути, требуется очень много времени...

Раньше на Афоне, если человек прожил в монастыре менее десяти лет и уже начинал открывать рот и рассуждать о духовной жизни, о монашестве — на него смотрели как на дурака. Архимандрит Софроний (Сахаров) говорил о периоде в 15 лет. Ты должен что-то передумать, осмыслить, что-то должно отложиться в голове, в душе, чтобы ты смог это воплотить в жизнь.

— *Что бы вы ответили человеку, задавшему один-единственный вопрос: «Зачем вы здесь?»*

— Я хочу быть с Богом. Ничего другого.

Игуменья Иоанна (Егорова)

**Игуменья Иоанна (Егорова), настоятельница
Введено-Оятского монастыря, Ленинградская область**

Какой нужно быть настоятельнице восстанавливающегося, не избалованного паломниками монастыря? Уметь руководить строительными работами и быть «мамой» всем насельницам — это понятно. А что еще? Наверное, не отказываться принимать в обители группы молодежи; несмотря на занятость, уметь находить время для душевного разговора; работать рядом с трудниками не покладая рук, опережая и заражая примером... Этими качествами, безусловно, обладает настоятельница Введено-Оятского монастыря — игуменья Иоанна (Егорова). Но все-таки из всех этих черт я бы выделила другую, главную, запоминающуюся — искренность. Она — настоящая. Возможно, поэтому в нашем разговоре постоянным рефреном звучала фраза: «Правды хотелось»...

Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним.

Евангелие от Марка 1: 16–18

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

— Матушка, знаете, у меня есть в «Смешариках» любимый мультик. Его герой, поэт Бараш, так искал одиночества, что сбежал на необитаемый остров. Насладившись сполна тем, что ему никто наконец не мешает писать стихи, он затосковал и заболел... Монахами, как никем, процесс ухода от людей изучен в совершенстве. Как вы считаете, все-таки люди друг другу мешают или помогают?

— Бараша можно понять: в уединении от мира бывает такое состояние, когда ты готов бежать на любую дорогу, чтобы увидеть хоть кого-нибудь и услышать человеческий голос.

Но, во-первых, «уход от людей» — так нельзя про нас сказать: мы живем в общежительном монастыре. Это все-таки не отшельничество. Сейчас вообще очень немного тех, кто способен жить отшельником — это большой подвиг, и человек перед этим должен достигнуть некоторой степени совершенства, иначе он не выдержит самого себя. Во-вторых, люди нам, монахам, все равно нужны. В общежительном монастыре это в первую очередь сестры, которые живут на одной территории, ходят на одни послушания, постоянно находятся во взаимодействии друг с другом. Это мощный инструмент для того, чтобы увидеть свои немощи.

Многие думают: «Ах, если бы я был один, то я был бы таким хорошим!.. Не срывался, не согрешал». Но это не совсем так. И общежество в обители как раз для того, чтобы эту ошибку вскрыть, обнаружить. Ведь когда мы соприкасаемся с немощами других людей, тогда замечаем и свои. Замечаем, что мы терпеть не умеем, любить не умеем, прощать не умеем, быть в тени не умеем... Ведь в монастыре, как и в семье, конфликты какие-то бывают, споры, недопонимания. Но если ты стремишься к духовному возрастанию, то через это можешь что-то в себе увидеть и начать над собой работать. Постепенно Господь тебе открывает твои недостатки...

— *Сестры сестрами, а поток людей в монастыре?*

— Мне кажется, людям сегодня приезжать в монастырь особенно нужно. Современный мир настолько отличается агрессивной средой, что, когда человек соприкасается хоть ненадолго с нашим, иным миром, он многое для себя находит. Ведь люди не к нам приезжают, они к Богу приезжают в первую очередь, и наше дело — стараться принимать их с любовью. Конечно, в каждом монастыре есть предел возможности приема людей — ну не может быть на десять монахинь несколько тысяч паломников. Поэтому принимаем по мере сил.

Конечно, есть обители, где, я знаю, братья-сестры даже стараются в дневное время не выходить из кельи — потому что наплыв паломников колоссальный. Вот в Балаамском монастыре, когда мы приезжали, на людях особо не видно было никого из братии. Но тем не менее монастыри сегодня людей принимают. Во-первых, в этом и заключается их служение, а во-вторых, монастыри во многом живут за счет паломников.

Я ПОЧУВСТВОВАЛА,
ЧТО Я ЗДЕСЬ НУЖНА

— Часто говорят о монашеском призвании. Оно с детства ощущается? Иными словами, вы были пай-девочкой?

— Не скажу. У меня есть старший брат, поэтому и воспитание у меня было скорее мальчишеским. Капризничать много нельзя — задразнит.

Дружила с мальчишками, по деревьям лазила... В школе тоже чисто по юности чудили, например по Невскому босиком ходили. Поэтому я спокойно смотрю на молодежь с какими-нибудь зелеными волосами. Ну, это момент жизни такой — сам не знаешь, чего хочешь. Вот и я не знала, чего хотела: поступила в университет на физфак, потом бросила. Поработала в разных местах — лаборанткой в школе, осветителем в театре... Потом поступила на матмех на вечернее отделение. Тоже бросила. В общем, болталась. Правды какой-то искала. Но пока не понимала, где эта правда...

— А как нашли?

— Ну, как многие, наверное. В 1990-е приехали западные проповедники, стали собирать стадионы для проповедей и раздавать Евангелие. Как культурный человек, я, конечно, считала, что

должна знать Библию, — и стала ее читать. А крестилась за компанию, подружка уговорила. Тогда ждали очередного конца света, и она потащила меня креститься. Ну, pokрестились, ничего не поняв. Причащаться я не пошла: зачем идти, если неясно, что происходит? Но, видимо, Господь потихоньку работал при всем моем нежелании. Толчок к осознанной вере был смешным — преподаватель в университете сказал: «Вы это должны знать, как „Отче наш“! — потом добавил в сердцах: — Да вы и „Отче наш“ не знаете!» Я обиделась, пришла домой, начала читать... «Отче наш», Нагорную проповедь, до нее, после нее... И как-то вошло в меня осознание, что это — правда. Какие-то умственные препятствия в тот момент были сняты. Подумалось: если Бог из ничего создал мир, неужели Он не мог и Христа воскресить? Я не сразу, конечно, побежала в церковь, но что-то поменялось внутри, движение пошло в нужном направлении.

— *Вы стали ходить в храм? А как дошло дело до монашества?*

— Я попала в храм святых мучениц Веры, Надежды и Любви, потому что, опять же, подруга недалеко от него жила. Она уговаривала: «Ой, какой там батюшка, какой батюшка!» Пошли. Настоятельствовал там отец Лукиан — монах, будущий епископ. Сначала он мне не понравился: говорил просто, с украинским говорком. Ухо питерское резало — я себя такой культурной считала! Но потом сходила в другой храм — нет,

что-то не то. Вернулась. Так и стала туда ходить. Там была очень хорошая община. Много молодежи, половина из которой потом ушла в монастырь — так нас отец Лукиан своим монашеским примером заразил. Я почувствовала, что это мое, что я здесь нужна. Однажды батюшка сказал: кто хочет потрудиться, может поехать помочь матушкам (тогда только начал строиться Покрово-Тервенический монастырь, в который я сначала поступила). Мы с подружкой и поехали, это было в 1993 году, летом. Но про свое призвание я поняла еще до этого. Посмотрела фильм про мать Терезу, и меня стукнуло: вот чего я хочу. В монастырь хочу! Но для начала я пошла работать в больницу, а потом — учиться в медицинское училище, чтоб хоть что-то полезное делать людям.

— Сколько вам было, когда «стукнуло»?

— Около 20. А послушницей я стала в 25 — должен был пройти какой-то период адаптации к этому решению. У меня мама была некрещеной. Старший брат уже не с нами жил, отец рано умер — и мы с мамой были как две подружки. Я понимала, что, если я скажу про монастырь, ее это шокирует. Надо было, чтобы все это созрело.

ЛЕГКО ЛИ ДОЧКЕ-НАЧАЛЬНИЦЕ?

— А как произошла метаморфоза — из некрещеной мамы в инокиню Софию, настоятельницу подворья Введено-Оятского монастыря?

— Мама, конечно, мое решение о монашестве тяжело переживала. Но батюшка очень мягко забрал меня в монастырь: сначала я несла послушание на городском подворье, заканчивала медучилище. Мама через какое-то время приняла решение креститься. Ну, просто потому, что она мне друг. Она не захотела отрываться внутренне от меня. Ведь близким людям недостаточно только внешне быть вместе. Мама крестилась, стала помогать в храме, несла послушание в трапезной. Потом, когда меня назначили настоятельницей в Введено-Оятский монастырь, приехала и туда. Потому что «помогать надо».

— *А чисто теоретически, могла мама вас изначально «не пустить» в монастырь?*

— Я была такой вредной, что меня сложно было куда-то не пустить. Ведь я и из института не спрашивая уходила, и работу меняла...

— *Сейчас вы начальница своей мамы, кто кого слушается?*

— В вопросах, скажем так, технических ей, конечно, приходится меня слушаться как начальницу, а в каких-то внутренних моментах, скорее, друг друга слушаем. У нас ведь остались такие же дружеские отношения, и обычно мы не расходимся сильно во мнениях.

— *А сложно вообще слушаться?*

— Это всегда тяжело — и я до сих пор не имею такого послушания, какое должно быть у монахини... Все равно собственное «я» всегда хочет

чего-то своего. Это вообще самое сложное в монастыре — научиться слушать другого. У митрополита Сурожского Антония очень хорошо об этом написано: послушание от слова «слушать». Послушание — не для того, чтобы стать винтиком механизма, а чтобы научиться слышать своего близкого человека, а через это научиться слышать, что Бог тебе говорит.

— *У монастырских настоятелей во владении судьбы людей. Не страшно ли ошибиться? Бывает ли, что настоятельница дает кому-то послушание не по силам, а потом понимает, что надо было сделать по-другому?*

— Бывает и так... Мы все несовершенны, нет человека без греха. Только Бог без греха. Но надо учитывать, что матушка не сама пришла на эту должность, а ее призвали. Ведь Бог ведет каждого человека и испытания сверх меры не даст. Тем не менее обольщаться тем, что все будет идеально, не следует. Это постоянная работа над собой, размышления, переживания, сомнения... Ответственность огромна, и дров наломать можно много. Но разве в семье такого не бывает? И родители могут ошибиться, создать детям такие условия, что у них на всю жизнь будет отпечаток. Но время все расставляет на свои места...

— *Может ли настоятельница, если она поняла, что ошибалась, попросить прощения?*

— Конечно, может. И даже хорошо, если попросит. Но это бывает бесполезно тому человеку,

у которого надо просить прощения. Здесь все индивидуально... Я человек не с крутым характером, не люблю кричать. Мне бывает тяжело быть жесткой, а иногда это нужно. Ведь все люди разные: кому-то нужна строгость, а иначе он, как ребенок, расшалится. Надо его остановить, чтобы он успокоился. А к кому-то надо помягче подойти.

«ПОДЪЕМЫ, УМЫВАНИЯ И ПО СВИСТКУ КУПАНИЯ»

— У вас в обители всего десять насельниц. Много ли сегодня желающих поступить в монастырь? Существует ли какой-то «отсев» желающих?

— Да, у нас за последнее время практически не изменилось количество сестер: одна матушка в скиту, одна на подворье, остальные в монастыре. Желающих приехать надолго — считанные единицы. А тех, кто хочет поработать с возможной перспективой остаться, и того меньше. Трудниками мы принимаем практически всех, какого-то жесткого «отсева» нет. Но если человек не вписывается в наш порядок — ну просто он не может — то, конечно, он не остается, уезжает. Я имею в виду элементарные вещи: вовремя прийти на трапезу, пойти на послушание, то есть по возможности исполнять то, что тебе говорят. В общем, ничего сверхъестественного нет, но сегодня и это могут немногие.

— *Какой распорядок в монастыре для трудников?*

— Завтрак в 7:30, до этого, кто желает, может пойти на монашеское правило. Кто не хочет — ну, придет к завтраку просто, это дело благочестия каждого. Богослужения у нас в основном по выходным. Если человек хочет жить в монастыре долго, желательно посещать эти богослужения и в первую очередь причащаться. Долго человек в монастыре не причащаясь не может прожить, знаю по опыту. Первое время он, конечно, продержится на той благодати, которая наполняет при приезде в обитель. По себе помню — прямо на крыльях летаешь, хотя и тяжело. Но если человек не работает над собой (а Причастие все-таки предполагает работу над собой, некую поэтапную оценку себя и попытку изменения), то у тебя начнутся проблемы...

Далее, после завтрака — послушания, обед в 13:30, небольшой отдых и снова послушания до ужина в 19:30. Потом свободное время. В общем график не перенапряженный. Отбоя как такового нет, но желательно все-таки после 11 вечера друг другу не мешать.

— *А если вы в 12 часов ночи заметили, что кто-то сидит и болтает? Как вы поступите? Как строгая мама?*

— Смотря кто. Но особо я не замечала, чтобы кто-то сидел и болтал так поздно — все-таки устают сестры, рано встают... Вообще у нас доста-

точно свободно: и по телефону мобильному родственникам звонят, и по скайпу разговаривают. Я особенно не пресекаю ничье общение: ну жизнь такая в монастыре непростая, что нужно немножко пораспустить, а не закручивать гайки.

— *Можно матушкам вечером попить чаю, если вдруг захотелось?*

— Конечно. У нас это не запрещается, хотя где-то в монастырях наверняка запрещено. У нас даже дается на неделю в келью что-нибудь к чаю, чтобы ты мог, когда тебе надо, попить чайку.

— *Есть «популярные» и устроенные обители, как упомянутый Валаамский монастырь, куда едет множество паломников, а ваш монастырь можно назвать небогатым. Я знаю, когда вы туда поступили, то даже есть было нечего...*

— Да, помню, на складе что-то оставалось, а вот денег вообще не было. Дров не было, воды... Деньги на хлеб мне дал один паломник. Потом немного пришло почтовых переводов. В неделю у нас было 500–700 рублей. Ну, каши и макаронны... А что делать? Бог не без милости. Так, чтобы совсем ничего не было, не случалось. Если критическая ситуация, то занимали у местных жителей. Приходилось и такие вещи делать. Всякое может быть...

— *Тяжеловато на каше или макаронах?*

— Конечно. Я и сама в таких случаях не очень нормально себя чувствовала. Но все мы под Богом. Сегодня все есть, а завтра может и не быть.

Конечно, иногда хочется вкусенького. И если есть возможность, то стараемся приготовить красиво и вкусно.

— *Что монахини любят, если не секрет?*

— Что-нибудь сладенькое, шоколадку например.

— *А бывает так, что сам себя пытаешься ограничить: дескать, хочу, но не буду?*

— У каждого своя мера. Иногда лучше по-есть, но не злиться. Чтобы человек мог работать, он должен нормально питаться. А если хочешь себя ограничивать, ну не бери конфеты со стола, вот и все.

ТАКАЯ ЖЕ РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

— *Вот вы говорили, что монастырский «при-
рост» за последние годы практически равен нулю.
Как это можно объяснить?*

— Мне кажется, что современным людям очень сложно остановиться, заглянуть в себя — такая вокруг атмосфера гонки, напряженности. В миру сегодня настолько противоположная монастырю жизнь (хотя и в монастыре жизнь далеко не такая, какой должна была быть и какой, возможно, она представляется), что людям очень сложно переключиться. Да и представление о монашестве совершенно нереальное. Какие-то фантазии. Что это что-то очень страшное или очень блаженное.

Некоторые люди звонят и спрашивают: «А можно просто войти в монастырь?» То есть считается, что это очень закрытая структура, куда вообще нельзя попасть. А если попал — то нельзя выйти.

Монастырь — это не страшное, но и совершенно не блаженное. Это реальная жизнь, хотя и особенная, но реальная, причем нелегкая.

Кроме того, перед тем как захотеть подвизаться в монастыре, следует пройти некую внутреннюю подготовку. Это движение начаться должно в миру. Надо не просто на службы ходить, а уметь работать над собой, хоть чуть-чуть. Монастырская жизнь ведь предъявляет определенные требования, ты сталкиваешься с такими вещами в себе, с которыми тебе приходится разбираться долго и трудно. Поэтому решиться поступить в обитель — это очень серьезный выбор.

— Бывает, человек и работает над собой, и в храм ходит... А какие-то мелкие противные вещи в себе ну никак не может изменить! Это даже может ввести в уныние. Были ли у вас такие внутренние препоны, трудности, что прямо не сдвинуться с них?

— Конечно. Таких препон может быть очень много. С некоторыми вещами в себе, даже которые ты понял (а есть много, которых ты не понял!), можно никогда и не справиться. Они у тебя уже давно, можно сказать, выросли в тебя. Их изживать надо! И я думаю, Господь понимание своего

несовершенства дает для смирения. Может быть, если ты сильно преуспеешь в работе над собой, то и на других начнешь горделиво поглядывать: «Вот, я со своими недостатками справился, что ж они!» Все равно ведь «всяк человек ложь» (Пс. 115: 2). И даже святые, которых люди уже при жизни почитали как праведников, считали себя последними грешниками. Потому что видели Бога и видели свое несовершенство.

— *А молиться сложно? Вычитывать длинные монашеские правила...*

— Ну, во-первых, не такие уж длинные. Во-вторых, в храме на службе молиться не так уж сложно: ведь «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20). А с другой стороны, вычитать как раз легко. А вот молиться — тяжело. Даже работать легче, чем молиться. Но если не будешь себя понуждать, если не будешь пытаться грести на бурной реке жизни — уплывешь по течению вниз... Надо грести, хотя бы чтобы стоять на месте. Понятно, что здесь степень у каждого своя.

ПОКА НЕ ПОЖИВЕШЬ САМ, НЕ УЗНАЕШЬ

— *Что происходит с насельницей, если она уходит из монастыря?*

— Чем больше человек живет в монастыре (а особенно если он уходит, успев принять

постриг), тем такой уход для него болезненней. Нам тоже всегда больно, когда кто-то уходит, ведь это член семьи. Может, даже ссорился с этим человеком или характер у него сложный... но чувство потери есть в любом случае. А для того, кто ушел... Наверняка сначала думает: «Все, ура, теперь я могу выспаться, никто меня не трогает и не заставляет ничего делать!» Но потом — я это по некоторым из ушедших знаю — наступает чувство утраты, причем очень серьезное. Даже если и появилась семья, дети — все равно...

В монастыре все-таки, хоть это и тяжелое служение, есть такое особенное счастье, по которому человек потом плачет — возможно, всю жизнь.

— А возвраты могут быть?

— Могут, но человеку тогда какой-то испытательный срок нужно назначать. Где-то может его и вовсе не примут, а где-то примут с покаянием. Ведь это внутренне очень серьезная ломка, как развод. Представьте мужа, который ушел, а потом вернулся. Все ли будет абсолютно гладко теперь?

— Матушка, а вот если монахиня не собирается уходить из монастыря, но вдруг она влюбилась. Что тогда делать?

— Терпеть, любить... Ведь у слова «любовь» очень много смыслов. Это может быть влюбленность, и с ней нужно побороться. А если это любовь в высоком своем проявлении, то ты не будешь стремиться, чтобы у вас «что-то там получилось», а будешь желать для этого человека

спасения прежде всего. И тогда ты можешь его любить, даже если для этого потребуется никогда больше с ним не видеться. Любовь требует терпения и внутреннего знания, почему ты пришел в монастырь, почему ты здесь.

— *А как бороться?*

— Богу молиться, помощи просить. Просто терпеть.

— *Матушка, неудобный вопрос: а как вообще это — знать, что ты никогда не родишь? Все же для женщины он очень важен.*

— Материнство может проявляться не только вот так, напрямую. Может — в заботе о ближних, о сестрах, о детях, которые приходят в монастырь... У меня этот вопрос остро никогда не стоял — не знаю, может, у других по-другому.

— *Но что было на другой чаше весов, когда вы собирались в монастырь? Вы же не знали тогда о том счастье, о котором сейчас говорите?*

— Ну конечно, мне было страшно. Думала: а вдруг не справлюсь, не смогу, не получится... Но, с другой стороны, и надежда была. Вот вы сами говорили о призвании. Этот зов ощущаешь внутри. Знаете, я жила рядом с Иоанновским монастырем и иногда ходила туда на службы (когда работала медсестрой сутками и с утра было не успеть доехать до своего храма). И вот я видела сестер, их монашеские одежды... и у меня прямо под ложечкой сосало: хочу быть, как эти сестры...

Понятно, что тогдашнее представление о монастырях и сегодняшний опыт — совсем разные вещи. Тогда и книг не было, да и не прочитать об этом. Пока не поживешь сам — не узнаешь.

БОГУ НУЖНЫ МЫ — РЕАЛЬНЫЕ, КАКИЕ ЕСТЬ

— *Как вы считаете, должны ли монастыри заниматься социальной работой?*

— Монастырь — это в первую очередь служение. Монах, отрешаясь от земных дел — работы, заботы о пропитании семьи, о детях, — полностью себя посвящает служению. А оно может быть разным: псалтирь читать, приемных детей воспитывать, паломников встречать, корову доить.

— *А в вашем монастыре как, получается заниматься социальной работой?*

— У нас сложились очень хорошие отношения с местной школой. И уже седьмой год при школе действует клуб «Родник» — это общение, какие-то занятия, театральные постановки, поездки. Стараемся просто детей чем-то занять полезным, побыть с ними.

Это ведь обычные деревенские дети, из очень разных и очень непростых семей. Многие живут с бабушкой-дедушкой, родители пьют. Многие чувствуют себя брошенными. Многие дома слышат такую речь, где без мата нет ни одного предложения... В школе в качестве приличной замены

они говорят «блин» — и этот «блин» у них на каждом слове. Вот такие ребята у нас. Но я по себе знаю: все, чем я занималась в детстве, — куча кружков, спортивных секций — мне в монастыре все пригодилось. Абсолютно все. Думаю, и им пригодятся занятия в нашем «Роднике».

— *А в храм они когда-нибудь приходят?*

— Приходят... Некоторые старшие девочки поют у нас на клиросе до сих пор.

— *Матушка, что вас в жизни очень радует и очень огорчает?*

— Огорчает секуляризация внутри Церкви. К сожалению, сегодня мир пытается проникнуть в Церковь через какие-то внешние атрибуты. Появляется много формальных вещей. И получается, что внешне все благолепно, но внутри за этим может ничего не быть.

А хочется настоящего, правды хочется. В себе в первую очередь. В ближних. В монастыре. Богу нужны мы, реальные, какие есть. Если же от нас останется только форма, то тогда никого не найдешь — ни Бога, ни себя, ни новых членов Церкви...

Что радует меня? Радует, когда в монастыре все хорошо. Бывают такие моменты, когда и сестры понимающие, и все удается... как хорошо! Еще природа радует. Птичек послушаешь, на травку посмотришь — какая сила жизни, какая Божия красота! И человеческая внутренняя красота тоже очень радует. Вижу много людей — цельных, светлых, интересных, творческих, — которые делу

своему служат. Бескорыстно, по-настоящему — приятно посмотреть.

За нашу страну сегодня немного страшно: непонятно, что у нас происходит и что нас ждет. Поэтому, когда видишь людей, которые что-то создают вокруг себя — не болтают, не критикуют, а именно создают, — это очень здорово. Значит, не все у нас потеряно. Значит, есть у нас правда.

ИГУМЕН НЕКТАРИЙ (МОРОЗОВ)

Игумен Нектарий (Морозов), настоятель храма во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла, г. Саратов

«В принципе, если нужно, я готов беседовать с вами до поезда», — говорит отец Нектарий. «До поезда» — это значит добрую половину светового дня: настоятель — на тот момент — двух храмов, благочинный и еще имеющий множество послушаний отец игумен перенес свои дела ради серьезного разговора о том, что на протяжении всей жизни являлось и является для него самым важным.

О бесчисленным дарах Божиих, о зеркале утраченных иллюзий и о том, ради чего и ради Кого можно жить и умирать — разговор с игуменом Нектарием (Морозовым).

*Ибо по мере, как умножаются в нас
страдания Христовы,
умножается Христом и утешение наше.*
2 Кор. 1: 5

— Когда-то, еще будучи совсем молодым человеком, я записал в дневнике мысль, которая показалась мне на тот момент верной, но которой я тогда до конца, наверное, все же не понимал. О том, что вся жизнь представляет из себя либо одно сплошное чудо, либо непрестанное сцепление чудес, и поэтому нет смысла выделять в ней какие-то отдельные исключительные события и именовать собственно чудом лишь их.

Мне тогда это, видимо, казалось очень оригинальным. Но сегодня я убежден, что — так оно и есть. Впрочем, исключительные события все же порой выделяю: иногда без этого никак не обойтись.

ЧУДО О СОБАКЕ

— Я очень хорошо помню, что был совсем неверующим ребенком, рос в нерелигиозной среде.

Единственным верующим человеком была в то время в семье моя бабушка. Она была старообрядкой, которая впрочем уже присоединилась к Православной Церкви, но какие-то особенности старообрядческого уклада сохраняла. Это был такой своеобразный тип религиозности. Нет, это не отталкивало, не привлекало, просто для меня тогда многое из этого своеобразия было непонятно.

Трудно сказать откуда — точно не от мамы — в самом раннем детстве я успел нахвататься самых разных тезисов, опровергавших, как мне казалось, существование Бога, и в своих религиозных спорах с бабушкой я активно эти тезисы использовал, вплоть до полета в космос и отсутствия встречи с Богом космонавтов. Откуда я это взял? Непонятно... И тем удивительнее то, что случилось потом.

Мне было лет 10–11, у нас в то время была собака, которую я очень любил. Ее отравили соседи, и она умирала. Не было никакого шанса, что она выживет, потому что вся слизистая ее была сожжена. От нас настойчиво требовали, чтобы мы пса усыпили, не давали ему мучиться. Но мы на это не решались.

И я, по необъяснимой для меня до сих пор причине, первый раз в жизни обратился к Богу с молитвой, которая звучала примерно так: «Господи, пусть он выздоровеет, а я за это в Тебя поверю!» Вряд ли эта молитва у меня сама родилась в сердце, скорее, это был отклик на какое-то

прикосновение Божие к душе, которое мое прошение предварило.

И самое поразительное заключалось не в том, что буквально в этот же день пес из состояния абсолютно безнадежного пошел на поправку, выздоровел и впоследствии прожил еще десять лет... Самое поразительное было другое: когда я произнес эти слова, я пережил то, что можно назвать некой первой встречей с Богом, по крайней мере первой осознанной встречей. С одной стороны, я почувствовал что-то родное и знакомое, с другой — то, чего никогда не ощущал, почувствовал ответ на свою детскую просьбу.

Потом, лет в 11–12, наверное, я в первый раз прочитал Евангелие. Не могу сказать, что прочитанное по-настоящему глубоко в мое сердце вошло — нет. Как раз не очень глубоко. Тем не менее у меня осталось очень сильное какое-то чувство, очень сильная, в слова не укладывающаяся память о прочтении Евангелия. Я помню, именно история земной жизни Спасителя меня глубоко ранила.

Когда мне было лет 16–17, при тяжелых очень обстоятельствах ушел из жизни мой товарищ, с которым мы вместе занимались спортом: из-за какой-то несуразности он покончил жизнь самоубийством. На меня и на ряд близких моих друзей, с которыми мы вместе спортивной жизнью жили, это трагическое событие произвело сильнейшее впечатление.

Вскоре после этого я крестился, и потихоньку началась моя церковная жизнь.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ И НЕОЖИДАННЫЙ ЖУРФАК

— Первым храмом, куда я пришел, был храм Воскресения Словущего в Брюсовом переулке. В это время там служило несколько ярких, впоследствии известных московских священников: покойный протоиерей Геннадий Огрызков, протоиерей Артемий Владимиров, протоиерей Владимир Ригин.

Священник тогда существовал в совершенно других условиях, нежели сейчас. Если вспомнить, сколько народа приходило в храм, чтобы исповедоваться и причаститься в дни Великого или Рождественского поста — там люди просто падали в обморок, потому что некоторым не хватало воздуха и не было сил столько времени выстоять. Впрочем «падали» — это еще сильно преувеличено сказано, потому что упасть было просто некуда, так много было народу. Поэтому я особенно благодарен, что священники — отец Геннадий, отец Владимир, — с которыми у меня с самого начала сложились добрые отношения, для меня находили время. Оно было для меня, безусловно, очень важно.

Потом уже, когда я только-только радость церковной жизни почувствовал, когда начал ее

более или менее понимать, к Евангелию я совершенно иначе, сизнова возвратился.

К тому времени уже началась — фактически в 18 лет — моя журналистская работа со всеми сложностями, с которыми она сопряжена. И, вне всякого сомнения, это меня с какой-то стороны из церковной среды, церковной жизни уводило, выдергивало, потому что — уж очень это два разных мира были.

— *Как случилось, что вы пошли именно в журналистику?*

— Скажем так, это было такое чудное достаточно стечение обстоятельств.

Я, будучи от природы достаточно болезненным и нежизнеспособным ребенком, пытаюсь как-то с Божией помощью из своих болезней выкарабкаться, начал заниматься спортом. И занимался так, что это по окончании школы привело меня к порогу физкультурного института. Но первый раз перед экзаменом я сломал руку — у меня был очень тяжелый перелом, и я не смог поступать, а на следующий год, непосредственно перед экзаменами, я пришел к выводу, что поступать в физкультурный институт не буду, а почему — не знаю...

И надо было идти в армию, собственно говоря, что я и собирался делать. В этот самый момент у меня нашли порок сердца и в армию не взяли. А потом порок сердца прошел, спустя лет пять...

Забегая вперед: я уже жил несколько месяцев на подворье Троице-Сергиевой Лавры в Москве и забыл, что отсрочка от армии у меня заканчивается. Вспомнил об этом, когда получил повестку. А это две такие разные вещи: идти в армию в спортроту и идти в армию, когда ты уже пришел в монастырь. Совершенно два разных состояния. Естественно, можно было к кому-то обратиться, кому-то позвонить — у меня такая мысль даже мелькнула по малодушию, потом думаю: нет, как Богу угодно, пусть так и будет.

Меня положили в больницу от военкомата, на обследование, и никакого порока сердца не нашли. Даже уверяли меня, что я симулянт и неизвестно, как это придумал (хотя я несколько лет наблюдался в Бакулевском институте, и речь шла даже об операции). Зато по результатам обследования оказалось, что у меня язва. Причем в достаточно запущенном состоянии. А дальше еще чуднее: ну что такое язва? Ее можно пролечить за два-три месяца и отправить человека служить. Вместо этого врач в военкомате дает мне отсрочку на три года. А мне 24. То есть отсрочка до окончания призывного возраста.

Причем врач сознательно говорит: да, тебя можно пролечить и отправить в армию, но я тебе даю отсрочку на три года. Почему она так сделала? Не знаю. Скорее всего, мой вид на тот момент позволял понять, откуда я туда явился и куда хотел бы отправиться.

Моя большая ошибка, что я не узнал имени этого врача. А я должен за нее всю жизнь молиться. Теперь молюсь, только — безымянно...

А тогда, когда я отказался от мысли поступать в физкультурный, нужно было решать, что мне делать дальше, и я задался вопросом, куда я могу идти учиться. Я вспомнил, что единственное, что я в жизни умею — помимо того, чем я собственно планировал заниматься, поступив в физкультурный институт, — это писать.

— *Какой-то был опыт писательский?*

— Да, я писал с детства. Писал стихи, рассказы, вел дневник, который был, пожалуй, главным «продуктом» моего литературного творчества. И для меня это было естественной стихией. Больше всего я любил, наверное, книги. И поэтому, когда встал вопрос, куда поступать, я решил выбрать журфак.

И так получилось, что в это самое время благодаря одному моему хорошему знакомому я совершенно неожиданно попал в «Аргументы и Факты». И — как-то остался, прижился, буквально через месяц я уже работал в штате. Хотя издание было более чем своеобразным.

ЗЕРКАЛО УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

— *Как вы оказались по сути военным корреспондентом, с командировками в Чечню и Ингушетию?*

— Видимо, к этому был интерес определенный...

Первоначально журналистика меня привлекла двумя замечательными возможностями: познакомиться, как мне казалось, с жизнью и лучше узнать людей. С детства я понимал, что самое интересное, самое замечательное, что есть на земле, — это человек. А журналистика — это в общем-то работа, которая не только изучает какие-то общественные процессы, но и дает возможность общаться с очень многими людьми, их узнавать. Это, безусловно, было самым ценным, самым дорогим в профессии.

Но была и обратная сторона, причем в полном смысле этого слова. Достаточно быстро я понял, что, узнавая жизнь, я узнаю не столько ее, сколько то, что можно назвать изнанкой или кулисами жизни. Причем в девяти случаях из десяти приходило осознание того, что реальность совсем не такова, какой ты ее себе представлял до столкновения с ней. Наверное, сегодня я бы смотрел на эти открытия иначе, тогда же для меня это все было болезненно: очень быстро пришлось столкнуться и с цинизмом, и с бесчеловечностью, и с жестокостью, и с полным равнодушием к человеческим жизням, к человеческим скорбям — вообще ко всему тому, к чему человек должен быть неравнодушен.

У меня был один коллега, достаточно одаренный человек, но рано ушедший из жизни:

его убили при невыясненных обстоятельствах. После его смерти друзья собрали какое-то небольшое количество написанных и законченных им вещей и издали небольшой книжечкой.

Называлась она так: «Зеркало утраченных иллюзий». И, наверное, более точной характеристики нашей работе, тому, с чем мы в ней встречались, к чему она нас подводила, было бы невозможно дать. И поразительная скорость утраты иллюзий у нас была! Поэтому-то немало моих коллег уходило из профессии, а кто-то и из жизни уходил, кто-то пил, все почти так или иначе деформировались.

А как я перешел к тому направлению деятельности в журналистике, о котором мы говорим? Мне даже трудно сказать, как это случилось. Наверное, опять-таки, определенное стечение обстоятельств и определенная «подвижность».

ЦАРСТВО БЕЗУМИЯ

— Первым пунктом на этом пути был момент депортации в 1992 году ингушей из Пригородного района Северной Осетии, который исторически принадлежал Ингушетии, потом был при выселении передан Северной Осетии и до сих пор является спорным.

События там происходили очень страшные, очень кровавые. И это был первый случай, когда помимо режима чрезвычайного положения был

введен режим информационной блокады: оттуда ничего нельзя было писать, ничего нельзя было передавать, снимать и прочее. И поэтому почти никто не знал, что там происходит на самом деле. Вышел один-единственный репортаж на Останкино, который стоил кресла тогдашнему его председателю Егору Владимировичу Яковлеву. И второй ласточкой, прорвавшейся каким-то образом в информационное пространство, было мое интервью с Русланом Аушевым³⁰, который впоследствии стал президентом Ингушетии.

Потом, скажем так, война — это не настоящая жизнь, это, наоборот, некая изнанка жизни, в которой человек оказывается. Первое ощущение — оно у всех одно и то же, — помимо того, что это очень страшно, что ты попал в область, где царит безумие. Ты видишь, что люди друг друга убивают, а за что они друг друга убивают — понять невозможно. Это самое страшное безумие, которое только может быть на земле.

Поэтому эта жизнь, безусловно, ненастоящая, но в ней в человеке раскрывается очень многое из того, что скрыто в повседневной жизни. Там совершенно другие отношения между людьми складываются, совершенно иначе человек сам для себя раскрывается. Человек, оказавшийся на

³⁰ Руслан Аушев — известный российский политический и общественный деятель, первый президент Республики Ингушетия.

войне, совершенно неожиданно для себя обретает ту свободу, которой он лишен в своей обычной жизни. На самом деле это нечто сродни тому, что должно быть у верующего человека, но что на самом деле редко встречается в такой силе, в таком проявлении: человек не думает, не беспокоится о завтрашнем дне. Вот этим, одним днем все ограничено, поскольку никто не знает, будет ли завтрашний день, будет ли второй, третий.

Есть немало людей, которые на войну стремились и стремятся вернуться, потому что там все было очень просто, не взирая на то, что очень страшно.

— *А не было у вас такого желания?*

— Было. Но оно меня как-то до конца не захватило...

ПАСТЫРЬ И ОВЦЫ ГОРОДА ГРОЗНЫЙ

— Одна из поездок запомнилась мне особенно хорошо — до каких-то малозначащих, но намертво въедающихся в память мелочей. Возможно, потому что именно во время нее произошла одна из тех встреч, которые просто невозможно забыть.

Шла поздняя весна или раннее лето 1995 года. Те, кто следил по телерепортажам за боями в Грозном, может быть, и сегодня помнят сюжет о Михаило-Архангельском храме. Звучит канонада, слышны разрывы, и посреди всего этого

кошмара — несколько русских женщин на фоне церкви... Они говорят: «Когда все началось, мы собрались здесь, и Господь по молитвам Архистратига нас сохранит!»

Я оказался тогда в Грозном и, конечно, очень хотел добраться до храма и увидеть, что случилось с ним и этими женщинами. И еще хотел побеседовать с настоятелем, отцом Анатолием Чистосовым. Причем гораздо больше, чем с Масхадовым, которого тогда нам предстояло отыскать.

...Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что война храма не пощадила. Впрочем пощадила она (а точнее — Господь сохранил) тех, кто прибегал с надеждой на милость Божию под его кров. Сам храм сгорел, но настоятель, отец Анатолий, вынес из пожара антиминс³¹ и продолжал служить в пристроенном рядом баптистерии. А может, сторожке — этого уже точно не скажу.

Вокруг были руины... Пыль, которая, кажется, не опускалась на землю, но висела в воздухе, пыль, в которой были перемешаны порох, кирпич, известка, человеческий ужас, человеческая боль и нечеловеческие страдания. Этим составом тут было пронизано и пропитано все.

³¹ Антиминс (греч. *ἀντί* — «вместо» и лат. *mensa* — «стол», «вместопрестолie») — прямоугольный плат с особыми изображениями, освященный и подписанный епископом, на котором совершается Божественная литургия. Обычно антиминс имеет небольшой зашитый карман, куда вложены частицы святых мощей мучеников.

И в самой сердцевине этого — русский священник с кротким, удивительно спокойным, мирным лицом и собравшаяся вокруг него община. Я не думаю, что это были только лишь постоянные прихожане, к нему прибились и просто те, кому было страшно и некуда больше идти. Мы говорили с отцом Анатолием, и он рассказывал, как загорелся храм, как он вынес из него антиминс, как отпраздновали они Пасху. А народ потихоньку собирался вокруг, обступая нас, а в большей степени — отца Анатолия. Я смотрел на это, и на глаза наворачивались слезы. Мне кажется, я тогда впервые понял, что это такое — пастырь и его паства, потому что они и правда были рядом с ним, как овцы со своим пастухом, у них, кроме Бога и него, никого не осталось, кто мог бы их защитить и кому они были бы нужны. Пастырь, готовый положить свою душу за овец, и паства...

Когда он вел нас, чтобы показать условия, в которых жили рядом с храмом люди, к нему подошел какой-то молодой человек, державший в руках книгу, и спросил: «Батюшка, а это можно читать? Благословите?»

Вопрос казался настолько странным и неуместным в этом месте и в этот момент... Но только не отцу Анатолию. Он остановился, взял у молодого человека книгу, внимательно пролистал ее и ответил: «Можно, читай, Бог благословит».

У нас было очень мало времени, мы торопились, и пообщаться удалось крайне недолго.

И когда я подошел к отцу Анатолию под благословение и посмотрел в его глаза — такие же мирные, спокойные, бесконечно глубокие, как он сам, — меня вдруг всего пронзило: «Это же мученик. Мученик!» Это чувство было настолько сильным, что я был им наполнен до предела. А потом отпустило.

Уже живя в монастыре, я узнал, что в феврале 1996 года священник Анатолий Чистоусов был захвачен боевиками и помещен в специальный концлагерь, где подвергался избиениям и пыткам, а затем убит. Незадолго перед расстрелом он сказал своему чудом выжившему соузнику игумену Филиппу (Жигулину): «Ты представляешь? Ведь если нас убьют, мы будем мучениками. Мучениками!..»

«ДА КОМУ ЖЕ ВСЕ ЭТО НУЖНО?!»

— Эта встреча осталась главным впечатлением от чеченских командировок?

— Самым сильным религиозным впечатлением — пожалуй, так. А переживания были очень различными.

Например, в одну из поездок, когда мы приехали к Дудаеву (это было в самом начале кампании), ждали разговора с ним, ко мне подсел один из людей, охранявших его резиденцию. Лет на пять — на семь старше меня. Очень приятный, с такими мягкими чертами лица чеченец.

И у него в глазах — боль, слезы стоят, он говорит: «Я служил в СОБРе в Питере, и потом все это здесь началось. И хотя я уже оторвался от здешней жизни, я вернулся домой, уволившись с работы, вывез из Грозного всех своих родных, понимая прекрасно, что тут в ближайшее время будет. А теперь я сижу здесь, потому что — куда мне еще отсюда деваться? Я сижу и жду, когда сюда, рано или поздно, придут те ребята, с которыми я служил, ближе которых у меня никого не было... Неужели мы с ними будем друг в друга стрелять?» Молчит, потом произносит: «Конечно, будем». И опять молчит, и потом с невыразимой болью спрашивает: «Да кому же все это надо?!»

Такой вопрос кажется маловыразительным, риторическим, но когда через человека проходит война, этот вопрос очень остро звучит и большую боль вызывает в сердце.

— *Задавали ли вы себе этот вопрос?*

— Я понимал, кому и зачем это нужно — в отличие от них.

БОЛЬ О МОНАШЕСТВЕ

— *Когда вы стали задумываться впервые о выборе монашеского пути?*

— Первый раз я соприкоснулся с темой монашества в 1991 году. Один мой товарищ, с которым мы работали в «Аргументах и Фактах», привез

как-то из поездки в Оптину пустынь книгу, совершенно невиданную тогда, — «Отечник» святителя Игнатия (Брянчанинова).

Я в тот момент — как часто у меня бывало — заболел, у меня появилось свободное время. И я взялся за эту книгу. Помню, что сел читать ее днем, и уже глубокой ночью или даже под утро, пытаясь от нее оторваться, я вдруг понял, что лучше той жизни, о которой я в этой книге прочитал, и лучше тех людей, которых я в этой книге встретил, нет ничего и быть ничего не может.

И тогда это мое сердце раз и навсегда ранило каким-то ощущением боли. Боль была оттого, что я понимал: есть эти люди, о которых я прочитал — неважно, что они жили столетиями раньше, они все равно есть, есть эта жизнь... А меня там нету. И мне казалось, что никогда не будет, что я никогда этот выбор сделать не смогу. С одной стороны, я увидел красоту Божественной жизни, красоту христианской, монашеской жизни, которая для меня была вожденна, а с другой — я не понимал, как мне пересечь границу между этими двумя мирами?

И от этого мне было страшно: страшно, что я знаю, куда мне идти, а идти — не могу...

Так с этого момента тоска по этой особой, монашеской жизни появилась.

Спустя некоторое время я приехал сам в первый раз в Оптину пустынь — это был первый монастырь, где я оказался. И то же чувство моим

сердцем овладело: какой-то боли и тоски по этой жизни, которое потом все остальное преодолело.

— Почему же тогда вы были уверены, что не сможете сделать этот выбор?

— Я любил ту жизнь, которой я живу. Любил тех людей, с которыми работал, был связан, любил по-настоящему. К моей работе, невзирая на то что она была очень тяжелой и часто травмировала душу, я был очень привязан — она была по-настоящему интересной и давала возможность быть причастным к самым различным событиям и свершениям нашей новейшей истории.

Когда я для себя это решение принимал — сейчас может это показаться смешным, тогда это смешным не было! — я был человеком, далеко не равнодушным к тому, что происходит в стране. Безусловно, было понятно, что страна летит в какую-то страшную пропасть. А что такое — страна? Это же не абстракция, это люди. Я это видел в разных местах, не только в Ингушетии, Чечне, Дагестане, Приднестровье... Мне приходилось бывать и в таких местах, как Воркута, Инта, видеть умирающий Север, умирающие деревни, порой — целые городки. И одновременно с этим наблюдать то, что делали политические авантюристы, при полном безразличии которых все это в стране происходило...

И вот, когда душа требовала еще «участия в судьбе страны», когда еще можно было на что-то надеяться в этом смысле, что-то делать, я вместе этого со всеми прощался. И ушел.

Когда этот переход все-таки случился, это произошло примерно так, как если бы меня взяли словно кролика за уши из цилиндра и поставили на какую-то движущуюся поверхность вроде ленты для багажа в аэропорту. И от меня зависело одно — не спрыгнуть. Все само собой двинулось. Но двинулось — в ответ на мои молитвы, на мои просьбы, чтобы Господь дал мне эту решимость, это решение.

ОТЕЦ КИРИЛЛ

— *Как в вашей жизни появился архимандрит Кирилл (Павлов)³²? Решение в пользу монашеского пути было уже принято?*

— Поскольку у настоятеля Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры игумена Лонгина (Корчагина), ныне митрополита Саратовского и Вольского, были тогда сомнения в том, что молодой человек, который к нему приходил в паузах между командировками в горячие точки, готов бросить свою работу и прийти на какую-то не совсем понятную должность с дальнейшей перспективой остаться в числе братии, то он меня и отправил к отцу Кириллу, для того чтобы взять у него благословение на эту серьезнейшую

³² Архимандрит Кирилл (Павлов) — бывший духовник Троице-Сергиевой Лавры, один из наиболее почитаемых старцев Русской Православной Церкви конца XX — начала XXI веков.

перемену в своей жизни. Так произошла моя первая встреча с ним.

Впоследствии, когда я уже находился на подворье в числе братии на протяжении, к сожалению, недолгого времени — всего семи лет, я старался по возможности регулярно у него исповедоваться, задавать ему вопросы, касающиеся моей внутренней монашеской жизни, а потом и вопросы, связанные с только начавшимся на тот момент пастырским служением.

— *Ваша мама приняла монашеский постриг, как и вы. Как она пришла к этому решению — одновременно с вами или как-то по-своему?*

— К вере мы пришли совершенно разными путями, но — одновременно, синхронно.

Как мама пришла к монашеству? Когда мы только-только пришли в Церковь и начали что-то читать, в том числе жития каких-то древних святых, мама говорила: «Я принимаю в христианстве все, кроме монашества. Это какая-то ошибка».

Когда стало понятно, что я для себя решение о монашеству фактически принял, когда как раз я первый раз поехал к отцу Кириллу, мама поехала со мной. Нельзя сказать, что она как-то ограничивала мою свободу, но я не мог не видеть, что мое решение она приняла совсем не безболезненно.

Я очень хорошо помню: отец Кирилл благословил меня на эту перемену в жизни, потом к нему подошла мама. О чем они говорили, я не слышал, но отец Кирилл, который сидел

суета закончилась!» — думаю, особенно когда из Москвы возвращаюсь. Суета закончилась, приехал домой, где все понятно, размеренно, четко, ясно.

— *Вы свободно говорите на якутском языке?*

— Нет-нет, ну что вы! Этот язык очень сложный. Разговорный немного знаю. Могу задать простые вопросы, поддержать разговор на бытовом уровне. Ну и, конечно, богослужебный язык — недавно изданы новые переводы литургических текстов на якутском.

— *А служите вы на каком языке? На русском, якутском?*

— Мы служим преимущественно на церковнославянском языке с включениями, разумеется, русского языка. Священное Писание читается, скажем, на русском языке и отдельные ектеньи и возгласы говорятся на якутском. Ну, допустим, «мир всем» звучит по-разному. Там есть два произношения: «барыттыгар иль эйе», но это как-то распевно произнести сложно, поэтому мы еще говорим «эйе эйиэхэ», то есть «мир вам». Или прошение на ектенье «паки и паки миром Господу помолимся» звучит так: «Саната санналлы бары бииргэ эйэ дэмнэхтик Айыы Тойонно унгюёрюнг».

— *Красота!*

— Да, это очень интересный язык. Когда меня перевели с Тикси в Валуйки, я взял с собой учебник якутского языка, все словари. Думал, буду заниматься, но за пять месяцев так и не открыл, потому что большой сбор, многоштатный, очень

много проблем. Коммуналка, ремонт — все это съедает время. Некогда языком заниматься, к сожалению.

ЯКУТИЯ ХРИСТИАНСКАЯ

— *Расскажите немного про Тикси, про людей, которые там живут. Насколько они открыты Евангелию? Насколько они отличаются от верующего населения Центральной России?*

— Здесь следует различать коренных жителей, живущих в отдаленных поселках, и приезжих, живущих в центральных поселках.

Русские, которые там живут, они, как ни странно, меньше открыты слушанию Слова Божия. Конечно, кто-то в отпуска приезжает на Большую землю, крестит детей в храмах — это понятно. Но в общем и целом они воспринимают Православие как некий компонент своей национальной идентичности, и только. А коренные жители в далеких поселках — эвены, эвенки, якуты — они более открыты, при всем внешнем, формальном стремлении к традиционному язычеству (кормлению огня и прочему). Готовность к диалогу там больше, намного больше. Но, как любые северные люди, они всегда на приезжих смотрят с небольшим скепсисом — сохраняется некая дистанция.

— *При всем гостеприимстве?*

— При всем гостеприимстве. Вот вы же приедете и уедете, а мы тут будем жить, так что мы

наклонившись к ней, слушая, вдруг распрямился, и — не улыбнулся, не засмеялся, а — расхохотался. И что-то ей сказал. Естественно, я потом спрашивал ее, что ей батюшка сказал, отчего он рассмеялся. Она ответила: «Ну что я могла сказать? Я самое главное стала говорить, что меня твой выбор жизненный беспокоит, что я с этим до конца примириться не могу». — «И что он?» — «А он как захохочет! И говорит: „А что ты переживаешь? Ты тоже иди“».

МОНАСТЫРЬ В РОССИИ:

ЗАДАЧА — ВЫЖИТЬ

— К вопросу о созидании внутренней жизни: как совмещать это созидание с наличием множества дел и обязанностей, которые непременно обрушиваются на человека в качестве монашеских послушаний?

— Если мы посмотрим на то, как устроена монашеская жизнь в Греции, и прежде всего на Афоне, мы увидим некий отлаженный механизм, похожий на часы. Там люди выполняют послушания как аскетическое упражнение, а не просто как ту деятельность, которая позволяет элементарно выжить. У нас ситуация совершенно иная. У нас область того, что необходимо, — это бездна. Любой человек, который начинает что-то делать в Церкви, варит «кашу из топора». У тебя есть какой-то круг обязанностей, и, как их ис-

полнить, непонятно. Ты должен сам найти средства, придумать способы — с нуля. Бывали в российских обителях такие случаи, когда назначают в монастыре келаря³³, а средств на трапезу для братии нет, и он должен сам их найти. И накормить изрядное число братии.

ТЕМНИЦА, СРОСШАЯСЯ С СЕРДЦЕМ

— *Возвращаясь к выбору пути: задавались ли вы вопросом, чего от вас хочет Бог?*

— Скажу честно — нет, в этой ситуации не задавался. Не потому, что я обычно себе этот вопрос не задаю. Но тогда мне было не до него — вот эта боль, которая постоянно в моем сердце присутствовала, она лишала этот вопрос для меня смысла. Все во мне этой болью и тоской было проникнуто.

Просто первое время работа меня отвлекала от этого желания, но во время затишья какого-то все возвращалось и тоска воскресала. Что за тоска? Тоска по Богу. Ощущение того, что я в какой-то темнице нахожусь. Темница, она ведь может быть красивая и сросшаяся с сердцем человека.

...Однажды мама принесла мне где-то купленную ею книжку про святителя Николая. Оттуда я узнал, что есть в Италии такой город — Бари,

³³ Келарь — заведующий монастырским столом, кладовой со съестными припасами и их отпуском на монастырскую кухню.

где покоятся мощи святителя Николая. Сейчас об этом все, наверное, знают, а тогда — шел 1995 года — знали далеко не все. И так получилось, опять же по стечению обстоятельств, что я через какое-то время поехал в Италию.

В Бари тогда служил архимандрит Марк (Давитти)³⁴, итальянец и при этом — священник Русской Православной Церкви. Отец Марк принял меня сначала довольно настороженно, но потом неожиданно — с распростертыми объятиями. Я прожил у него в домике при храме несколько дней.

Еще в самый первый день, когда он уже успел сменить свою подозрительность на полную доброжелательность и стал поить меня чаем, он спросил: «А ты что, монахом хочешь быть?» — «А как вы это поняли?» — «Я сам не знаю...».

И вот он по этой причине сам стал ежедневно меня водить в базилику к мощам святителя Ни-

³⁴ Архимандрит Марк (Давитти) (в миру — Марчелло Давитти; 1938–2013) — старейший клирик Русской Православной Церкви в Италии.

Родился в 1938 году во Флоренции и принадлежал древнему флорентийскому роду. По окончании обучения в Григорианском университете Рима переехал в США, где принял Православие и в 1971 году был рукоположен в сан диакона, а позже — в сан пресвитера, став первым в современности православным священником-итальянцем.

В 1975 году вернулся в Италию. Возглавлял православные приходы в Болонье и Равенне. Во многом именно его трудами создавалась жизнь Русского Православия в Италии. Отец Марк отошел ко Господу 20 августа 2013 года.

колая: «Тебе же надо ему помолиться?» И я приходил и каждый день молился только об одном: чтобы по его молитвам Господь дал мне возможность начать монашескую жизнь, преодолев все препятствия — и внутренние, и внешние, которые к этому были.

Потом мы с ним расстались, я приехал в то место, в небольшой городок, где у меня был изначально забронирован номер в гостинице, и провел оставшееся время, практически не выходя из этого номера, читая монашеское правило и прося Бога только о том, чтобы, когда я вернусь, Он для меня вход в эту жизнь открыл. Причем у меня было чувство, как у ребенка, которого все бросили, который всего лишился и который просит о самом для него насущном и необходимом.

А когда я вернулся, оказалось, что все, что было когда-то интересно, что захватывало, потеряло для меня свою привлекательность, перестало захватывать. Была масса дел, в которые я уже «влез», мне приходилось делать их по инерции, без всякого к ним сочувствия.

Надо сказать, что все люди, которые знали о моем желании монашества — а их было немного — все меня отговаривали. Никто не верил, что это было не сиюминутное желание. Даже отец Мелхиседек (Артюхин), очень близкий мне человек, большую роль в моей жизни сыгравший, с которым мы по приезде моем из Бари поехали и на остров Залит, и в Печоры, и тот меня отговаривал.

— Монах и — отговаривал от монашества??

— Человека нельзя никогда к выбору монашества влечь. Более того, я считаю, что его надо даже как бы отталкивать от этого. Потому, что если это действительно любовь сердца, человека ничто от нее не отлучит, ничто не оттолкнет.

Если рассуждать о выборе монашеского пути, мне очень близко то, что говорил на этот счет старец Паисий Святोगорец³⁵. Что, если в человеке, который хочет принять монашество, девяносто процентов за этот выбор, а десять — против, ни в коем случае нельзя становиться монахом. Потому что эти десять превратятся в девяносто, а девяносто — в десять.

Если, например, приходит молодой человек и говорит: «Я хочу жениться», и ты ему задаешь один единственный вопрос: «Ты любишь эту девушку?», а он говорит: «Не знаю...», то такому человеку ни в коем случае нельзя жениться, потому что он не знает, что такое любовь. Пусть он уйдет, подождет, пока это чувство в нем вызреет, постепенно придет к осознанному ответу на этот вопрос. Но жениться ему нельзя. Потому что он строит жизнь и себе, и этой девушке.

То же самое с монашеской жизнью.

³⁵ Паисий Святогорец (1924–1994) — один из самых уважаемых греческих старцев XX века, старец и монах горы Афон, известный своими духовными наставлениями и подвижнической жизнью. Старца Паисия Святогорца широко почитают и в России.

ѦЗЪ ЕСЛИ
СВѢЗЫІВ
КОДЪІ ПО
БНѢ. ЧЕ
ІМАТЪ

Я знаю, к Кому пришел

— Когда я пришел в монастырь, у меня был такой настрой: даже если меня отсюда будут гнать палками, уничтожать, унижать — я никуда отсюда не уйду. Потому что я знаю, к Кому я пришел. Несмотря на все несовершенство внешней формы нашего монашества, оно остается самым прямым, после мученичества, путем к Богу. Но если к мученичеству нельзя прийти своей волей, самостоятельно, то к монашеству — можно.

Есть замечательная книга, которая для меня является неким выражением моего собственного понимания монашества и жизни человека с Богом: книга святителя Григория Нисского «О жизни Моисея-законодателя». Посредством ее я решил для себя самый главный вопрос, укрепился в том понимании жизни человека с Богом, которое уже начало складываться у меня.

Вся жизнь человека должна быть непрерывным следованием за Богом. Самое главное — не по необходимости, а сердцем подчиниться тем путям, которыми тебя ведет Господь. Преподобный Макарий Оптинский говорил об этом по-другому: христианин должен быть как вол, которого ведет его хозяин. Вол не спрашивает о том, почему, зачем, куда его ведут — он просто идет. С одной лишь разницей: скотина очень приблизительно может понять, куда ее ведут, а человек понимает, что его влечет любовь Божия.

ВМЕСТО ПРОСИМОГО — САМ ГОСПОДЬ

— Но вот вопрос: как понять, чего ожидает от тебя Господь?

— Преподобный Варсонофий Великий говорит, что в большей степени человек должен познавать волю Божию из обстоятельств своей жизни.

Для меня главная тайна монашества заключается в следующем. Что происходит, когда человек произносит монашеские обеты? Что он делает особенного, чего не сделал бы в миру? Если человек принимает постриг действительно сознательно, разумно, то он заключает некий завет с Богом: он отдает себя полностью в Его руки. Господь ведет его по жизни, потому что он дал Ему на это полное право. Ведь если человек не дает Богу права на свою жизнь, Господь в нее не вторгается. Он всегда оставляет за человеком свободу, какой бы страшной она ни была. И Господь только тогда начинает делать то, что Он сделать хочет, когда человек не противится этому.

Человек, принимая монашество, самого себя приносит в жертву, в жертву своей любви к Богу. И если он этого не понимает, он совершает ошибку, становясь монахом. С того момента, как он принял постриг, с ним может случиться все, что угодно. Обстоятельства его жизни могут обернуться так, как он никогда не ожидал, но самое главное — что с этого момента Господь Сам его

будет вести своим особым, единственным путем, помогая человеку всеми средствами исполнить возможную для него меру близости к Нему на пути монашества. Как это будет происходить — никому не ведомо.

Авва Дорофей³⁶ говорит о том, что если человек что-то просит у Бога — еду, одежду, жилище, вещи — и, не получив, смиряется, то это означает, что Господь Сам будет ему вместо просимого. Да, если человек от чего-то отказался ради Бога, то вместо этого будет Сам Господь.

— *Вам приходилось в своей жизни опытно переживать правоту вот этих слов аввы Дорофея?*

— На самом деле это настолько часто происходило и происходит, что я сейчас не смогу даже отдельный пример привести. Эти «возвраты» происходят постоянно. Я даже не знаю, как я за них буду отвечать.

БАРИ — ОСТРОВ ЗАЛИТ — ПЕЧОРЫ

— Вернувшись из своей поездки в Бари, я, как уже говорил, вместе с отцом Мелхиседеком

³⁶ Авва Дорофей — христианский святой, живший в конце VI — начале VII века. «Поучения Аввы Дорофея», запись его наставлений монахам — одно из центральных произведений аскетической литературы, вобравшее в себя предшествующую традицию. «Поучения», написанные простым и безыскусным языком, — это своеобразная аскетическая азбука, решающая основные вопросы духовной жизни и монашеского подвига.

отправился сначала к отцу Николаю Гурьянову³⁷, чтобы рассказать ему о своих сомнениях, о том, что я не знаю, есть ли воля Божия на этот мой выбор или нет. Он сказал: «Что ты переживаешь? Это дело хорошее. Иди». И добавил слова, которые я понял так: в свое время, уже в монашестве, мне придется вернуться к своей «писательской», журналистской деятельности. Поэтому когда так оно и произошло, я воспринял это как должное.

А буквально через несколько дней мы побывали у архимандрита Иоанна (Крестьянкина)³⁸. У него я уже не собирался ничего спрашивать — зачем спрашивать дважды? — просто была возможность с ним встретиться, и мы ею воспользовались. Отец Мелхиседек ничего про меня не говорил, но первое, что сказал мне отец Иоанн, когда мы зашли: «Ну что, монах или еще не монах?»

И на меня напал какой-то такой ступор, я не мог ничего толком сказать, и прежде моего ответа

³⁷ Протоиерей Николай Гурьянов (1909–2002) — один из наиболее почитаемых старцев Русской Православной Церкви конца XX — начала XXI веков. Более 40 лет, до самой смерти, служил бессменным настоятелем храма святителя Николая на острове Талабск (Залит). В течение многих лет к отцу Николаю за советом приезжали православные верующие из разных регионов страны.

³⁸ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910–2006) — священнослужитель Русской Православной Церкви, архимандрит, насельник Псково-Печерского монастыря, один из самых почитаемых и мудрых священнослужителей конца XX — начала XXI века.

отец Иоанн добавил: «Только не возлагай на себя креста более тяжкого — креста жизни супружеской!» Для меня это было еще одним подтверждением правильности моего решения и в этом смысле большой поддержкой и утешением.

И когда я уже вернулся в Москву, то перешел на работу на подворье Троице-Сергиевой Лавры. На работу, на которой в общем-то мне делать было абсолютно нечего. Год спустя я бы мог этой работой вполне заниматься, но на тот момент она была абсолютно ненужной. Это был для меня очень хороший период для смирения: я оставил профессию, в которой уже начал достигать определенных результатов, и сейчас чувствовал себя совершенно никчемным.

НЕВМЕСТИМОЕ В СЛОВА

— Было еще одно очень важное для меня переживание. Я возвращался в Москву из Италии — это был сентябрь, день Владимирской иконы Божией Матери, как раз накануне эту икону впервые из Третьяковской галереи отдали для крестного хода в Сретенский монастырь. Самолет наш долго не мог приземлиться из-за погодных условий, я пережил совершенно безумную ночь и был дома в полседьмого утра где-то. Несмотря на то что мне ужасно хотелось спать, мы с мамой пошли на подворье Свято-Троице-Сергиевой Лавры, на службу: у них тоже был престольный праздник,

потому что один из престолов освящен в честь Владимирской иконы Божией Матери.

На Литургии моей единственной задачей было — не упасть, потому что я засыпал. Никакого приподнятого настроения, особого молитвенного состояния у меня, естественно, не было. Я несколько раз стоя проваливался в сон. И вдруг меня из этого сонного состояния вывело то, что я ни до, ни после не то что в такой же мере, ни в какой мере больше не переживал. Это достаточно трудно передаваемо словами... Я вдруг почувствовал, как всего меня наполнило что-то, что можно, с одной стороны, сравнить с каким-то нестерпимо горячим, жгучим, но не сжигающим лучом солнца или какой-то удивительно чистой, буквально ледяной водой. А если это пытаться передать каким-то чувством, то это была какая-то совершенно непередаваемая радость и какое-то поразительное чувство удивления: нарастала радость и нарастало удивление. В этот момент я не помнил ни о чем: ни о своей жизни, ни о себе самом, то есть полностью меня это наполнило... Я не знаю, как это объяснить на самом деле, стоит ли это объяснить. Я почувствовал, что я не просто наполнен до краев, а я абсолютно не могу это вместить, и потом потихоньку-потихоньку это чувство стало уходить, осталось только чувство радости удивительной, легкости, чистоты, как будто меня под каким-то дождем или водопадом вымыли. Одно только тогда на душе

прозвучало: «Как же хорошо!» И тут же другое прозвучало: «Но как же это ненадолго...»

Я ни эти слова, ни эти переживания никак не трактую — просто они заняли какое-то свое место в моем сердце, в моей памяти. И я прекрасно знаю, что все, что человеку дается, обязательно потом требует некоего ответа, для того чтобы это могло стать действительно принадлежащим ему. А каким образом я могу это усвоить... моя нынешняя жизнь пока мне ответа на это не дает.

Имя, которого не было в святцах

— Все эти встречи для меня были очень важны: я принял решение, и Господь меня в этом решении укрепил.

Совершенно очевидным для меня образом были те святые, по молитвам которых Господь сделал этот путь легче и проще. Это человек, наверное, всегда чувствует. То были преподобные Варсонофий и Никон Оптинские и, безусловно, Серафим Саровский. Преподобный Серафим был первым святым, с которым я как-то по-настоящему познакомился.

И когда потом пришло время пострига, я очень хотел, чтобы меня называли в честь преподобного Серафима, потому что у меня была и остается какая-то необыкновенно сильная любовь к этому святому. Но у нас в братии уже был

иеромонах Серафим, и я понимал, что не может владыка называть меня этим именем.

Когда-то еще до подворья я купил в свечной лавке жизнеописание святителя Нектария, митрополита Пентапольского, Эгинского чудотворца. Единственное, что мне из этой книги запомнилось — то, что этот святой по его почитанию в Греции сравним по почитанию с нашим Серафимом Саровским в России.

И вот перед постригом я подошел приложиться к иконе преподобного Серафима у нас на подворье с неожиданной и почти детской просьбой: чтобы по его молитвам и с его «ведома» моим святым покровителем при постриге стал святитель Нектарий Эгинский. Просто по причине той фразы о его схожести с преподобным Серафимом, которую я когда-то выхватил из его жития. И при постриге меня владыка назвал именно так. Хотя собирался назвать другим именем — святителя Нектария тогда даже не было в нашем месяцеслове...

Это из совпадений нашей монашеской жизни. Такого рода вещи сопутствуют ей каким-то совершенно естественным образом. И когда человек начинает это замечать, этот опыт для него очень многое значит, и очень многое дает. Потому что на самом деле вся наша жизнь — это непрерывный поток заботы и любви Божией о нас, но моментов, когда Господь к нашей жизни каким-то очень непосредственным образом прикасается, так что для нас становится это заметно — их

бывает сравнительно немного. В эти моменты жизнь человека совершенно иначе открывается его взору.

По большому счету, лишь Господь знает человека по-настоящему, лишь Господь может по-настоящему утешить человека, дать ему полноту радости. Все остальные радости, которые человек испытывает в течение жизни, по сравнению с этой ущербны, неполны, временны, крайне зыбки. Поэтому любой человек неоднократно ощущает свое одиночество. Только для монаха ощущение того, что, кроме Бога, у него никого нет — оно, конечно, более сильное, более глубокое. Господь это дает монаху почувствовать в большей мере. Потому что лишь почувствовав это, человек может по-настоящему приблизиться к Богу.

— *У монаха действительно не может быть близких друзей?*

— Не думаю. Просто человек (в том числе и не принявший монашеский постриг) не должен и не может любить кого-либо больше, чем Бога. Хотя это вовсе не означает, что нужно быть равнодушным к людям.

ЛЕГЧЕ УМЕРЕТЬ БЫЛО БЫ, ЧЕМ УЕХАТЬ

— *Отец Нектарий, десять лет назад вы, вместе с настоятелем, игуменом Лонгином (Корчагиным), и несколькими братьями монастыря,*

покинули Московское подворье Троице-Сергиевой Лавры, чтобы отправиться на новое место служения — в Саратов. Расскажите, пожалуйста, об этом периоде вашей жизни.

— Очень болезненным был переход от жизни в условиях нашего небольшого монастыря в условия жизни, которые нас встретили здесь, в Саратове.

Я страшно не хотел уезжать. Потому что за какое-то короткое время до отъезда я вдруг очень отчетливо, предельно ясно ощутил, что вся та жизнь, которая у меня была — по-настоящему счастливая, по-настоящему радостная — она заканчивается. И я понял, что мне, наверное, умереть легче было бы, чем уехать отсюда.

Страшно мне было тяжело. Я молился, зная, что если есть на это воля Божия, то Господь может меня оставить, но если нет — я знаю, что я должен ехать. Главное ведь всегда — быть уверенным, что на то, что ты делаешь, есть воля Божия. Поэтому когда мне здесь было особенно трудно, меня утешало именно это: я знал, что такова была Его воля.

Отец Кирилл не раз говорил: «Ты знаешь — сначала будет буря. Сильная буря. А покой только потом». И еще неоднократно повторял: «Никогда и ни о чем не унывай, когда делаешь что-то ради Бога, потому что Господь даже самого маленького дела, ради Него сделанного, не забудет, не оставит. Утешайся этим».

Как раз в то время, когда мы приехали в Саратов, у отца Кирилла случился инсульт, после которого он так и не смог вернуться к своей обычной жизни, оказался прикованным к постели. Когда я к нему приезжал — он еще мог немного говорить, — он все время говорил об одном и том же: «Только не унывай, только держись, пожалуйста!»

В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

— За девять-десять месяцев до нашего фактического переезда я где-то прочитал, что скончался правящий архиерей Саратовской епархии, владыка Александр. Мы служили тогда вместе с нынешним епископом Покровским и Николаевским Пахомием (Брусковым) — он как иеродиакон, я как иеромонах — и он, когда мы перед службой встретились, сказал: «А ты знаешь, что умер владыка Александр?» Я сказал: «Знаю». И одновременно мы друг у друга спросили: «Ну и что?» И в этот момент почему-то поняли, что мы поедem в Саратов...

Никаких оснований полагать тогда, что архимандрита Лонгина, нашего настоятеля, по возведении в сан епископа назначат именно в Саратов, не было. Но нам это уже было как бы достоверно известно: мы пришли в келью, открыли какой-то незадолго перед тем вышедший

справочник и начали изучать, что вообще в Саратове есть — какая церковная жизнь, какие монастыри? И дальше мы жили с совершенно четкой уверенностью, что мы туда поедem.

О Саратове на тот момент я знал очень немного, например, то что здесь короткое время правящим архиереем, всем, однако, запомнившимся и до сей поры почитаемым, был епископ Вениамин (Милов)³⁹. Его «Дневник инокa» произвел на меня в свое время очень сильное впечатление. А после него Саратовскую кафедру — тоже недолго — занимал еще один замечательный архипастырь и церковный писатель митрополит Вениамин (Федченков)⁴⁰. Ну и еще я знал, есте-

³⁹ Епископ Вениамин (Милов) (1889-1955) — епископ Саратовский и Балашовский, духовный писатель, исповедник. Монашество принял в 1920 году. Трижды арестовывался за «антисоветскую агитацию и контрреволюционную деятельность», в 1930-х — начале 1940-х годов прошел сталинские лагеря, через короткое время по возвращении отправлен в ссылку в Казахстан. Последнее место служения — Саратовская и Балашовская епархия.

Из его литературного наследия известны «Пастырское богословие», биографический «Дневник инокa», «Чтения по литургическому преданию».

⁴⁰ Митрополит Вениамин (Федченков) (1880–1961) — епископ Русской Православной Церкви, миссионер, духовный писатель. Принимал участие в Поместном соборе Русской Православной Церкви 1917–1918 годов. Епископ армии и флота Вооруженные силы Юга России (впоследствии Русской армии).

В ноябре 1920 года вместе с остатками белой армии вынуждено эвакуировался из Крыма. В 1925–1927

ственно, известную цитату из «Горя от ума» Грибоедова, про «деревню, тетку, глушь, Саратов». Вот, пожалуй, и все... Нет, еще одно знал. Во время войны завод, на котором работала моя бабушка, был эвакуирован в город Энгельс Саратовской области и некоторое время она прожила там. Так что, получается, у меня какие-то корни саратовские были.

Когда мы приехали, мы застали здесь совсем другую церковную жизнь, нежели в Москве, а тем паче нежели та, которая была привычна для нас в том мире, в котором мы жили, то есть в монастыре.

— *В чем она была иной?*

— Да во всем абсолютно. В практике церковной жизни, в отношении к богослужению, в отношении к вере, к церковному благолепию, к чтению книг, к святым отцам — вообще ко всему.

Когда мы приехали сюда, по большому счету, не было ни одного храма, на котором глаз

и 1929–1931 годах преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже, с 1933 по 1947 год возглавил американский экзархат Русской Православной Церкви.

Саратовская и Балашовская кафедра была последним назначением владыки.

Митрополит Вениамин оставил богатое литературное наследие. Среди его трудов — работы, посвященные догмату искупления, литургическому наследию Церкви, объяснению молитвы Господней, жизнеописанию святых Иоанна Кронштадтского, Серафима Саровского, сокращение и дополнение «Житий» святителя Димитрия Ростовского, дневники, мемуары.

и сердце бы отдохнуло. Все храмы находились в таком состоянии, что боль сердце переполняла.

Я помню, как первый раз пришел в храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», в который был назначен настоятелем, посмотрел на иконы... С одной стороны на клиросе в качестве великомученика Пантелеимона был изображен какой-то эфиоп страхообразный, а весь храм был выкрашен голубой блестящей масляной краской в четырнадцать слоев. В алтаре были какие-то росписи по мотивам Васнецова, такие, что в ближайшее время мы эти росписи со стен алтаря полностью сбили, отштукатурили, а все, что осталось от них, утопили в Волге.

Икона «Утоли моя печали», тоже клиросная, была в том же стиле, что и икона великомученика Пантелеимона, при этом Божия Мать не просто держала руку у головы, а такое было впечатление, что Она за голову взялась и плачет горько обо всем том, что тут находится. Я, помню, стоял, исповедовал, свыкался-свыкался с этой реальностью... и вдруг откуда-то выскочила мышь и помчалась в сторону алтаря. Для меня это было таким апофеозом внешних впечатлений.

Надо сказать, церковная жизнь здесь изменилась очень сильно, в первую очередь усилиями владыки и в какой-то мере усилиями тех, кто трудился и трудится с ним, отчасти и нашими.

К сожалению, не до неузнаваемости, но изменилась сильно.

Плыть по течению воли Божией

— В Саратове мне пришлось погрузиться в сферу деятельности, которая была мне частично знакома, частично незнакома: так, я первый раз в жизни стал настоятелем храма, хотя и небольшого, на тот момент нуждающегося в серьезных достаточно работах — от смены кровли до устройства гидроизоляции. Параллельно с этим буквально из ничего возник наш информационно-издательский отдел, в котором на тот момент я был единственным сотрудником — постепенно он разросся. Сейчас идет строительство второго храма, на окраине Саратова, где я назначен настоятелем.

И естественно, вы понимаете, что во всех этих делах, особенно связанных со строительством, нужны деньги, и их постоянно приходится искать. Это процесс творческий, очень сложный и в общем-то душеразоряющий. Хотя, безусловно, и он может, наоборот, способствовать в какой-то мере созиданию дома добродетелей душевных, потому что когда что-то удастся сделать, то происходит это чудом. И слава Богу, если ты в этом чудо успеваешь увидеть, успеваешь понять, что это произошло тогда, когда ты, вместо того чтобы в какую-то стену непробиваемую

головой биться, просто пошел и помолился... Правда, необъяснимая такая вещь: происходит что-то, когда ты помолился, а в следующий раз ты все равно снова долго бьешься головой об очередную стену и только потом об этом как следует молишься. До тех пор пока не научишься правильно молиться, а уже потом начинать куда-то биться — до тех пор будешь попадать в такие ситуации затруднительные.

На сегодняшний день круг моих обязанностей достаточно широк, и, по совести, они мне совсем не по силам: информационно-издательский отдел, благочиние, два храма, из которых один строящийся, православный военно-патриотический клуб, где занимается человек 300 детей, преподавание в семинарии... И коли что-то хотя бы из этого получается, то большей частью опять же чудом. Но и биться об стену хватает...

— *Прожив семь с половиной лет на московском подворье Сергиевой Лавры, где — свой особый мир, неповторимый, вы вдруг оказались в совершенно другой реальности. Не рветесь обратно?*

— Не рвусь ли я обратно? На самом деле, я думаю, когда что-то в нашей жизни происходит, что эту жизнь меняет и что мы воспринимаем как волю Божию, это нельзя перечеркивать и говорить: «А я хочу вот так!»

Если тебе тяжело в том положении, в которое тебя поставил Господь, то можешь знать точно, что в том положении, в которое ты поставишь

себя сам, тебе будет гораздо тяжелее. И ты не найдешь там ничего спасительного для себя, полезного. Потому что, хотя тебе и трудно, но тебе помогает Сам Господь — может быть, невидимо, неприметно. Об этом когда-то мне сказал владыка Лонгин, когда был еще нашим настоятелем на подворье. И весь мой небольшой жизненный и монашеский опыт помогает мне в правоте этих слов убедиться.

Кроме того, здесь множество людей, для которых мое присутствие важно — как настоятеля, как священника. Я их не мог бы бросить, какие бы внутри у меня переживания ни были.

Разве только если Господь сам что-то со мной в очередной раз сделает. И к этому надо будет снова оказаться готовым. А так, в хорошем смысле слова надо плыть по течению, но не по течению жизни, а по течению Божией воли. Об этом тоже когда-то давно впервые сказал мне владыка.

На самом деле, твое принятие воли Божией, которая может оказаться какой угодно, — самое главное в жизни.

У нас очень часто, когда с нами что-то происходит для нас тяжелое, не укладывается в голове: как это может быть по воле Божией?! Может! И чаще всего нам это тяжелое полезно. Только мы не видим этого.

У меня в моей жизни — даже еще до монашества — такой был опыт: если я понимал, что у меня нету сил на то, чтобы сделать то, что должно, я говорил: «Господи, я не могу этого сделать, у меня

нет ни решимости, ни сил, но я хочу сохранить верность Тебе и хочу исполнить волю Твою. Поэтому, зная, как это для меня будет трудно и болезненно, я прошу Тебя о том, чтобы Ты либо Сам отнял то, что Тебе не угодно, либо Сам меня должное сделать понудил».

И когда я об этом просил, я понимал всю полноту последствий того, о чем я прошу. И не было случая, чтобы Господь не помог. Да, это было через боль и страдания, но впоследствии это приносило такую радость, что ничего с этим даже не сравнишь.

Когда перед человеком стоит вопрос, как жить дальше, какой путь избрать, всегда есть очень хороший способ узнать это. Сказать: «Господи, я не хочу того, что угодно мне, что угодно другим людям — я хочу только того, что угодно Тебе». И если человек, понимая, что Господь в ответ на эту молитву может всю его жизнь, которую он до этого строил, сокрушить, переломить, сделать принципиально иной, такой, какой бы он не хотел, тем не менее просит, то Господь возьмет жизнь такого человека в Свои руки и превратит ее в чудо. Это обязательно будет так.

О РЫБЕ АПОСТОЛА ПЕТРА

— *Что было особенно радостного за эти десять лет здесь?*

— Чему больше всего приходится радоваться, так это тому, что в этой наполненной

суемой, какими-то земными, хотя и ради Бога, ради Церкви, попечениями жизни есть моменты — и их гораздо больше, чем, наверное, должно бы быть, — когда чувствуешь присутствие, действие Бога и получаешь то утешение, ради которого все и делаешь, собственно говоря. Не потому, что это какая-то корысть, которую стремишься от Бога получить или урвать, нет. А просто потому, что это утешение и есть проявление той подлинной жизни, которой ты пытаешься жить.

Это утешение приходит по-разному, часто совершенно непредсказуемо.

Я вот крестил вчера одну бабушку, которая на ногах-то не могла стоять, ее пришлось посадить, чтобы она выдержала время Крещения. И какого-то подлинного понимания происходящего у нее не было — как ребенка, ее крестить пришлось. И когда Крещение закончилось, я хотел сказать какие-то краткие слова о том, что ей, может быть, сейчас многое непонятно и недоступно, но она обязательно начнет видеть какие-то перемены в себе самой, в своей жизни, и что она только-только родилась для этой новой жизни, как ребенок новорожденный... И только я начал это говорить, вдруг она, до того едва-едва способная как-то отвечать на мои слова, словно ожила, распрямилась и сказала: «Да, как ребенок! Вы знаете, — говорит, — у меня откуда-то появились силы, которых до этого не было!» Тут она очень

твердо стала на ноги и сказала: «А можно я вас обниму на минутку?» И она меня обняла, как-то ко мне прижалась, и в этот момент я почувствовал себя совершенно счастливым человеком, обнимая вот эту бабушку, которая стала в этот день ребенком.

Вот таких радостей Господь не лишает.

Порой одному человеку бывает непонятно, почему для другого что-то малое становится источником радости. Но если вспомнить, например, как Господь призывает апостола Петра — ну, где рыба и где спасение? где Бог и где рыболовство? Однако для апостола Петра эта пойманная рыба становится первым свидетельством о Христе. Каким бы малым и ничтожным это свидетельство ни казалось. Вот и в нашей жизни много таких вещей, которыми Господь нас утешает, как Петра рыбой.

ЧАША

— *Чем же можно воздать — в благодарность за такую радость?*

— Если бы мы имели, что воздать, мы бы не произносили, не слышали постоянно, на каждой праздничной службе стих: «Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?»

Помните слова, 115-го псалма, который мы всегда прочитываем, готовясь к Причастию? «Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?»

И что же? «Чашу спасения прииму и имя Господне призову» (Пс. 115: 3, 4). Воздам — тем, что приму, то есть опять возьму что-то для себя. Чаша спасения — это Чаша евхаристическая, но не только. Это еще и нечто сродни той Чаше, о миновании которой молился Господь в Гефсиманском саду, о которой Он говорил: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия...» (Мф. 26: 39). И еще говорил: «...неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Ин. 18: 11).

Если мы ее готовы принять — мне кажется, это самое главное.

Ведь Господь, зная нашу косность и недогадливость, порой помещает нас в такие условия, когда человек волей-неволей оказывается впряжен, вынужден на пределе сил, а иногда — за пределом сил трудиться, терпеть. И в этой ситуации самое главное — не вырываться, не пытаться как-то улизнуть или сбежать.

Моя жизнь вся является такой. Я не вижу в этом ничего великого или особенного, я вижу в этом, наоборот, признание собственной немоши. Бывает, естественно, и очень нередко, когда абсолютно нет сил. Но опять же, это такое радостное чувство: раз ты впряжен, значит, ты нужен. Можно в этой упряжке находиться, пока тебя из нее не выпрягут. И если ты понимаешь, ради чего это, ради Кого — это тоже счастье.

— *Не выходит так, что скорбей получается куда больше, чем радостей?*

— Да нет же. Как может быть скорбей больше, чем радостей, если главная Радость — Господь? Можно ли рядом с Ним что-либо поставить, сравнить и сказать, что вот это больше, чем Он?

Я по-прежнему готов все от Бога принимать, этому радоваться и за это благодарить, что бы это ни было. У меня никогда не было по отношению к Богу вопроса «почему?». Ни разу в моей жизни. Хотя в ней немало было непростого. У меня никаких абсолютно вопросов к Богу нет.

— А что есть?

— Желание с Ним быть. И очень большая надежда на то, что как бы я ни сопротивлялся, как бы я по малодушию или малоумию ни противился этому в тех или иных ситуациях, Господь все равно доведет меня до той точки, где я смогу быть к Нему максимально близок, как бы в этой точке тяжело ни было⁴¹.

⁴¹ Интервью записано 22 мая 2013 года, в день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари.

Об авторе

Юлия Посашко родилась в Минске в 1985 году. Окончила факультет социологии Государственного университета — Высшая школа экономики в 2007 году, в 2013 году — факультет дополнительного образования по программе профессиональной переподготовки «Телология» Свято-Тихоновского государственного университета.

Прихожанка храма Всемилоственного Спаса бывшего Скорбященского монастыря в Москве, поет на клиросе. Работает с книгами серии «Встречи с Богом» и образовательными проектами издательства «Никея».

Путь к вере начался в юности в среде евангельских христиан-баптистов, в Православие Господь привел уже в студенческие годы — что считает великой Его милостью.

«Всегда интереснейшей профессиональной и жизненной задачей для меня было — постараться рассказать о той красоте и той глубине веры, которую я узнала и узнаю в Церкви, другим людям. Поэтому я в «Никее». Впрочем, важнее и труднее другая задача — научиться этой Красоте самой. Думаю, затем и живу».

Об издательстве

«Живи и верь»

Для нас православное христианство — это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо — это изменение человеческой души. От зла к добру! От бессмысленности — к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

Приходите к нам в гости!

*Теперь наши книги по издательским ценам
в центре Москвы!*

Друзья! Теперь книги «Никеи» по издательской цене можно купить в центре Москвы. Новый магазин расположился в помещении издательства около Арбата. Вы можете приходить и выбирать книги, держать их в руках, рассматривать, можете сесть в кресло и почитать. В магазине представлен полный ассортимент книг издательства: прикладная, детская и религиозная литература.

+7 (495) 510-84-12 (магазин)

+7 (495) 600-35-10 (издательство)

Адрес: Сивцев Вражек, 21, домофон 27к

График работы: пн.– чт. 10:00–18:00

пт. 10:00–17:00

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях!

Интересные события, участие в жизни издательства, возможность личного общения, новые друзья!

Художественная и религиозная литература

 facebook.com/nikeabooks

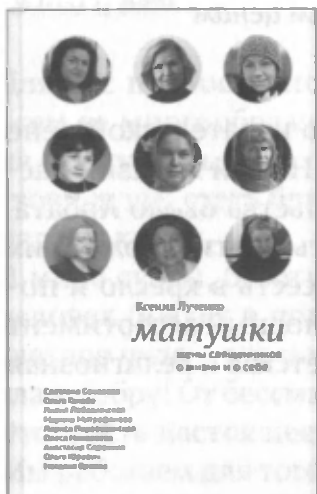
 vk.com/nikeabooks

Детская и семейная литература

 facebook.com/nikeafamily

 vk.com/nikeafamily

Мы рекомендуем

Матушки

Жены священников
о жизни и о себе

О чем эта книга?

В этой книге собраны рассказы жен священников о своей жизни. Их называют «матушками», по аналогии с тем, как священников называют «батюшками». Жизненный опыт матушек — во многом опыт ежедневных жертв. Но проблемы у нас у всех общие. Как их преодолевают матушки, жены тех священников, к которым мы часто обращаемся за советом?

Для кого эта книга?

В «Матушках» представлены в первую очередь непростые судьбы сильных, удивительных женщин. Эта книга понравится каждому, кому интересна жизнь со всеми ее взлетами и падениями, наградами и испытаниями, слезами и радостями, в которых внимательному взгляду открывается действие Промысла Божьего.

Автор-составитель «Матушек» — известный журналист Ксения Лученко.

В этой же серии готовятся к выпуску новые книги:

«Хранители веры»

XX век для России стал временем испытания подлинной веры и принес Церкви сонм новомучеников и исповедников. Но помимо тех, кто пострадал за Христа в лагерях и ссылках, были еще тысячи христиан, сквозь десятилетия атеизма и антирелигиозной политики пронесшие и сохранившие православную веру. В книге собраны интервью именно с такими людьми. Это священники и миряне, те, кто вырос в церковных семьях и те, кто пришел к вере вопреки обстоятельствам, окружению, мнению семьи; те, кто пережил аресты и потерю близких, и те, кто, напротив, прожил внешне спокойную, но внутренне чрезвычайно богатую жизнь.

Их объединяет одно — Христос, веру в Которого они пронесли вопреки всему.

«Люди Греческой Церкви»

Эта книга — рассказ «из первых уст» о жизни православных христиан в Греции, стране, где на вопрос о национальности часто отвечают: я — христианин. Миряне и архиереи, приходские священники и афонские монахи в дружеской непосредственной беседе говорят «за жизнь», вспоминают, делятся духовным опытом, рассуждают на злобу дня.

Для русского читателя наша книга — это уникальная возможность без языкового барьера пообщаться с замечательными людьми, нашими братьями по вере, узнать о традициях древнейшей Церкви и просто погреться под теплым солнцем греческого народного благочестия.

Где купить наши книги

Вы можете приобрести наши книги по издательским ценам на сайте **www.nikeabooks.ru** и в самом издательстве, заглянув к нам в офис по адресу: Москва, переулок Сивцев Вражек, д. 21.

В розницу наши книги можно купить в магазинах Москвы и других городов России:

Москва

Партнерские магазины «Символик»
тел.: 8-980-362-64-49, 8-980-362-67-34

«Библио-Глобус»
ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, тел.: (495) 781-19-00

«ТДК Москва»
ул. Тверская, д. 8, стр. 1, тел.: (495) 629-64-83

«Сретение»
ул. Большая Лубянка, д. 19, тел.: (495) 623-80-46

«Православное слово на Пятницкой»
ул. Пятницкая, д. 51/14, стр. 1, тел.: (495) 951-51-84

«Primus versus»
ул. Покровка, д. 27, стр. 1, тел.: (495) 223-58-20

Сеть книжных магазинов «Новый книжный»,
тел.: 8-800-444-8-444

«Московский Дом Книги», тел.: (495) 789-35-91

Санкт-Петербург

Партнерский магазин «Символик»
ул. Камская, д. 9,
тел.: (812) 982-68-26, +7 905 222-68-26

«Слово»
ул. Малая Конюшенная, д. 9, тел.: (812) 571-20-75

Сеть книжных магазинов «Буквоед»,
тел.: (812) 601-0-601

Екатеринбург

Сеть книжных магазинов «Дом Книги»,
тел.: (343) 253-50-10

Киев

Партнерский магазин «Символик»
Площадь Славы, ТЦ «Навигатор», пав. 38,s
тел.: (096) 320-36-78

Сергиев Посад

Партнерский магазин «Символик»
ул. 1 Ударной Армии, д.4А, тел.: +7 968 832-00-67

Интернет-магазины:

Россия

«Лабиринт»	www.labirint.ru
«Озон»	www.ozon.ru
«Сретение»	www.sretenie.com
«Зерна»	www.zyorna.ru
«Благочестие»	www.blagochestie.ru
«Риза»	www.zlatoriza.ru

Украина

«Quo vadis»	www.quo-vadis.com.ua
-------------	--

Наши электронные книги:

www.litres.ru
www.ozon.ru
www.wexler.ru

Для покупки книг оптом необходимо обратиться в отдел
продаж издательства «Никея»:

Тел.: (495) 600-35-10;
www.knigosvod.ru, sales@nikeabooks.ru

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 13-313-2040

Художественно-публицистическое издание

Посашко Юлия Игоревна

МОНАХИ

О выборе и о свободе

В работе над книгой приняли участие
*Анна Ершова, Андрей Кульба,
Татьяна Манакова, Валерия Посашко,
Юлия Зайцева, Екатерина Черкасова*

Дизайнер обложки *Антон Героев*

Художественный редактор *Анна Савостьянова*

Верстка *Никита Власкин*

Корректор *Екатерина Зайцева*

Подписано в печать 30.08.2013. Формат 75×90 ¹/₃₂

Бумага офс. Гарнитура «PT Serif».

Печ.л. 9,5. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 1310740.

Издательство «Никея»

119002, Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 21;

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

Тел.: (499) 241-97-45; edit@nikeabooks.ru

Оптовый отдел продаж:

Тел.: (495) 600-35-10; sales@nikeabooks.ru

www.knigosvod.ru

Адреса розничных магазинов см. на с. 290-291

ISBN 978-5-91761-238-6

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
япк в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

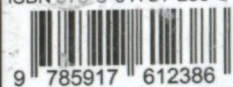
Митрополит Игнатий (Пологрудов)
Монахиня Иулиания (Денисова)
Инокания Ольга (Гобзева)
Игуменья Иоанна (Егорова)
Игумен Агафангел (Белых)
Иеромонах Клеопа Петритис
Игумен Михаил (Семенов)
Игумен Нектарий (Морозов)
Иеромонах Макарий (Маркиш)

НИКЕЯ

открывая мир православия

www.nikeabooks.ru

ISBN 978-5-91761-238-6

9 785917 612386

НИКЕЯ о вере

МОНАХИ

о выборе и о свободе